

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
TRANSACTIONS OF THE TARTU STATE UNIVERSITY

ALUSTATUD 1893. a.

VIHK 247 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 Г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

XVI

СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

Из истории русского языкознания

ТАРТУ 1970

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
TRANSACTIONS OF THE TARTU STATE UNIVERSITY
ALUSTATUD 1893 a. VIINIK 247 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

XVI

СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

Из истории русского языкознания

ТАРТУ 1970

Редакционная коллегия:

Б.Гаспаров, А.Метса, Х.Пак, С.Смирнов (отв.редактор).

C. SCHUEZ
PHOTOGRAPHE

DORPAT
RIGA

С. В. Смирнов

ПРОФЕССОР ТАРТУСКОГО (ЮРЬЕВСКОГО) УНИВЕРСИТЕТА

Д. Н. КУДРЯВСКИЙ

периодизации истории русской грамматики, так как факты развития русской грамматики в конечном счете обусловлены всем ходом исторического развития русского народа" (5, 63)^I. На самом же деле между возникновением различных направлений в русском языкознании и историей народа не обнаруживается непосредственной связи. Это значит, что такая периодизация будет представлять собой лишь внешнюю, ни к чему не обязывающую схему, которая ни в коей степени не будет отражать внутреннюю логику развития русской грамматической мысли. В худшем же случае такой подход может привести к полной вульгаризации науки, как это бывало в прошлом.

2. История языкознания есть наука о закономерностях возникновения и развития различных направлений. При этом зарождение нового направления обычно связано с появлением или дальнейшим развитием (усовершенствованием) того или иного метода исследования. Однако новое направление в науке о языке обычно полностью не исключает и не отменяет прежнего языкознания, не замещает его, а только открывает в языке какую-то новую сторону, дополняющую существующие представления. С этой точки зрения, абсолютизация любой лингвистической системы не имеет под собой никаких исторических обоснований. Отсюда, для объективности исследования анализ научного наследия того или иного ученого должен проводиться "изнутри", а затем рассматриваться как определенный и закономерный этап в истории науки о языке.

3. При анализе взглядов того или иного ученого необходимо быть особенно осторожным с разными философскими оценками. Особенно неоправданно было бы оперировать понятиями материализма и идеализма в тех случаях, когда они совершенно неприменимы (например, грамматическая система вряд ли может быть вообще материалистической или идеалистической).

---

^I В дальнейшем первая цифра в скобках будет означать порядковый номер списка литературы, вторая цифра — страницу источника. Все выделения в цитатах разрядкой, кроме особо оговоренных случаев, принадлежат авторам соответствующих работ.

Настоящая работа состоит из трех частей. Вначале освещается жизненный и творческий путь Д.Н.Кудрявского, затем его общелингвистические и грамматические взгляды. Материалом для данного исследования послужили преимущественно печатные работы Кудрявского, вышедшие отдельными изданиями или опубликованные в самых различных журналах, а также труды виднейших русских языковедов. Наряду с этим, использован значительный архивный материал.

В 1970 году исполняется 50 лет со дня смерти профессора Тартуского (Орьевского) университета Дмитрия Николаевича Кудрявского. Видный лингвист своего времени, автор многих исследований по общему и сравнительно-историческому языкознанию, прекрасный знаток древнеиндийской культуры и языка, он оставил заметный след в истории русского языкознания и истории Тартуского университета, с которым был связан в течение двадцати лет. Как писал Д.Зеленин, Кудрявский, занимая кафедру немецкого и сравнительного языкознания, "работал одновременно в области не менее как 10 научных дисциплин. По всем этим специальным дисциплинам он оставил после себя печатные исследования, причем автор всюду обнаруживает одинаково глубокую эрудицию, обстоятельность и научную точность" ¹.

Д.Н.Кудрявский был единственным русским языковедом, который еще в 90-е гг. XIX века познакомился с марксизмом и остался ему верен до конца своей жизни. Он принимал активное участие в работе первых марксистских кружков и затем петербургского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса", созданного В.И.Лениным.

Удивительны и душевные качества Д.Н.Кудрявского. Близкие и знакомые вспоминают о нем, как о человеке исключительной доброты, приветливости и благожелательности. Вот что пишет одна из его студенток: "У Д.Н. была одна особенность, и все, знавшие его, согласились бы, что только у него и ни у кого больше - это странно звучит: сияние. Я не знаю, как это описать, как определить: отнести к физическому или духовному, к душевному или телесному миру. "Это"

---

¹ Архив АН СССР, ф. 849, оп. I, ед. хр. 696, л. I.

грело и освещало вас: студента, друга, знакомого, встречного".

В данной работе мы ставим перед собой задачу осветить лингвистические взгляды проф. Д.Н.Кудрявского, преимущественно на фоне истории русского языкознания второй половины XIX- начала XX вв., и показать его роль и место в развитии отечественной науки о языке. Языкознание на Руси, возникнув еще в средние века, прошло длинный и сложный путь развития. И чтобы понять его современное состояние, необходимо знать историю формирования и борьбы разных взглядов на сущность языка и отдельные его стороны (лексику, фонетику, грамматику). Мы должны исходить из указания В.И. Ленина о том, что самое важное в научном подходе к любому вопросу — это "не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь" (2, 67).

История языкознания вызывает большой интерес у многих ученых, хотя занимаются ею немногие. Отчасти это и понятно: современное языкознание, по крайней мере в некоторых его областях, довольно далеко ушло в сторону от основной проблематики и методики традиционной лингвистики. Этим, очевидно, объясняется и тот факт, что при рассмотрении истории лингвистических учений все больше внимания уделяется тем языковедам, которые считаются непосредственными предшественниками или основоположниками новых течений в науке о языке (И.Болузи де Куртэнз, Ф.Фортунатов и др.).

При изучении истории лингвистических учений, по нашему мнению, следует исходить из следующих принципов.

I. Языкознание как наука имеет свои собственные ("внутренние") законы развития. Поэтому вряд ли справедливо утверждение А.И.Белова, что "факты истории русской грамматики могут быть поняты только в свете основных этапов истории нашего народа. Именно такая социально-историческая и историко-культурная периодизация должна лежать в основе

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ПРОФ. Д.Н.КУДРЯВСКОГО

Дмитрий Николаевич Кудрявский родился 25 октября 1867 года в Петербурге. Его отец Николай Андреевич (1837 - 1905) происходил из мещанской семьи. После окончания Удельного землемерного училища служил в департаменте уделов. В 1867 году в чине коллежского секретаря был уволен по сокращению штатов. Мать Вера Петровна (1837 - 1913) была дочерью известного актера и драматурга П.А.Каратыгина. Семья жила в трудных материальных условиях. Впоследствии Кудрявскому приходилось ежегодно брать справку о бедности, чтобы получить стипендию. В сообщении канцелярии петербургского градоначальника ректору университета говорилось: "Проситель 17 лет от роду, поведения и образа жизни хороших, состояния бедного, имущества у него, кроме необходимого платья, другого никакого нет... Живет при родителях, которые существуют на небольшие средства, оставшиеся от продажи имущества, и по бедному своему положению студент Кудрявский действительно нуждается в посторонней помощи" ^I.

Свое раннее детство Кудрявский провел в городе Медыни Калужской губернии. Учился в 6-ой С.-Петербургской гимназии. Лучшие воспоминания этих лет у него остались от уроков известного педагога-математика И.П.Верещагина, о котором он часто вспоминал в течение всей своей жизни. Окончив в 1885 году с серебряной медалью гимназию, Кудрявский поступил на словесное отделение историко-филологического факультета Петербургского университета. В университете он

---

^I ГИЛО, ф.14, оп.3, ед.хр.24723, связка 1492, л.13.

слушал лекции главным образом по санскриту, сравнительной грамматике, старославянскому языку, исторической грамматике русского языка и античной филологии. Особенно близко он сошелся с известным ученым-санскритологом И.П.Минаевым. А.А. Кудрявская по этому поводу пишет: "Дневник Д.Н. (Дмитрия Николаевича Кудрявского. С.С.) пестрит записями о И.П. (Иване Павловиче Минаеве. С.С.). Намечается ли какой-либо заработок, Д.Н. идет за советом к проф. Минаеву, нужно ли хлопотать о стипендии — он идет к Ивану Павловичу, находя каждый раз неизменно внимательное и сердечное к себе отношение. Короче говоря, вопросы и научно-академические и жизненные разрешались совместно с Иваном Павловичем. В своем дневнике от 24-го ноября 1889 г. Д.Н. пишет: "... Вообще многим я ему (Минаеву — примеч. автора) обязан, так что кажется даже, что слишком уж много от него берешь, ничего не давая взамен, а доброта его ко мне неистощима. С каждым разом как почувствуешь эту доброту, так на сердце радостно как-то станет: есть же на свете добрые люди! Сколько утешения в этой простой мысли!" I

С большим интересом Кудрявский слушал также лекции по классической филологии проф. П.В. Никитина. Об этом прежде всего говорит его письмо от 27 сентября 1904 года: "Глубокоуважаемый Петр Васильевич! Сегодня я послал Вам свою книжку о древнеиндийских домашних обрядах. Во введении она содержит между прочим один этюд об обычаях гостеприимства у греков гомеровского времени (стр. 62 и сл.). Этюд этот должен был войти в *Commentationes Nikitinanae*. К сожалению, тогда я не мог своевременно приготовить этой статьи, а потому теперь, посылая Вам свою работу, я прошу Вас принять ее, как выражение самой искренней и глубокой благодарности ученика своему учителю. Я, как видите, все-таки не совсем забросил греческий язык и литературу, любовь к которому у меня осталась еще с университетской скамьи; а там я

I

Архив АН СССР, разр. У, оп. I-K, № II5, л.2.

был почти постоянным Вашим слушателем. То, что я пишу Вам теперь, я не решился выразить печатно, только потому, что не знаю, насколько удачен этот мой эскиз: не хотелось публично выставлять свои чувства к Вам и ставить их в зависимость от качества своей работы. Ведь не всякий ученик делает честь своему учителю: в моей признательности Вы, конечно, не нуждаетесь; но мне все же так или иначе хотелось выразить ее Вам. Не посмел я это сделать раньше, но хоть и запоздалую дань примите благосклонно. Искренне уважающий Вас и благодарный ученик Ваш Д.Кудрявский" ¹.

В студенческие годы Кудрявский увлекался учением Льва Толстого. В его дневнике 15 января 1888 года записано: "Мы (я и Венья Татаринов) решили под влиянием Толстого ехать в деревню, чтобы там землю пахать и жить своими трудами, ни от кого не завися... мы прямо решили приводить в исполнение те наши планы, которые создала нам фантазия под влиянием толстовской теории... Я вообще тяготился или, лучше сказать, искал смысла нашей жизни, т.е. жизни интеллигентного общества, и я решительно ничего не находил" ².

Интересно, что летом 1893 года Кудрявский вместе с Л.В. Миловидовой и А.Е. Кугушевой ездил в Ясную Поляну. Там к ним присоединился и Л.Б.Красин, отбывавший в то время воинскую повинность в Туле. Вот как рассказывает о встречах с Л.Н.Толстым одна из участниц поездки - А.Е.Кугушева:

"Первая наша встреча с Л.Толстым вышла в саду. Толстой с толстовцем Булыгиным шел в ближайшую деревню, споры то-чить и остановился у нас. Булыгин производил самое неприятное впечатление своим вечным услужливым подлакиванием каждому слову Толстого, и мы старались совсем не замечать его. С Толстым же мы сразу заспорили. С нашей стороны главным спорщиком, конечно, был Леонид (Красин).

¹ Архив АН СССР, ф.36, оп.2, л.31, л.1-2.

² Архив АН СССР, разр. У, оп.1-К, л.115, л.2.

Толстой с виду был скорее некрасив. Особенно неприятен был его большой синий нос, но его глаза были очаровательны, особенно в споре, когда они все более разгорались.

Необходимо отметить, что Толстой, несмотря на все свое добродушие и пропаганду христианского непротивления, сам был человеком исключительно экспансивным, азартным, не терпевшим возражений и не скупившимся на резкости.

Бросалось в глаза, что то образование, которое насаждал в деревне граф Толстой, развивалось в направлении, противоположном желаниям самого Толстого. Это мы могли наблюдать уже на Константине Орехове — уном, рассудительном крестьянине, ученике Толстого. И вот этот Орехов (у которого мы все четверо жили) пошел в судьи, наперекор лозунгу Толстого "не суди". Мы имели часто возможность быть свидетелями споров Орехова с Толстым. "Вам хорошо рассуждать, — бывало скажет Толстому Орехов, — вы все видели. Если бы не эти комути (тут он показал на своих детей), я бы в Париж поехал — посмотреть, как парижские барыньки чисто ходят" (55, 186).

Отчасти в связи с исканием смысла жизни у Кудравского иногда появляются сомнения в избранной специальности. 21 декабря 1891 года он записывает в дневнике: "Недавно я имел разговор с ХХХ о задачах наук вообще и склонил вопрос к своему больному месту, к филологическим наукам. Защищать пользу их я мог только в условном смысле, так как и сам убежден в ней только отчасти... Работать для науки — это хорошие слова, но до сей поры я работал только тогда с увлечением для науки, когда находил хоть малое утешение в другой работе, для людей... Дело мое я люблю, от этого не могу отказаться, но разум не дает увлечься навязывающимся компромиссом, и все-таки помнишь о том, что ты член семьи и общества" I.

I

Архив АН СССР, разр. У, оп. I-K, № II5, л.2.

В 1889 году Кудрявский окончил университет с дипломом первой степени и по представлению Минаева был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре сравнительного языкознания и санскрита. Сначала его руководителем был Минаев, а после его смерти в 1890 г. — санскритолог С.Ф.Ольденбург и германист Ф.А.Браун. В этом же году славист В.И.Ламацкий привлекает его к работе в журнале "Живая старина", где он опубликовал несколько рецензий. В 1891 г. Кудрявский выдержал экзамен на звание магистра сравнительного языкознания и санскритского языка. По совету Брауна он решил работать в области сравнительной мифологии. В своем дневнике он писал: "29 декабря 1892 г. — прошлую субботу был у Ф.А.Брауна. Пошел я к нему посоветоваться относительно занятий моих и выбора темы для диссертации. Он стал меня сильно поддерживать в намерении заняться сравнительной мифологией и даже отговаривал заниматься суффиксами славянскими. Он считает, что подготовка имеется достаточная в смысле сравнительной грамматики и поэтому советовал прямо приниматься за дело... Он мне тут же надавал много полезных советов, дал книги и обещал впредь не оставлять своими советами. Одним словом, в нем для меня открылся прекрасный источник советов, так необходимых мне теперь в моем одиноком (без Ив. Павл. Минаева — примеч. автора) положении" ¹. Поэтому диссертация получила название "Исследования в области древнеиндийских домашних обрядов" ².

В начале 90-х гг. происходит большой перелом в миро-

---

¹ Архив АН СССР, разр. У, оп. I-K, № II5, л.3.

² Магистерскую диссертацию Кудрявский защитил в 1904 г. в Петербургском университете. В качестве оппонентов выступали И.А. Бодуэн де Куртене и Ф.И.Шербатской.

воззрении Кудрявского^I. Он усиленно изучает сочинения Карла Маркса и становится горячим сторонником его теории и методологии уже на всю жизнь. Кудрявский вступает в марксистский кружок студентов-технологов (1892-1893 гг.) во главе с известным петербургским марксистом С.И.Радченко. В этот кружок входили также Г.Б.Красин, Г.М.Крижановский, В.В. Старков, А.Л.Малченко. Позднее (с осени 1893 г.) к ним примкнули П.К.Запорожец, М.А.Сильвин, А.А.Ванеев и др. Здесь прошли школу марксизма Н.К.Крупская, З.П.Невзорова-Крижановская, А.А.Якубова, Л.М.Книпович, в то время слушательницы высших женских Бестужевских курсов. При этом интересно отметить, что в 1893-94 гг. Радченко жил на квартире Кудрявского (Разъезжая, 20).

"Новый состав петербургской социал-демократической группы во главе с С.И.Радченко уделял по сравнению с брусневской группой значительно больше внимания собственной теоретической подготовке, изучению трудов основоположников научного коммунизма, в особенности "Капитала"... Кружок С.И.Радченко был замкнутым. Стремясь построить строго законспирированную организацию, С.И.Радченко создавал маленькие, раздробленные кружки, а также выделял отдельных лиц с очень ограниченными связями на случай провала. К каждому интеллигенту, члену кружка, были прикреплены один или двое рабочих, через которых он мог проникнуть в рабочий кружок. В организацию принимались лишь теоретически подготовленные, уже вполне убежденные социал-демократы, способные вести теоретические бои

I

На путь революционной борьбы вступил и его друг по гимназии и университету Евгений Валерианович Татаринцов. Уже в 1887 году он принимал участие в студенческих беспорядках. После окончания университета Татаринцов поступил в Военно-медицинскую академию, из которой был в 1891 г. исключен за участие в похоронах Щелгунова и отдан под негласный надзор полиции. Циркуляром министерства народного просвещения ему была запрещена педагогическая деятельность. Позднее он примкнул к московской группе народоуправцев и участвовал в студенческих волнениях 1899 г., за что был исключен из Московского университета и выслан в Тверь. (ЦГАОР, ф.202, оп.86, 1891, ед. хр. 546).

с народниками... С кружком С.И.Радченко осенью 1893 г. связался прибывший в Петербург В.И.Ленин. Почти все участники кружка активно участвовали в созданном В.И.Лениным петербургском "Союзе борьбы за освобождение рабочего класса" (66, 391-393).

Л.Б. Красин писал в своих воспоминаниях: "Мы рассуждали таким образом: чтобы сделать рабочего вполне восприимчивым к идеям социализма, чтобы подготовить действительных вождей рабочего класса, способных разбираться в трудной обстановке борьбы с капитализмом и самодержавием, необходимо прежде всего познакомить их с основами естествознания и в особенности с теорией эволюции, переходя от эволюции планетных систем к эволюции органического мира и к эволюции человеческих обществ и их институтов" (54, 104). Острая необходимость в популярных пособиях при проведении такой работы среди петербургских рабочих привела Кудрявского к мысли написать книжку по истории первобытной культуры. Эта книга под названием "Как жили люди в старину" вышла первым изданием в 1894 году. В ее основу были положены работы Ф.Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства" и Л.Г.Моргана "Древнее общество". Автор в ней рассматривает материальную жизнь первобытного человека (место жительства, пища, орудия, развитие производства), общественную жизнь (семья, род, фратрия, происхождение рабства, торговли, возникновение денег) и умственную жизнь (язык, счет и письмо, первобытная религия и искусство). Написанная очень ясным и легким языком, книга пользовалась большой популярностью и выдержала девять дореволюционных и послереволюционных изданий.

В эти же годы Кудрявский перевел работы Ф.Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства" и "К жилищному вопросу", написал популярные лекции в помощь пропагандистам, в которых излагались вопросы о происхождении мира, человека, история первобытной культуры, возникновение капитализма и классовой борьбы и т.п.

Интересные факты о работе Кудрявского в марксистских кружках сообщает также персональный пенсионер В.В.Татаркин. Он пишет: "Дмитрия Николаевича Кудрявского я знал с его студенческих лет, когда сам я был еще гимназистом. Он был школьным товарищем и другом моего старшего брата (Веннамина Валериановича. С.С.), тоже революционера, а через брата стал и моим другом, постоянно бывая в нашей семье. С начала 90-х годов он принимал участие в марксистских кружках и всегда высоко ценил Владимира Ильича Ульянова, с которыми он был в близких отношениях. В 1894 г. именно он - Кудрявский обратился ко мне с просьбой сделать все деревянные части к домашнему типографскому станочку, передав мне чертёжи, по которым я, как искусный столяр-любитель, и соорудил этот станок. Позднее в 1895 г., опять же по его просьбе, я сделал Ильичу ящик с секретным запором для хранения рукописей, которую он Ильичу и передал и которая в свое время сослужила службу... Дмитрий Николаевич всегда являлся пропагандистом марксистского учения среди молодежи, воюя против народников одновременно с Лениным" ^I.

Уже в 1892 году имя Кудрявского стало известно департаменту полиции. Дело в том, что 3 мая этого года у Л.Б.Красина, жившего тогда в Нижнем Новгороде, полицией был произведен обыск и найдены письма его невесты Л.В.Миловидовой (Петровой). В одном из них сообщалось о каком-то Митке, который читал ей вступительные лекции по языкознанию. На допросе она объяснила, что это ее учитель, бывший студент Петербургского университета Дмитрий Кудрявский.

Миловидова к этому времени уже провела большую школу марксизма в кружке Брунчева. С Л. Красиным она познакомилась в 1890 году. По воспоминаниям Г.Красина, "они очень подружились и полюбили друг друга. Пожениться, однако, они не могли, ибо это неизбежно сопровождалось бы появлением

^I

Документ был передан автору работы Александрой Алексеевной Кудрявской, живущей сейчас в г.Черкассы.

детей, что в расчеты Леонида совсем не входило. Брак их тогда так и не состоялся благодаря начавшимся для брата тюремным и прочим мытарствам. Я был свидетелем невольной драмы, необычайного самообладания, мужества и духовной мощи брата. Любовь Васильевна вышла замуж за Кудрявского" (54, 29). И с 1892 года Дмитрий Николаевич находился под постоянным наблюдением полиции.

Летом 1894 года Кудрявский был командирован с научной целью за границу. Сначала он жил в Иене, где занимался под руководством Б. Дельбрюка сравнительным синтаксисом индоевропейских языков и ведическим санскритом. Оставшуюся часть времени провел в Париже. Сведений об этом периоде жизни Кудрявского сохранилось довольно мало. Может быть, лучше всего его настроения в то время передает письмо Ольденбургу от 9 марта 1895 года. "Дорогой Сергей Федорович! Только теперь собрался я ответить Вам на Ваше письмо. В Париже я уже устроился довольно хорошо, но до сих пор еще не занимался. Хочется несколько отдохнуть от занятий в Иене, да и оглядеться немного в Париже: контраст немаленький - Иена и Париж! Пока брожу все еще, как провинциал, попавший в большой город...

Хочу обратиться к Вам с просьбой дать мне указания относительно Парижских источников мудрости, т.е. библиотек, так как вскоре собираюсь приняться за продолжение своих работ над сутрами. Самому самостоятельно разобраться в Париже, конечно, довольно трудно, особенно после Иены: он несколько ошеломляет. Первое время я даже шумом одним был достаточно удручаем. Кроме того, ни в России, ни в Иене я еще ни разу так не мерз, как здесь: говорят, будто холода для Парижа необыкновенные стояли последнее время; оно и видно уже потому, как мало приспособлены квартиры для защиты от холода. Теперь уже начинает Париж оттаивать, хотя все еще не особенно энергично...

Пишите, как Ваше здоровье? Пишите и о новостях университетских, которых в последнее время, кажется, не мало, судя

по глухим известиям газет. В дружественной с Россией Фран-
ции, кажется, еще меньше можно узнать о России, чем в Гер-
мании. М.б. потому именно, что она дружественна? Грустно.
Сведения настолько неясны, что правды даже и не угадать:
знаешь только, что что-то было, но что именно — даже и
представить не можешь. Удовлетворите, насколько возможно,
моему любопытству; Вы знаете, конечно, что не праздное это
любопытство, а даже потребность знать подробности нашей
университетской жизни. Пишите и о моем "госте": мне хочет-
ся знать Ваше мнение о нем; согласны ли Вы с моею постанов-
кою вопроса и моими выводами? Думаете ли Вы, что будет воз-
можно пристроить статью куда-нибудь? Будьте здоровы. Креп-
ко жму Вашу руку. Ваш Д.Кудрявский" ¹.

Будучи за границей, Кудрявский не порывает связей с
участниками петербургских марксистских кружков. Об этом, в
частности, свидетельствует донесение, что "Дмитрий Никола-
евич Кудрявский, находящийся ныне за границей, продолжает
поддерживать предосудительные сношения с привлеченной к де-
лу княжной Анной Кугушевой и слушательницей высших женских
курсов Зинаидой Павловой Невзоровой (впоследствии жена Г.М.
Кржижановского. С.С.), личностью весьма неблагонадежной.
Кроме того, Кудрявским интересуется также находящийся в Ниж-
нем Новгороде Сергей Протопонов, состоящий в близких отно-
шениях с литератором Короленко и другими известными по сво-
ему контрреволюционному направлению лицами" ².

Поэтому начальникам жандармских пограничных пунктов был
отдан приказ при возвращении Кудрявского в Россию произвес-
ти тщательный досмотр багажа и сообщить о пути следования
департаменту полиции и начальнику соответствующего губер-

---

¹ Архив АН СССР, ф. 208, оп.3, ед.хр. 309, л.1-2.

² ЦГАОР, ф.102, оп.227, 1899, № 172, л.11.

ского жандармского управления для установления за ним негласного наблюдения в течение двух месяцев.

Вернувшись осенью 1895 года в Петербург, Кудрявский прочел две пробные лекции на историко-филологическом факультете и был допущен к чтению лекций в звании приват-доцента. В 1896 году он одновременно работал вольнонаемным преподавателем греческого языка в частной гимназии Я.Г. Гуревича, а в 1898 году был назначен штатным преподавателем той же гимназии. В Петербургском университете Кудрявский читал следующие курсы: семейные отношения индоевропейцев, сравнительный синтаксис падежей, свадебные обряды индусов по грихья-сутраам (чтение и толкование памятников), синтаксис индоевропейского глагола с кратким обзором образований глагольных основ, первая книга законов Ману.

В эти годы Кудрявский поддерживает тесную связь с петербургским "Союзом борьбы за освобождение рабочего класса". Об этом, в частности, свидетельствует один интересный документ. В 1896 году А.А. Ушаков решил издавать журнал "Земля", посвященный исследованию вопросов экономической жизни России. Редактором журнала предполагалось назначить Кудрявского. По этому поводу петербургский градоначальник сообщил в Главное управление по делам печати следующее: "По имевшимся за Кудрявским наблюдениям выяснено, что он находился в сношениях с привлеченными к дознанию по делу о "социал-демократическом кружке" Владимиром Ульяновым, Глебом Кржижановским, Анатолием Ваневым и Михаилом Названовым. Что же касается Ушакова, то последний привлекался в 92 г. к дознанию по обвинению в государственном преступлении"¹. Более того, Л. Красин называет Кудрявского одним из основателей "Союза

---

¹ ЦГАОР, ф. 102, оп. 227, 1899, № 172, л. 3.

борьбы за освобождение рабочего класса" I.

Кроме того, Кудрявский активно сотрудничал в передовых журналах того времени ("Новое слово", "Начало", "Мир бо-жий"), в которых также печатали свои статьи виднейшие деятели рабочего движения: В.И. Ленин (псевдоним К.Т.-н), Г.В. Плеханов (псевдоним Каменский), В. Засулич (псевдоним В.Иванов) и др.

Кудрявский опубликовал в этих журналах около сорока рецензий² на книги самого различного содержания: по антропологии, религии, истории, мифологии, политической экономии, философии и т.д. Небольшие по объему (от двух до пяти страниц), они дают хорошее представление о той или иной работе, указывают ее положительные и отрицательные стороны. Их отличительная черта - воинствующий материализм. Там, где было необходимо решить тот или иной вопрос на материалистической основе, Кудрявский был последователен в своих взглядах. При этом он высоко оценивал те работы, которые строились на принципах материализма. Например, он приветствовал появление книги Ю. Белоха "История Греции", так как она распространяла экономическое (=материалистическое) направление в исследовании исторических вопросов. "Автор, - писал он, - во многих случаях оказывается стоящим на почве экономического понимания истории в духе Маркса, хотя прямо он этого нигде не высказывает. Во всяком случае этот труд может показать, каким образом, по крайней мере, некоторые "надстройки" создаются на экономическом фундаменте" (33, 60).

I

Ср. "Последующая группа технологов социал-демократов (т.е. группа С.И. Радченко. С.С.) ... вскоре повела работу совместно с выступившим тогда впервые на сцену В.И. Ульяновым, Мартовым, Потресовым, Д.Н. Кудрявским и другими основателями "Союза борьбы за освобождение рабочего класса" (54, II 7).

2

Часть из них была написана уже в Тарту.

При рецензировании книг, которые содержали хороший фактический материал при ошибочном его истолковании, Кудрявский дает свою интерпретацию фактов или советует читателю познакомиться с фактами, а для их объяснения обратиться к другим работам. Приведем два примера. В рецензии на книгу Л.Кржиwickого "Антропология" он критикует автора за объяснение семьи с антропологической точки зрения. Кудрявский рассматривает ее как социальное явление. Далее, Кржиwickий в возвращении к старине видел спасение культуры. Он утверждал, что нравственность дикарей стоит выше, чем цивилизованных народов, и "недаром Энгельс в трудах Моргана нашел оружие против современных общественных порядков" (30, 234). Кудрявский на это замечает: "В приведенных словах г.Кржиwickого сказывается непонимание того, что говорит Энгельс о варварах в своем сочинении "Происхождение семьи, частной собственности и государства"... Энгельс иначе оценивал варварскую общественную организацию: он смотрел на нее не с точки зрения нравственности, а с точки зрения развития производства, а если он находил в ней хорошие стороны, то главным образом с той точки зрения, насколько эта организация справляется со своими общественными задачами. В этом отношении он ставил варварскую организацию выше цивилизованного классового общества, с его порабощением одного класса другим и с его анархией производства" (34, II4).

В рецензии на "Историю семьи" Ю.Липперта Кудрявский критикует автора за то, что тот обратил мало внимания на экономическую сторону вопроса. "На первый взгляд может показаться, - говорит он, - что совершенно произвольно класть в основу древнейшей организации семьи именно экономический фактор, а не наоборот - экономическую организацию объяснять строем семьи. Однако, если вдуматься в факты истории семьи, то станет совершенно ясно, что именно в этой области экономическое толкование фактов - единственно возможное" (35, 68-69). Поэтому "ученые, желающие объяснить историю семьи развитием понятия родства и свести все исторические факты к физиологическим и психологическим причинам, забывают, что

физиология и психология человека постоянны, и уже потому не могут объяснить разнообразия исторических семейных организаций. Даже если допустить существование изменений в физиологическом и психологическом складе людей по временам и расам, то и тогда останется неразъясненным вопрос, почему у различных рас и в различные времена появляются почти тождественные семейные организации" (35, 69). Поэтому признавая книгу Липперта интересной в фактическом отношении, Кудрявский считает, что ее теоретические недостатки могут быть восполнены работами Ф.Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства" и М.Ковалевского "Очерк происхождения и развития семьи и собственности".

Те работы, которые строились на идеалистической основе и даже не содержали новых фактов, Кудрявский подвергает самой беспощадной критике. В рецензиях на них он, вскрывая недостатки, показывает полную бесспособность автора решить данную проблему. Иногда он дает подборку цитат с комментариями, чтобы более наглядно показать бедность содержания той или иной работы. Особенно ярко это проявилось в рецензии на книгу Л.Уорда "Очерки социологии". Уорд в своей книге не смог определить предмет социологии, смешал ее с естествознанием, приравняв общество к организму. Социолог, по его мнению, "несколько познакомившись" с "фактами низшего порядка", должен заниматься высшими законами. На это Кудрявский язвительно замечает, используя его же выражения: "А между тем в широком полете своей мысли Уорд презревает такую эпоху, когда законодатели будут обращаться к помощи социологии, чтобы "изобрести" законы, ведущие общество к благополучию. Не дай бог осуществления его мечты, когда социолог, "несколько познакомившись" с jurisprudence и главным образом изучив анатомию и физиологию, будет "изобретать" законы. Уорд серьезно думает, что законы изобретаются: он не знает, по-видимому, того, что юристы в настоящее время уже перестали говорить об изобретении законов. Да и мало ли чего Уорд не знает!" (39, 106). Еще замечательнее звучит конец рецензии, который выносит книге

Уорда окончательный приговор: "Да простит меня читатель, если я не буду далее излагать социальную теорию Уорда. Я до последней страницы надеялся, что в книге найдутся хоть какие-нибудь факты, хоть что-нибудь, выясняющее содержание социологии. Но я ничего подобного не нашел. Если вы, читатель, любите чистые рассуждения без всяких "фактов низшего порядка", то лучше сами прочтите книгу Уорда: я боюсь исказить его теорию. Если вы не любитель подобных упражнений, то лучше не берите его книги в руки: она оставит в вас только одну досаду. И досада эта увеличится еще от того, что при всей скудости содержания Уорд сумел наполнить эту книгу множеством новых слов, которые он очень любит создавать. Так, в начале VII главы (стр. 114) он высказывает неудовольствие, что имена многих наук оканчиваются на "логия", и предлагает вместо этого окончание "номия". В этой главе он так и пишет: биономия, психономия, социономия, барономия и т.д. Серьезно" (39, 107).

Следовательно, в своих рецензиях Кудрявский боролся за материалистическое направление в науке, всячески поощрял те труды, которые соответствовали этому направлению, критиковал и поправлял тех авторов, которые отходили от материалистического понимания фактов, и решительно отвергал всякие псевдонаучные сочинения, которые не только не объясняли, а, наоборот, запутывали сущность дела с претензией на научность. И в этом большая заслуга Кудрявского, который умело направлял запросы читателя, помогал ему в выборе нужных книг, формировавших мировоззрение в материалистическом духе.

Научная деятельность Кудрявского в области языкознания в этот период была тесно связана с Лингвистическим отделением Неофилологического общества. В заседаниях Лингвистического отделения, созданного по инициативе А.А.Шахматова, принимали участие такие видные ученые, как Ф.А.Браун, А.А.Куник, В.В.Радлов, С.К.Булич, а позднее И.А.Бодуэн де Куртене, М.Р.Фасмер, Д.В.Бубрих, Е.Д.Поливанов, Л.П. Яку-

бинский, Л.В.Шерба и другие. Кудрявский с 30 января 1896 года до отъезда в Тарту был секретарем отделения I.

За этот период он прочел пять рефератов, три из которых затем были опубликованы. Это "Суффикс *ablativi singularis* в индоевропейских языках" (ЖМНП, 1896, № 4), "Славянская конструкция отрицательного глагола с родительным падежом и родственные явления других индоевропейских языков" (ЖМНП, 1897, № 4) и рецензия на "Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. IV Band. Syntax von B.Delbrück" (ЖМНП, 1898, № 3).

Первая статья, как показывает само заглавие, посвящена происхождению суффикса аблатива. Вопрос о нем сводится к конечной согласной, так как засвидетельствованные формы, сохранившиеся в санскрите, греческом и латинском языках, допускают различные толкования. В санскрите аблатив оканчивается на *-t* и на *-d*, и трудно решить, что было первоначальным. В латинском языке он оканчивается на *-d*, которое могло произойти и из *-t*, а в зенде — на трудно объяснимое *-t*.

Критически разобрав предыдущие точки зрения (М.Мюллера, Бругмана, Курциуса, Шмидта и др.), Кудрявский доказывает, что доводы в пользу первоначального *-d* очень слабы. Поэтому он связывает с аблативом наречный суффикс *-tos* или *-tes*, встречающийся в санскрите, армянском, греческом, латинском и славянском языках, так как наречия на *-tos* родственны аблативу, а *-os*, *-es* тождественны индоевропейскому суффиксу родительного падежа единственного числа согласных основ. Но в таком сочетании это был второй суффикс аблатива, прибавленный в конце какой-нибудь формы, оканчивающейся на *-t*, чтобы усилить значение аблатива. Этот процесс, по его мнению, должен был произойти в индоевропейский период. Об этом, в частности,

---

I

См. Архив АН СССР, р.IV, оп.24, № 5.

говорит широкое распространение упомянутого суффикса. В санскрите он мог образовывать аблатив наравне с суффиксом -at. Эту же роль он играет в армянском и греческом языках. С подобным явлением мы встречаемся и в старославянском языке. Этим Кудрявский объясняет форму родительного падежа единственного числа "теленате", "отрочате", "жртѣбатѣ". О том, что конечное t основы первоначально, свидетельствуют русские формы типа "теленок", "жеребенок" и т.д. При этом Кудрявский возражает против мнения Бругмана, что уже на славянской почве произошло изменение -tos в -tes по аналогии с родительным падежом всех согласных основ. Он считает, что этот суффикс мог иметь двойную форму уже в индоевропейский период, в зависимости от двойного суффикса родительного падежа -os, -es. К этим выводам при обсуждении доклада присоединились А.А.Шахматов и С.К.Буднич^I.

Во второй статье разбирается конструкция отрицательно-го глагола с родительным падежом. Переходные глаголы с отрицанием требуют родительного падежа не только в славянских, но и в некоторых других индоевропейских языках: литовском, готском, древневерхненемецком. На многочисленных примерах Кудрявский доказывает наличие этого явления и в греческом языке. Наиболее существенным для объяснения родительного при отрицании он считает тот момент, что эта конструкция встречается именно в тех языках, где родительный является представителем первоначального родительного и аблатива, в то время как языки, сохранившие первоначальный аблатив, не знают этой конструкции. Это приводит к мысли, что родительный с отрицанием восходит к аблативу. Причина этого заключается в следующем. Если действие отрицается, то винительный падеж неуместен, так как действие глагола не охватыва-

---

I

Архив АН СССР, р.ІУ, оп.24, № 5, л.3.

ет объект: оно принимает противоположное направление, как бы отдаляется от предмета, который является объектом при утвердительном глаголе. А таким было первоначальное значение аблатива. Поскольку это явление имеет широкое распространение, то Кудрявский предполагает существование такого типа аблатива при отрицательном глаголе и в индоевропейском языке.

Интересно отметить, что на заседании Лингвистического отделения А.А.Шахматов сказал, что "объяснение докладчика кажется ему проще, нежели толкование родит. п., как *genet. partitivus*" ¹. Но впоследствии он резко изменил свое мнение. Ср. "Происхождение этого родительного не так ясно. Во всяком случае должно быть отвергнуто мнение тех, кто считает этот родительный родительным отложительным. Такой же родительный находим в литовском, а частью и в готском языке. Сопоставление с финским не оставляет сомнения в том, что это родительный частичный" (73, 325).

Рецензия на "Grundriss" Дельбрюка интересна главным образом тем, что в ней Кудрявский на основе этого исследования создает картину вероятного развития категорий времени и вида в индоевропейских языках. Впоследствии основные положения этой части рецензии были включены во "Введение в языкознание".

Его исходный принцип следующий: так как аорист и имперфект по своему образованию не отличались друг от друга, поскольку в том и другом случае прошедшее время выражалось не глагольной формой, а приращением, и будущее время в индоевропейских языках представляет очень разнообразные образования по форме, то отсюда следует вывод, что грамматическая категория времени — явление далеко не первоначальное. Поэтому Кудрявский считает, что индоевропейский глагол не имел категории времени, а обладал развитой системой видов, которые обозначали, каким образом проте-

---

I

Архив АН СССР, р. IV, оп. 24, № 5, л. II.

кает действие, выраженное глагольным корнем. Эта развитая система видов давала возможность, не выражая времени формой глагола, передавать последовательность действий. Носителями видового значения были суффиксы, которые распределялись между глаголами в зависимости от реального значения глагольного корня. Если корень допускал различные видовые значения, то к нему могли присоединяться разные суффиксы.

Прошедшее время обозначалось только в предложении при помощи частиц или наречий. Одна из них, *é, со значением "раньше, прежде", была, видимо, наиболее употребительной и примкнула к системе глагола, сохранившись в санскрите, греческом и армянском языках. После этого присоединения стали различаться две категории прошедшего времени: а) прошедшее от основ курсивного значения - имперфект, б) прошедшее от основ моментального значения - аорист. Но Кудрявский считает, что категория времени в индоевропейском языке еще вполне не установилась, кроме, видимо, вспомогательных глаголов, которые первоначально имели определенное вещественное значение.

После образования категории прошедшего времени с приращением другие формы, не имевшие значения времени, стали осознаваться иногда как формы настоящего времени; иначе говоря, настоящее время возникает как противоположность прошедшему. Этим Кудрявский объясняет тот факт, что настоящее время может в индоевропейских языках употребляться в значении прошедшего и будущего времени.

После этого в развитии глагольной системы индоевропейских языков наблюдается два различных течения. Большинство языков развивает грамматическую категорию времени путем создания различных форм для выражения значений прошедшего и будущего времени. Другие языки (например, русский) развивают видовое значение, постепенно утрачивая имперфект и аорист.

Образование категории будущего времени Кудрявский относит к периоду самостоятельного существования отдельных

языков. Форма на *-sio-*, сохранившаяся в санскрите и литовском языке, возникла в индоевропейскую эпоху, но значение будущего времени, по его мнению, она получила уже в период отдельного существования индоевропейских языков. В частности, образование будущего времени от глаголов совершенного вида в русском языке он связывает с глаголами, обозначающими начало действия (встать, начать, пойти, засветить и т.д.). Поскольку самое их действие протекает уже в будущем времени, то эти глаголы получают добавочное значение будущего времени, которое развивается постепенно в самостоятельную категорию.

х х х

15 декабря 1898 года Кудрявский был назначен и.о. экстраординарного профессора в Тартуском (Дрьевском) университете по кафедре немецкого и сравнительного языкознания, основанной в 1865 году. В.И.Ламацкий и С.Ф.Ольденбург в своих отзывах дали высокую оценку молодому ученому. Ламацкий, в частности, писал: "Кудрявский всегда был у нас отличним студентом; у Минаева он занимался по преимуществу. От покойника я не раз слышал большие похвалы последней работе кандидатской Кудрявского по сравнительному синтаксису. В последние годы за границей и в России он продолжал заниматься сравнительной грамматикой, присоединив к ним занятия по сравнительным древностям индоевропейских народов. В ИМНП полностью, в Ливой старине и пр. были помещены его статьи в том и другом роде. Человек он необыкновенно скромный, истинно преданный науке, ровный, спокойный; в юности он хворал, теперь совсем поправился... У нас на факультете он был из лучших студентов. Факультет его отправлял за границу. Читанные им курсы в университете были очень содер-

жательны" I. Аналогичным был и отзыв С.Ф.Ольденбурга: "Отличительной чертой работ Кудрявского следует признать, как мне кажется, стремление расширять рамки лингвистического исследования путем привлечения данных этнографии и исторической культуры. В таком именно направлении он и ведет ту работу, кот. должна составить его диссертацию и глава из которой появилась уже в печати под заглавием: "Прием почетного гостя"... Занятия ведической литературой, под руководством такого первоклассного знатока, как проф. Дельбрюк, хорошо подготовили его к этому. Вообще, и в этой работе и в других работах Кудрявского видно, что он далеко не ограничился теми минимальными знаниями в области санскрита, которыми обыкновенно довольствуются лингвисты, а овладел языком и литературой в весьма значительной степени. Работы Кудрявского отличаются всегда большою осторожностью в выводах и тщательностью обработки. Немногие рецензии, им напечатанные, указывают на умение определить суть работы и отнестись с полным беспристрастием к выводам и там, где рецензент не разделяет взгляда автора. Вообще, все работы Кудрявского показывают в нем серьезного и добросовестного научного работника" 2.

Приезд Кудрявского в Тарту совпал с началом массового движения тартуских студентов, вызванного общим революционным подъемом в стране. Этому способствовало также изменение социального и национального состава студентов. После 1889 года с введением преподавания на русском языке начинает быстро расти число русских и затем эстонских студентов. Демократизация студенчества была обусловлена и тем обстоятельством, что в Тартуский университет было разрешено при-

---

I ЦГИАЛ, ф.733, оп.150, ед.хр.1505, л.108.

2 Там же, лл.108-109.

нимать студентов, исключенных из других университетов за революционную деятельность, а с 1897 года — лиц, окончивших духовные семинарии, которые по составу учащихся были демократичнее, чем другие учебные заведения. В 80 — 90-е гг. в Тартуском университете создаются многочисленные кружки. В частности, к 1893 году относится основание первого марксистского кружка, в котором студенты занимались изучением и пропагандой марксистских идей.

В феврале 1899 года в связи с разгоном студенческой демонстрации в Петербурге объявили забастовку и тартуские студенты, выдвинув ряд требований академического характера. После этого, несмотря на ряд репрессий царского правительства, студенческое движение в Тартуском университете быстро развивается. Начинается переход студенчества от протестов академического характера к политическому протесту, о чем ярко свидетельствуют студенческие митинги и демонстрации в 1901, 1902, 1904 годах. Но высший подъем студенческого движения начался в период революции 1905—1907 гг. Уже 13 января начались митинги и демонстрации в знак протеста против расстрела рабочих 9-го января в Петербурге. В университете были прекращены занятия, которые возобновились лишь осенью 1906 года (79,3—55; 80,3—50).

Кудрявский не был в стороне от всех этих событий. В.Э. Грабарь в своих воспоминаниях считает его одним из самых прогрессивных профессоров: "Кудрявский, — пишет он, — был единственным социал-демократом в составе Юрьевских профессоров" (25,63). В Тарту Кудрявский был избран почетным членом "Общества русских студентов". Это общество — полукорпорация в начале своего существования — было своего рода культурным центром русской студенческой молодежи. К 1900 году решающее влияние в нем окончательно перешло к марксистам. В работе общества принимали участие один из виднейших большевиков Марат Шанцер, погибший в архангельской ссылке Покровский-Водоватовский, Десницкий и другие. Членами общества вместе с Кудрявским состояли такие

передовые профессора, как А.И. Садовский, М.И. Косач (брат Леся Украинки), Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, В.Э. Грабарь. В 1900 году почетным членом был избран и М. Горький¹. На заседаниях общества читались и обсуждались рефераты по самым различным вопросам науки и общественной жизни. Особенно горячие споры шли о народничестве и марксизме. Настольными книгами многих членов общества были "Капитал" К. Маркса и "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" Г.В. Плеханова. Недаром в сообщении начальника Рижского охранного отделения от 22.II.1908 г. говорилось: "Общество русских студентов" состоит в настоящее время исключительно из студентов, признающих программу Российской социал-демократической рабочей партии, причем обществом преследуются следующие цели: общество объединяет всех студентов юрьевских высших учебных заведений согласно целям социал-демократической партии, для чего рекомендует членам общества занимать выборные должности среди студентов; вне стен учебных заведений, во время отпусков, вакаций и т.п. рекомендует пропагандировать идеи социал-демократической партии в соответствии с ее программой"².

Профессора университета сначала произвели на Кудрявского очень благоприятное впечатление. В письме Ольденбургу он писал: "Я не раз благодарил судьбу за то, что сразу попал в дружный кружок хороших людей"³. Однако на самом деле среди профессуры не было внутреннего единства. Достаточно было незначительного повода, чтобы произошло полное идейное размежевание. Таким поводом послужила лекция Гра-

---

¹ См. ЦГИА ЭССР, ф.402, оп.7, № 190.

² ЦГАОР, ф.102, оп.5, д.3, ч.44, 1905, л.150.

³ Архив АН СССР, ф.208, оп.3, ед.хр.309, л.4.

баря 16.П. 1904 г., посвященная русско-японской войне. Грабарь высказал мнение, что Япония, начав военные действия до формального объявления войны, не нарушила международного права, так как этому предшествовал разрыв дипломатических отношений. Виновником же войны является Россия, не выполнившая договора об отозвании войск из Манчжурии, чтобы оттянуть время и лучше подготовиться к войне. Когда слухи об этом проникли в профессорскую среду, то некоторые сочли взгляды Грабаря антипатриотическими, а проф. Срезневский назвал их "возмутительными и оскорбительными для России". Через Миклашевского он хотел передать Грабарю, чтобы тот публично опроверг эти слухи и оправдал себя в глазах товарищей. Но Миклашевский отказался выполнить эту просьбу. Вскоре группа профессоров, близкая к Грабарю (Миклашевский, Пергамент, Остроградский, Кудрявский), решила, что Срезневский поступает неблагоприятно и не товарищески, и постановила прекратить с ним всякие сношения и не подавать руки ("руковать"). Узнав об этом, Срезневский обратился к ректору, чтобы тот заставил профессоров извиниться перед ним. Однако посредничество ректора не дало результатов. Более того, с течением времени отношения между реакционной профессурой (Граве, Дегно, Крашенинников, Срезневский и др.) и прогрессивной (Миклашевский, Кудрявский, Грабарь, Пассек, Нечаев, Пусторослев, Дьяконов и др.) все больше обострялись. Если первые сразу же выступили в защиту царизма, то вторые стремились использовать революционное движение для того, чтобы расширить академические свободы, пересмотреть университетский устав и т.д. Начальник Лифляндского губернского жандармского управления 3 апреля 1904 г. доносил, что "профессор Грабарь принадлежит к либеральной партии профессоров Юрьевского университета и по своим убеждениям социал-демократ. Он вращается почти исключительно в кругу профессоров, принадлежащих к либеральной партии, и почти не поддерживает сношений с профессорами консервативного направления, причем в особенно близких отношениях состоит

с профессорами Пергаментом, Дьяконовым, Миклашевским, Остроградским и Кудрявским... Профессор Грабарь проявляет особую энергию и заботливость в отношении замещения открывавшихся в Юрьевском университете профессорских вакансий лицами либерального направления и, поддерживая сношения с многими профессорами упомянутого направления других университетов, составляет их в известность об открывавшихся вакансиях и затем, поддерживаемый своими единомышленниками профессорами, содействует избранию желаемого ему кандидата. Между прочим, по сведениям, профессор Грабарь оказывал деятельное содействие упомянутым выше профессорам Пергаменту и Кудрявскому в их хлопотах по назначению их профессорами Юрьевского университета" ^I.

Кудрявский поддерживал все мероприятия прогрессивных профессоров, которые объективно способствовали развитию революционного движения. В частности, он был членом Академического союза, подписал записку 342 ученых "Нужды просвещения" (газета "Русь" от 27.I.1905 г.), в которой резко критиковалась политика царского правительства в области просвещения, осуждались репрессии против студенчества. В донесениях жандармов Кудрявский обвинялся в сношениях с революционными студентами и их подстрекательстве.

Когда в январе 1905 года революционно настроенные студенты решили, как и в других университетах, не начинать занятий, то Кудрявский, Грабарь, Миклашевский, Дьяконов и другие поддержали их. 12 сентября 1905 года Кудрявский был избран в комиссию "для установления правильного хода учебной жизни в университете". В своем проекте комиссия рекомендовала принять такие радикальные меры, как освободить студентов от полицейского надзора, предо-

---

^I ЦГАОР, ф. 102, оп.4, 1904, ед.хр. 2369, л.3-4.

ставить право собраний в помещениях университета, право устраивать общества и иные организации, прекратить преследование студентов и дать возможность всем исключенным вновь поступить в высшие учебные заведения, принимать студентов в университет независимо от пола, национальности, вероисповедания и учебного округа. Этот проект был принят, несмотря на противодействие реакционных профессоров. Студенты получили возможность устраивать собрания, на которых обсуждались самые злободневные вопросы того времени. Актный зал университета стал центром, где почти ежедневно происходили митинги. К студентам присоединялись рабочие и ремесленники. Из актового зала они шли на демонстрации с революционными лозунгами. Только в конце 1905 — начале 1906 года удалось более или менее подавить революционное движение тартуских трудящихся, хотя волнения студентов продолжались еще в 1906 и 1907 годах.

После подавления Первой русской революции Кудрявский в связи с резко ухудшившимся состоянием здоровья отходит от политической деятельности.

В Тартуском университете Кудрявский читал следующие курсы: а) санскритский язык, б) сравнительную грамматику индоевропейских языков, в) греческую диалектологию, г) "Кратил" Платона с лингвистическим комментарием, д) введение в языкознание, е) синтаксис индоевропейского глагола, ж) историю всеобщей литературы, з) законы Ману, и) русский язык (синтаксис).

А.А.Кудрявская в своих воспоминаниях очень хорошо характеризует его как преподавателя и как человека. Она пишет: "Как педагог высшей школы, Д.Н. пользовался большой любовью учащихся. Это был гуманный, внимательный, доступный и всегда идущий навстречу учащейся молодежи учитель. Лекции его были ясны, содержательны, живы и интересны. Я помню свое личное первое впечатление, когда я, еще мало искушенная в лингвистике, явилась на первую лекцию по введению в языкознание и собиралась

всерьез поскучать на ней. Вошел профессор с добрым улыбающимся лицом и начал читать лекцию как-то мало обычно (с точки зрения юной студентки) для филолога: очень ясно, бодро, вкладывая в лекцию столько собственного интереса и так приближая свой предмет к жизни, что сразу опроверг мои опасения насчет сухости и мертвенности филологии. Практические занятия его отличались совершенно теми же чертами.

Чтобы обрисовать Д.Н., как человека вообще, я ограничусь только упоминанием двух его черт, но таких, которые составляют самую сущность его натуры: 1) моральную непреложную чистоту и 2) чуждость консерватизму. Из первой черты вытекали и другие, как-то: цельность натуры и бескомпромиссность. Вторая же черта вызвала живой интерес ко всем новым явлениям науки и жизни. Подход к ним был, как у ученого, конечно, критический, но без консервативной предвзятости" I.

В Тарту Кудрявский написал большинство своих научных работ, в частности, "Четыре стадии в жизни древнего индуса" (Ученые записки Юрьевского университета, 1900, № 4), "Начальную санскритскую хрестоматию со словарем и кратким обзором фонетики и морфологии санскритского языка" (Юрьев, 1903), "Исследования в области древнеиндийских домашних обрядов" (Юрьев, 1904), "Психологию и языкознание" (Юрьев, 1905), "Введение в языкознание" (I-ое изд., Юрьев, 1912; 2-ое изд., Юрьев, 1913), "Начальный курс санскритского языка. Грамматика. Хрестоматия. Словарь" (Юрьев, 1917), ряд работ по истории русского языка, рецензии на книги Д.Н.Овсяннико-Куликовского, А.Мейе, В.А.Богородицкого, А.М.Пешковского и многое другое. Кроме того, он перевел книгу Мейе "Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков" и более десяти лет редактировал "Ученые записки Юрьевского университета".

I

Архив АН СССР, разр. У, оп. I-K, № II5, лл. 5-6.

В начале своей научной деятельности Кудрявский занимался преимущественно изучением языка и обычаев древней Индии. Еще будучи в Петербурге, он опубликовал две работы: "Грихья-сутры, как источник для изучения индоевропейской бытовой культуры" ("Живая старина", 1896, вып. 2) и "Прием почетного гостя по древнеиндийским правилам домашнего ритуала" (ЖМНП, 1896, № 5). Но основные работы по этому вопросу им были написаны в Тарту.

В своих исследованиях Кудрявский выдвигает два исходных принципа, которые необходимо учитывать при изучении обычаев:

1) Сравнительно-исторический метод в языкознании имеет принципиальные отличия от сравнительного метода в исследовании обрядов. "Сравнительная грамматика основывается на несомненном факте языкового родства индоевропейских народов, между тем их культурное родство не может идти в параллель с родством языковым и потому является вовсе не столь надежным основанием для построения сравнительного изучения культуры индоевропейцев" (43, 60). Различие заключается в том, что "культурное родство" народов гораздо шире, так как культурные связи индоевропейцев с другими народами существуют уже давно. Попытки же сравнительного изучения языков различных семейств пока оканчивались неудачно. Кроме того, сходство обычаев наблюдается и между отдаленными племенами, у которых не было никаких связей. "Таким образом "культурное родство" индоевропейцев между собой, на котором хотели построить сравнительное изучение культуры этих племен, распадается чуть ли не на весь земной шар. Понятно, что вместе с этим исчезает и почва для сравнительного изучения культуры одних только индоевропейских народов, и задачи этого изучения сливаются с задачами общей истории культуры всего человечества" (43, 60-61).

Однако Кудрявский подчеркивал роль сравнения при изучении обычаев разных народов, но при условии, если со-

поставляются сравнимые величины. Например, если какой-либо обычай распространился путем передачи от одного народа к другому, то здесь нет материала для сравнения, и задача исследователя сводится лишь к установлению пути распространения этого обычая и его видоизменения у различных народов. Поэтому сравнивать можно только такие сходные явления, которые вызваны действием одинаковых причин. Разъяснение этого мы находим в работе "Четыре стадии в жизни древнего индуса", где он пишет, что "сходные черты в обычаях диких и варварских народов с обычаями народов цивилизованных указывают на то, что эти обычаи имеют общий источник. Те же причины, которые вызвали к жизни данный обычай дикарей, лежат и в основе обычаев цивилизованных народов. Разница только в том, что обычаи народов низшей стадии культуры, сравнительно с обычаями высших, представляют более ранние формы обычая, следовательно, и более близкие к причинам, вызывавшим его" (38, 16).

2) Второй исходный принцип — конкретно-исторический подход к изучаемым явлениям. Кудрявский настойчиво подчеркивал, что главное внимание необходимо обращать на всестороннее изучение обычаев отдельных индоевропейских народов, в связи со всеми окружающими обычай условиями жизни данного народа. "Я потому обращаю особенное внимание на это последнее требование, что возведение какого-нибудь обычая в достоинство индоевропейского обычая ни на йоту не двигает вперед нашего знания. Это только фигуральное выражение того факта, что данный обычай мы находим у многих индоевропейских народов. Наше понимание обычая остается все на той же примитивной ступени, на которой было и раньше. А исследование обычая в его исторической обстановке и сравнение аналогичных обычаев (тоже предварительно обследованных) других индоевропейских народов дает нам не только выводы относительно принадлежности обычая к праиндоевропейской старине, но и прочие исторические точки опоры для объяснения возникновения и развития этого обы-

чая" (32, 147). Таковы основные теоретические положения, на которые опирается Кудрявский при исследовании древнеиндийских обрядов.

12 декабря 1899 года он произнес в университете актовую речь на тему "Четыре стадии в жизни древнего индуса". В ней рассматриваются четыре стадии в жизни представителей господствующих каст: брахманов, кшатриев и вайшьев. Первая стадия начиналась с посвящения мальчика в ученики, вторая стадия — стадия самостоятельного хозяина, главными обязанностями которого было поддержание огня в очаге и жертвоприношение. Третья — стадия отшельника — начиналась с появления внуков. И четвертая — стадия нищенствующего монаха.

Для объяснения этих стадий Кудрявский сравнивает древнеиндийские обычаи с обычаями австралийских негров и находит у них существенное сходство. Отсюда он делает очень важный вывод о том, что сходство "древнеиндийских и австралийских обычаев дает нам право объяснять индусские стадии жизни по аналогии с делением на поколения у австралийских негров, и мы должны признать, что в этих стадиях жизни сохранились остатки организации брачных и семейных отношений, из которых развивается постепенно род, лежащий в основе общественной организации всех индоевропейских народов" (38, 23).

Основным трудом Кудрявского, посвященным древнеиндийским обычаям, является его магистерская диссертация "Исследования в области древнеиндийских домашних обрядов". В ней на основе грихья-сутр он рассматривает обряды приема почетного гостя и посвящения мальчика в брахманские ученики.

В истории грихья-сутр Кудрявский различает историю их сложения и историю содержания. Литературная история грихья-сутр очень неясна. И эта неясность увеличивается еще и тем, что они возникли в разное время. Об этом свидетельствуют различные толкования одного и того же со-

держания и ссылки одной сутры на другую. Поэтому Кудрявский только приблизительно устанавливает время их написания — первое тысячелетие до н.э.

Грихья-сутры написаны брахманами, которые перерабатывали народные предания соответственно своим философско-религиозным взглядам. Эта переработка заключалась в определенном истолковании обрядов, в придании им того или иного смысла. Те обряды, которые противоречили или не соответствовали какому-нибудь положению брахманства, просто отвергались. Подопекой такой переработки народных преданий было отстаивание кастовых интересов, требование себе всевозможных даров и приношений. Поэтому брахманы сознательно стремились к захвату в свои руки всей религиозной области, которая тогда тесно сплеталась со всеми другими сферами жизни. Но, как говорит Кудрявский, за брахманской обработкой зачастую видна простая первобытная канва народного обычая. И в своей работе он ставит задачу прочесть и истолковать грихья-сутры, т.е. не только разъяснить содержание того или иного обряда, но и вскрыть тот первоначальный народный обычай, который лег в его основу. Наиболее удачно это проявилось в исследовании приема почетного гостя.

Изучению древнеиндийского языка — санскрита — Кудрявский посвятил две работы. Это "Начальная санскритская хрестоматия со словарем и кратким обзором фонетики и морфологии санскритского языка" и "Начальный курс санскритского языка. Грамматика. Хрестоматия. Словарь".

Эти книги возникли как учебные пособия для студентов-филологов. Первая из них состоит в основном из текстов и словаря. Кроме того, даются лишь самые необходимые сведения по фонетике и грамматике (состав звуков, склонение, спряжение, категория времени и т.д.). Вторая книга в этом отношении значительно отличается от первой. В ней основное место занимает грамматика (включая фонетику). При рассмотрении звукового состава и грамматического строя санскритского языка Кудрявский в большинстве случаев указы-

вает более древние звуки и формы, из которых развились последующие, и постоянно сравнивает их с другими языками, преимущественно с греческим и латинским. Поэтому книга не только знакомит читателя с основами санскрита, но и сообщает много сведений из сравнительной грамматики индоевропейских языков. Тексты в учебнике занимают всего десять страниц. Приводятся только басни из третьей книги "Хитопадеш" и отрывок из "Брахманы ста путей". В конце книги имеется сравнительно богатый санскритско-русский словарь. Ценность словаря в той и другой работе заключается еще и в том, что к многим словам приведены родственные параллели из других индоевропейских языков, преимущественно из греческого, латинского и старославянского.

Значение этих трудов Кудрявского трудно переоценить, так как они в течение долгого времени были чуть ли не единственными пособиями на русском языке для занимающихся санскритом.

Лингвистические работы Кудрявского в тартуский период были весьма разнообразны по своему содержанию. Основное место среди них занимают исследования по общему языкознанию и истории русского языка. В дальнейшем мы остановимся на тех из них, которые представляют наибольший интерес для истории языкознания в России.

В 1899 году Кудрявский опубликовал статью "Сравнительное языкознание, доисторическая культура и этнография"^I. В ней рассматривается главным образом вопрос о том, насколько возможно судить по данным языка о древнейшей культуре индоевропейских народов.

Путем сравнения родственных слов в различных языках можно восстановить их более древние формы. Естественно, что

---

^I "Начало", 1899, № 4. Эта статья сейчас является библиографической редкостью, так как апрельский номер "Начала" был полицией конфискован и уничтожен.

эти формы должны были иметь какое-то значение. Но главная трудность заключается в определении того, какой предмет или явление обозначался звуковыми комплексами, которые мы считаем индоевропейскими словами. Эта трудность обусловлена многозначностью большинства слов и сравнительно быстрой изменчивостью их семантики. Поэтому Кудрявский считает, что самое слово очень немного может нам дать материала для выводов о древней культуре. Это положение он иллюстрирует примером с индоевропейским словом ^х māter. Поскольку этимология его неизвестна, то невозможно определить, по какому признаку названа этим словом мать, что, в свою очередь, не может нам дать представления о состоянии индоевропейской семьи. Литовское *motė*, соответствующее индоевропейскому ^х māter, означает не "мать", а вообще "замужнюю женщину, жену". И в данном случае трудно сказать, какое из этих значений было первичным. "Языкознание не может дать ответа на этот вопрос, не касаясь условий жизни народа, т.е. объяснение только из условий жизни народа можно будет признать удовлетворительным", так как "языкознание может разве только указать на существование каких-то причин, но сами эти причины таких изменений значения слова кроются глубоко в условиях культурной жизни народа. Языкознание не в силах раскрыть эти причины и в этом заключается главная слабость его в выяснении вопросов первобытной культуры индоевропейцев" (37, 179-180). И языковеды, по мнению Кудрявского, обыкновенно ошибаются, когда считают, что из лингвистических данных делают выводы о культуре народа. В действительности же нельзя переносить историческое значение слова на восстанавливаемые доисторические слова.

Однако Кудрявский все же считал, что лингвистика "важна для изучения доисторической культуры тем, что только она одна может добыть сохранившиеся в языках остатки старины; но обработка этого материала требует основательного знакомства с этнографией и археологией. Только эти

две области знания могут указать нам, какие реальные значения имели добытые лингвистами мертвые слова. Поэтому лингвистика должна признать свое бессилие в решении этих вопросов и обратиться к помощи этнографии и истории" (37, 181).

В 1904 году в связи с разногласиями о задачах преподавания русского языка в средней школе Кудрявский пишет статью "Прикладное значение языкознания" ("Русская школа", 1904, № 2), которая затем почти целиком была включена во "Введение в языкознание".

Во второй половине XIX века передовые русские мыслители, языковеды и педагоги все настойчивее проводят мысль о большом теоретическом значении изучения языка. Но, с другой стороны, продолжали существовать и защитники практических целей преподавания языка. Эти разногласия в конце XIX столетия были еще более усугублены разрывом между школьной и научной грамматикой, который был обусловлен возникновением психологического и формального направлений в научной грамматике и известным консерватизмом школьной, продолжавшей оставаться на позициях логицизма.

Все эти противоречия особенно остро проявились на первом съезде преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях. На этом съезде Фортунатов и Шахматов настойчиво подчеркивали всестороннее значение изучения языка в школе. Фортунатов, в частности, говорил: "Основная задача преподавания грамматики родного языка в средней школе, на мой взгляд, состоит в том, чтобы вызвать в учащихся сознательное отношение к явлениям, существующим в том языке, на котором они думают и говорят, а это сознательное отношение учащихся к фактам родного языка я считаю важным для школы и по тем сведениям, какие оно дает, и по тому значению, какое оно имеет для развития умственных способностей учащихся" (77, 436). Шахматов отмечал, что постановка преподавания в школе наводит на мысль, что изучение русского языка признано излишним, так как обу-

чение правописанию и освещение некоторых грамматических понятий нельзя назвать изучением языка. Поэтому если на других уроках знания учащихся расширяются, то на уроках русского языка они только дисциплинируются, а нередко су- живаются и обесцениваются. Шахматов выдвинул требование, чтобы предметом изучения в школе был весь русский язык как в письменной, так и в устной форме. При этом научное изучение русского языка, как и всякого другого, должно быть историческим.

Противоположная точка зрения наиболее открыто была вы- сказана в докладе П.Кульмана "К вопросу о преподавании грамматики в средней школе". Он прямо заявил, что "препо- давание грамматики должно быть упрощено, курс сведен до минимума; единственная цель, которую ей можно поставить - элементарно-практическая" (72, 60).

Статья Кудрявского явилась откликом на эти длительные разногласия и обоснованием неразрывного единства теории и практики в изучении языка. Он исходит из того принципа, что любая наука имеет как теоретическую, так и практическую сторону. "Для того, чтобы признать, что данная наука нуж- на, вовсе нет надобности доказывать, что каждый ее вывод приложим к жизни. Если в жизни существуют потребности, ко- торые данная наука удовлетворяет - этого уже достаточно: она имеет право на существование, и, отмежевав себе извест- ную область явлений, она может распоряжаться там по своему усмотрению" (44, 118).

Из жизненных потребностей человека, говорит он, возни- кает и языкознание. Еще задолго до возникновения письменно- сти люди стремились объяснить происхождение языка, сущест- вование многих языков и т.д. Создание письменности свиде- тельствует уже о том, что к этому времени у людей накопи- лся значительный запас наблюдений над строем языка, посколь- ку на письме человеческая речь уже разлагается на состав- ные элементы. С развитием языка письменные памятники ста- новятся менее понятными. Однако людям важно было сохранить

их и правильно понимать, так как это были в основном священные и исторические тексты. В связи с этим появились первые языковеды, которые читали и объясняли непонятные тексты, составляли к ним комментарии, словари, грамматики. Одновременно развивается педагогическая деятельность этих ученых, и наука перестает быть привилегией немногих. Наконец систематическое обучение детей чтению и письму становится основой всего школьного курса. Но для хорошего обучения родному языку необходимо знакомство с основами языкознания, с условиями возникновения и развития языка. Без этого невозможно сознательное преподавание и усвоение языка. По мнению Кудрявского, именно здесь практика находится в тесной взаимосвязи с теорией, только необходимо их правильное соотношение. Большое значение имеет языкознание для преподавания и изучения иностранных языков, где оно вырабатывает новые методы, исходя из различия систем родного и иностранного языков. В этом проявляется сущность прикладного значения науки о языке.

Но языкознание имеет и более общее значение. Так как язык является орудием нашей мысли и средством общения людей между собой, то он тесно связан с мышлением. И языком как орудием мышления пользуются все, без него не может обойтись ни одна наука. Каждый человек должен сознательно подходить к языковым явлениям, понимать их и уметь правильно использовать для выражения своих мыслей. Иначе часто бывают большие расхождения в понимании того или иного слова. Более того, говорил Кудрявский, на этом даже строятся целые философские системы. Суть дела заключается в том, что одно слово может иметь несколько значений в зависимости от того, в каком окружении оно находится. Поэтому наша мысль может легко перескочить с одного предмета на другой и ввести в заблуждение читателей. Для подтверждения Кудрявский приводит следующий пример. У Аристотеля не было понятия пространства, но он близко подошел к нему, смешивая с понятием места. Это смешение объяс-

няется тем, что он пользовался для обозначения обоих понятий одним словом.

Следовательно, "языкознание имеет широкое практическое значение, только практическое не в смысле служения материальным удобствам жизни, а в смысле удовлетворения столь же действительных, как и материальные, потребностей жизни. Оно, во-первых, может и должно служить делу преподавания как родного, так и всякого другого языка. Во-вторых, знакомство с наукой о языке, как всеобщем орудии мысли, важно для всякого, кто пользуется этим орудием. Это знакомство, давая возможность сознательно пользоваться языком, может предостеречь и уберечь нас от многих ошибок во всякой научной работе" (44, 125).

В 1902 году Шахматов предложил Кудрявскому написать работу о Вундте. На это Кудрявский ответил ему 29 ноября 1902 года следующим письмом: "Многоуважаемый Алексей Александрович! С большим удовольствием принимаю Ваше предложение приготовить реферат о Вундте и Дельбрюке: я и сам давно собираюсь протрудиться хорошенько Вундта, и Ваше предложение будет для меня необходимым и весьма удобным побуждением, чтобы поскорее привести в исполнение это свое намерение. Книга Дельбрюка у меня есть, а оба сочинения Вундта имеются в библиотеке; впрочем, я уже заказал их и для себя лично. Таким образом я приступаю к работе. Искренне преданный Вам Д.Кудрявский"¹. В письме от 3 октября 1903 года он снова возвращается к этой теме: "О книге Вундта усердно пишу и в настоящее время имею уже запас приблизительно листа на 2 печатных. Если Вы пожелаете, то я могу уже выслать Вам эту часть рукописи. По моему предположению статья моя, должно быть, вырастет листов до пяти, так что несколько превзойдет предоставленный мне Вами объем: но о некоторых вопросах хочется поговорить поподробнее, так как иначе их не стоит и касаться"².

¹ Архив АН СССР, ф.134, оп.3, № 770, л.4.

² Там же, л. 5-6.

В конце 1903 года работа была закончена. 19 декабря Кудрявский писал: "Многоуважаемый Алексей Александрович! Одновременно с этим письмом я высылаю Вам наконец рукопись своей статьи о тяжеловесной во всех отношениях книге Вундта. Сообщите мне, пожалуйста, получили ли Вы ее: у меня нет никаких других черновиков, так что в случае прошаки восстановить ничего невозможно, а работы в нее вложено много. Во всяком случае чувствую облегчение, окончив это дело" I.

Этот труд под названием "Психология и языкознание" был напечатан в 1904 году в "Известиях ОРЯС" (т. IX, кн. 2) и затем вышел отдельным изданием (Юрьев, 1905). Основой для его написания послужил спор между Вундтом и Дельбрюком об отношении психологии к языкознанию. В 1900 году Вундт издал свое исследование "Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. Erster Band. Die Sprache", в котором сделал попытку проанализировать вопросы языка с точки зрения психологии. Дельбрюк откликнулся на это исследование книгой "Grundfragen der Sprachforschung mit Rücksicht auf W. Wundts Sprachpsychologie (1901)", в которой высказал ряд критических замечаний. На эти замечания Вундт ответил работой "Sprachgeschichte und Sprachpsychologie mit Rücksicht auf B. Delbrücks 'Grundfragen der Sprachforschung' (1901).

Поэтому первоначально Кудрявский ставил перед собой задачу разобраться в сущности их спора. Но его работа вышла далеко за эти пределы. Он сумел не только показать сущность разногласий между Вундтом и Дельбрюком, но и рассмотреть взаимоотношения логики, психологии и языкознания, дать критический анализ взглядов Вундта на сущность и происхождение языка и т.д. В дальнейшем изложении мы и остановимся на этих вопросах.

I

Архив АН СССР, ф. I34, оп. 3, № 770, л. 7.

Об отношении Кудрявского к применению психологии в языкознании лучше всего говорят его высказывания о "народной психологии". Ее создатели Лацарус и Штейнталь считали, что человек становится человеком лишь в общении с себе подобными. Поскольку внутри человеческой группы появляются особые психологические отношения, явления и создания, которые не исходят только от отдельного человека, то индивидуальную психологию Лацарус и Штейнталь дополнили народной психологией. Но, по мнению Кудрявского, они высказываются о ней различно, дают неуловимые и расплывчатые определения. Они настолько расширили границы ее содержания, что включили туда язык, мифологию, религию, культ, народную поэзию, искусство, письменность.

Первым подверг критике "народную психологию" Пауль в 1880 году. Но в 1887 г. Вундт выступил в ее защиту, значительно сузив это понятие. Рассматривая соотношение народной и индивидуальной психологии, Вундт на долю первой оставляет только область действий, вызываемых бессознательными побуждениями. Это привело его к противопоставлению исторической и психологической точек зрения, так как историческое он понимает как область произвольного, личного, сознательного вмешательства. Поэтому Вундт относит язык к области народной психологии и считает, что историческая точка зрения к нему неприменима. Но поскольку он не мог не знать о существовании и успехах сравнительно-исторического языкознания, то в дальнейшем ограничил это положение формулой: задачи психолога начинаются там, где кончаются задачи историка. Это надо понимать в том смысле, что психологи исследуют доисторический период существования языка, так как, по его мнению, в эту эпоху развитие языка идет иным путем, язык живет особой жизнью. Историческое же развитие языка признается только там, где оно зафиксировано памятниками.

Кудрявский противопоставляет таким взглядам Вундта диахронический подход к языку. Он считает, что "все язы-

коведы обыкновенно исследуют язык именно с исторической точки зрения, и наиболее разработанными частями языкознания являются те, которые имеют достаточно материала для освещения истории языковых явлений" (45, 15). Но историческая разработка нуждается в психологическом объяснении фактов. Поэтому задачи историка и психолога нужно не противопоставлять, а рассматривать параллельно. Далее, нельзя противопоставлять историческое и доисторическое, так как язык в дописьменный и письменный период развивается по одним и тем же законам. И для изучения доисторического развития языка у психологов нет преимущества перед историками, так как у тех и других отсутствуют достоверные данные. Соглашаясь в этом отношении с критикой Вундта Дельбрюком, Кудрявский подчеркивает, что последнему в этой критике не хватает настойчивости и последовательности, так как Дельбрюк выступает не только как языковед, но и как философ, и по своим взглядам он близко подходит к Вундту.

Кудрявский поддерживает и второе положение Дельбрюка, в котором тот рассматривает психологию языка как приложение психологии к языкознанию. По его мнению, языковеды в данном случае поступали правильно: "В самом языке они искали объяснения языковых явлений, пользуясь услугами психологии" (45, 18). Самостоятельность психологии языка у Вундта проявляется только при исследовании психологической стороны языковых явлений. Но так как эта сторона в языке не отделима от других сторон, то, следовательно, психология языка как наука не имеет своего предмета исследования. Вундт прав лишь в том отношении, говорит Кудрявский, что языковеды часто относятся к психологическому толкованию поверхностно, стремятся этим путем не столько объяснить возникновение языковых явлений, сколько создать более удобную схему для их классификации. В основе этого "искусства вульгарной психологии" лежит перенесение на самые вещи субъективных размышлений о вещах.

Вторая ошибка Вундта, по мнению Кудрявского, состоит в том, что он, рассматривая язык как составную часть народной психологии, считает, что все явления языка допускают психологическое толкование. Психологически он отремится объяснить даже такое явление, как германский перебой согласных. В основе этого объяснения лежит быстрота речи, которая будто бы развивалась с растущим разнообразием культурных влияний и быстротой смены психических возбуждений. Для доказательства Вундт произносит отдельные группы согласных с различной быстротой и находит, что при ускорении темпа раньше всего изменяются взрывные согласные. Кудрявский считает, что такое доказательство совершенно произвольно, так как если известно, из какого звука какой должен произойти, то совсем нетрудно получить желаемое.

Но действуя по принципу complicationi причин, Вундт в качестве дополнительных факторов выдвигает влияние быстрого переворота культуры, покорение туземцев воинственными переселенцами и вызываемое этим изменение государственного строя. На это Кудрявский замечает: "что же касается дальнейших причин, то следовало бы по крайней мере показать, что явления передвижения согласных совпадают с моментами завоеваний и изменений государственного строя и прекращаются с установлением оседлости, выработкой права и письменности. Без этого все предложения Вундта остаются общей фразой вроде тех обычных в учебниках истории указаний на зависимость культуры от климата, устройства поверхности, береговой линии и других географических условий: в эти сомнительные положения многие верят только потому, что их часто повторяют, между тем связь между объясняемым явлением и указываемой причиной настолько отдаленная, что едва ли даже может быть доказана" (45, 46-47).

Мы подробно изложили разногласия между Кудрявским и Вундтом, чтобы показать, что Кудрявский отрицательно относился к чисто психологическому толкованию языковых яв-

лений; выдвигая принцип, согласно которому факты изменения языка необходимо объяснять прежде всего исходя из самого языка, а психологию языка можно рассматривать только как приложение психологии к задачам языкознания.

Однако Кудрявский признавал определенную роль психологического фактора в развитии языка. Но эта роль у него ограничивается в основном следующими моментами: а) явлением ассоциации разных представлений между собой и б) перенесением значения слова. Во "Введении в языкознание" (48, 88-97) он приводит ряд ассоциаций, которые охватывают довольно широкую группу явлений:

1) Ассоциация слова и значения. В слове, по мнению Кудрявского, нет постоянно связи между звуком и значением, эта связь устанавливается благодаря ассоциации звука с определенной группой представлений. Поэтому при выборе синонимов возможны оговорки, представляющие собой своеобразные контаминации. Например, в живой речи вместо "надо" и "нужно" встречается "нудо", вместо "заприте" и "закройте" - "запрйте" и т.д.

2) Ассоциация слов, стоящих рядом в предложении. Поскольку предложение представляет собой также и психологическое целое, в котором все части ассоциированы друг с другом, то происходит взаимовлияние слов в морфологическом и фонетическом отношении. Это приводит к оговоркам типа "человек с бородами и с усой", "блотать гольно" и т.д.

3) Ассоциация слов сходного строения и звучания ("надбровные дуги" - "надгробные дуги"). Частным случаем этого типа ассоциаций Кудрявский считает народную этимологию.

4) Группы ассоциаций представляют собой одинаковые типы склонения и спряжения, в которых ассоциируются одинаковые грамматические категории даже различного образования. Например, нога - ноги - но́ги; рука - руки - ру́ки; судьба - судьбы - су́дьбы и т.д. Типы склонения применя-

ются и к иностранным словам, если они по форме подходят к одному из них. Многие иностранные слова стали склоняться даже в литературном языке, а другие — в простонародном. По закону аналогии могут создаваться и новые формы, о чем свидетельствует прежде всего образование современной системы склонения.

5) Ассоциация между целыми группами слов и целыми предложениями. В данном случае могут ассоциироваться близкие по значению конструкции, которые также дают своего рода контаминации, но более широкого масштаба. Например, "четверть минут одиннадцатого", "случай, имевший место не так давно тому назад" и др.

6) Ассоциацией Кудрявский объясняет и явление аттракции, т.е. уподобление падежа относительного местоимения падежу указательного. Он называет такое явление еще ассоциацией двух предложений. При аттракции падеж относительного местоимения определяется не грамматической связью, а строем главного предложения, например, "пообедать, чем бог послал".

Рассматривая взгляды Вундта на соотношение логики и грамматики, Кудрявский находит их довольно противоречивыми. Вундт, признавая, что логическое толкование грамматических явлений "насилует язык", тем не менее в основу учения о формах слова и главных членах предложения кладет логический принцип, так как логика, по его мнению, лежит в основе многих грамматических явлений. Эту мысль он доказывает совпадением подлежащего и сказуемого в повествовательных предложениях с логическим субъектом и предикатом. Отклонения от этого правила, по Вундту, объясняются тем, что говорящий облакает свои мысли в "неподходящую форму".

С точки зрения Кудрявского, критерием для языковеда должно служить употребление формы предложения, а не логически построенный идеал формы, к которой будто бы должен стремиться говорящий. Поэтому при оценке логического

объяснения грамматических явлений нельзя исходить из частичного его применения. Если логическая точка зрения не применима ко всем грамматическим явлениям, то она как принцип неправильна: "логическое объяснение либо совершенно справедливо, либо совершенно ложно. Середины здесь быть не может" (45, 63). Вундт же не смог провести последовательно логического толкования форм слова, хотя и положил в их основу логические категории, т.е. понятия предмета, свойства и состояния; так как, кроме этого, ему пришлось выделить слова, выражающие чисто грамматические отношения.

Ошибочность перенесения логических категорий на грамматические Кудрявский показывает на примере категорий рода и числа. Если раньше в основе первой лежало различие пола, а в основе второй — различие числа, то в настоящее время эти грамматические категории настолько удалились от своего источника, что далеко не всегда ему соответствуют. "Одним словом, всюду, где мы встречаемся с грамматическими категориями, мы находим настолько своеобразную переработку представлений, давших толчок образованию грамматических категорий, что нам не представляется никакой возможности отождествлять эти представления со значением грамматических категорий" (45, 67). Поэтому, говорит он, объяснить грамматические категории мы можем только на основе изучения строя предложения.

Вундт с точки зрения "народной психологии" относил язык к "выразительным движениям", под которыми понимал физические явления, сопровождающие аффекты. Такое широкое понимание языка привело его к тому, что и "язык жестов" он считает настоящим языком. Поэтому границы языка оказались слишком неувлимыми и расплывчатыми, а его специфические признаки — невыясненными. Кудрявский, исходя из того, что "к каким бы широким обобщениям ни стремилась наука, практическая разработка ее всегда тем успешнее, чем она расчлененнее, чем яснее проведены границы между различными областями явлений" (45, 26), в противовес Вундту выдвигает

ет и обосновывает такие два специфических признака языка, как звуковая форма и сообщение мыслей, т.е. общественный характер языка.

Рассматривая теорию происхождения языка Вундта, Кудрявский подчеркивает значение ее психологической стороны. Это объясняется тем, что при решении данной проблемы речь идет прежде всего не о конкретной звуковой форме, а о способности человека к созданию языка, в исследовании которой психологу часто бывает легче проникнуть в сущность явления, чем языковеду.

Но методологически неверные исходные положения, говорит Кудрявский, не дали возможности Вундту правильно решить проблему происхождения языка. Отнесение языка к категории "выразительных движений" привело его к отрицанию границ между языком и естественным состоянием, лишенным языка. Такая чисто эволюционная точка зрения, отрицающая переход количества в качество, для Кудрявского была неприемлема. "Между растительной и животной клеткой, — пишет он, — мы тоже не находим существенной разницы; но это не дает нам права смешивать дерево с четвероногим животным. Точно также не удовлетворится ни один языковед общей ссылкой на "выразительные движения" и на постепенность их развития, если ему скажут, что вой волка и лай собаки в сущности то же, что человеческий язык. Дело вовсе не в том, к какой общей категории то или другое явление относится, а именно в их особых, специфических признаках" (45,23-24).

Далее "язык жестов" и звуковой язык Вундт рассматривает как две стадии одного и того же языка. Но чувствуя затруднение в том, как показать переход жеста в звуки, он говорит затем лишь о параллелизме этих двух видов языка.

В данном случае Вундт, по мнению Кудрявского, допускает по крайней мере две ошибки. Во-первых, он отрывает язык от мышления. Во-вторых, "если Вундт, анализируя "язык жестов", думает, что он непосредственно наблюдает первобытную стадию языка, то ошибка его заключается именно в том,

что он исследует при этом не язык, а лишь одно из необходимых условий его возникновения. Жесты и выразительные движения вообще имеют общую с языком психологическую почву, и с этой стороны их изучение весьма важно для понимания языка; но это все же еще не язык" (45, 33-34). Значит, языковед, изучая условия функционирования языка, не в состоянии открыть первобытный язык, а может лишь выявить те причины, сочетание которых необходимо для возникновения языка.

Следовательно, основные возражения Кудрявского направлены против вундтовского "языка жестов", так как его признание объективно приводит к отрицанию общественной природы языка, отрицанию связи языка и мышления и отрыву проблемы происхождения языка от проблемы возникновения самого человека.

С 1909 года Кудрявский начал заниматься изучением проблем исторической грамматики русского языка, которой посвятил четыре работы. Это "К статистике глагольных форм в Лаврентьевской летописи" ("Известия ОЯС", т. XIV, кн. 2, 1909), "К истории русского прошедшего времени" ("Русский филологический вестник", 1911, вып. I), "Древнерусские причастия настоящего времени действительного залога на -а" ("Русский филологический вестник", 1912, № 4) и "К истории русских деепричастий" (Юрьев, 1916). Все эти работы связаны с рассмотрением категории глагола. Сам Кудрявский по этому поводу писал: "Меня уже давно интересовали некоторые вопросы по истории русского глагола, вопросы, ответа на которые я не мог найти в литературе" (46, 48).

Первой статьей Кудрявского, которая в значительной мере дала ему материал для всех других работ и определила методику исследований, была "К статистике глагольных форм в Лаврентьевской летописи". Отправляя 5.П. 1909 года эту работу Шахматову, он писал: "Многоуважаемый Алексей Александрович! Посылаю Вам при этом письме статью о глаголе в Лаврентьевской летописи. Прочтите, пожалуйста, и, если найдете ее заслуживающей внимания, поместите в Известиях.

Мне очень хотелось бы знать Ваше мнение о моем статистическом методе. Без стеснений облейте меня холодной водой критики, если найдете там незрелые увлечения.

Я уже отстал от петербургских дел, но, если еще существует Лингвистическое отделение Неофилологического общества и если Вы принимаете в нем участие, то может быть, Вы не откажетесь прочесть эту небольшую статейку на одном из заседаний в качестве доклада. Пусть и другие лингвисты обсудят, но важнее всего мне Ваше мнение, как знатока состава летописей. Может быть Вы в моих кривых увидите и то, чего я не заметил по недостатку знаний в этой области. Искренне Вас уважающий и преданный Д. Кудрявский" ^I.

Статья ставит перед собой задачу определить, был ли аорист формой живого русского языка или церковнославянского. Для этого автор использует статистический метод и на его основе вычерчивает схему распределения форм аориста, имперфекта и причастия на -лъ в Лаврентьевской летописи. Эта схема не дала ответа на вопросы, которые он поставил, так как употребление аориста держалось примерно на одном уровне. Но Кудрявский сделал некоторые выводы, имеющие важное значение для истории развития глагольных форм. Во-первых, обнаружилось, что в летописи после 1100 года идет резкое сокращение употребления глагольных форм и увеличение именных. Во-вторых, форма причастия на -лъ в живом русском языке употреблялась гораздо чаще, о чем свидетельствует тот факт, что они в большинстве случаев стоят в прямой речи действующих лиц, где летописец мог отступать от традиционного стиля и ближе подходить к формам живой речи.

Но особенно важно подчеркнуть ту высокую оценку, которую дает Кудрявский статистическому методу. Он считает, что этот метод "дает возможность отметить явления, обычно-

---

I

Архив АН СССР, ф. 134, оп. 3, № 770, л. 10.

венно ускользающие от внимания исследователя. Между тем по характеру эти явления отличаются универсальностью, так как массовые наблюдения захватывают самую атмосферу языка. В этом и значение статистического метода. Он... тем именно и важен, что дает направление нашему исследованию. И направление это определяется не нашими субъективными воззрениями на предмет исследования, а беспристрастными цифрами" (46, 53-54).

Работа "К истории русского прошедшего времени" ^I в основном освещает вопрос употребления связки "быть" в прошедшем времени. В этом явлении в русском языке существовали две противоположных тенденции: с одной стороны, постепенная утрата связки и, с другой, длительное употребление ее в первом и втором лице. Ф.И. Буслаев ставил это в связь с историей личных местоимений, полагая, что "есмы" и "еси" выполняли ту же функцию, что и местоимения "я", "ты". А.И. Соболевский развил эту мысль дальше. Он считал, что с развитием употребления личных местоимений уменьшалось употребление полных форм прошедшего сложного времени, которые постепенно вытеснялись из живой речи.

Кудрявский в своей работе присоединяется к основным положениям Буслаева и Соболевского. На основе анализа многочисленных памятников, богатого фактического материала

I

Ср. письмо Кудрявского Карскому от 4.XII.1910 года: "Многоуважаемый Евфимий Федорович! Меня уже давно тяготит то обстоятельство, что я получаю регулярно РВБ, а между тем до сих пор ничем не оказал ему активного содействия: перевод Meillet так мне и не удалось поместить у Вас в журнале. (Между прочим, я его печатаю и скоро выпущу в свет в Ученых Записках нашего Университета). В настоящее время у меня почти готова статья по истории русского прошедшего времени (или причастия на -ль) размерами листа в два. Я с удовольствием дал бы ее Вам для помещения в РВБ, если только Вы не встретите тому никакого препятствия. Статья эта представляет разработку того материала, который у меня собран вообще по истории русского глагола. Будьте добры, сообщите мне, согласны ли Вы принять ее, и, если да, - то как скоро она может появиться, и сколько отписок Вы обыкновенно даете автору. Искренне уважающий Вас Д.Кудрявский" (Архив АН СССР, ф.292, оп.2, № 68, л.4).

(им было собрано около 30000 примеров), тщательного подсчета употребительности тех или иных форм ему удалось в значительной мере дополнить выводы этих исследователей. Прежде всего он доказывает, что связки первого и второго лица играли ту же роль, что и личные местоимения, так как только это может объяснить, почему они могли заменять друг друга. Кудрявский исходит из того, что связка представляет собой глагол, не имеющий вещественного значения и сохраняющий только значение грамматических категорий времени, наклонения, лица и числа. В сочетании с причастием на -лъ она утратила и значение времени, так как только в этом случае формы глагола "быть" могли приравняться по значению к личным местоимениям. Личные местоимения в сочетании с причастиями на -лъ также утрачивали часть своего значения и получали ослабленное значение указателя грамматического лица (Ср. во французском формы je, tu, il). Другой важный момент, на который указывает Кудрявский, это особенно редкое опущение связки во втором лице. Он объясняет это сильной потребностью в данном случае в указании грамматического лица. Если третье лицо часто обозначается именем существительным, а первое лицо выступает как лицо говорящее, то второе лицо, кроме связки, не имеет других форм выражения. Этот момент Кудрявский подтверждает также фактами из древнегреческого и немецкого языков.

В статье "Древнерусские причастия настоящего времени действительного залога на -а" освещается вопрос о происхождении этой формы. Миклошич указывал, что форма на -А уже в древнейших памятниках старославянского языка встречается и в тех случаях, когда мы ожидали бы обычного окончания -ы. В русских памятниках на месте -А появляется -а: те-кай, чытай и др. Соболевский и Зубатый объясняли эти формы фонетически, как исконные славянские образования. Но не находя достаточной опоры в звуковых законах, они в некоторой степени видоизменяли их в угоду своей теории. Опираясь на существование окончания -а в русских и чешских причастиях,

они возводили его к общеславянскому периоду. Зубатый, в частности, стремился объяснить его путем сравнения с формами других индоевропейских языков. Он считал, что окончание -а восходит к индоевропейскому *ō, которое представляет собой разновидность *on.

Кудрявский считает наиболее обстоятельным объяснение Гебауэра, который исходит из того, что -а появляется на почве чешского и русского языка, где -*ā* отражается как -а, ја. Поэтому окончание -а нельзя считать исконным. Кудрявский на основе статистических данных Лаврентьевской и I-ой Новгородской летописей подтверждает мнение Гебауэра. Его выводы сводятся к следующему:

"1) Формы на -ы встречаются действительно только спорадически, как и следовало ожидать, так как образование это заимствовано из церковнославянского и в русском языке очень рано выходит из употребления.

2) Распределение форм на -а, соответствующих церковнославянским формам на -ы, указывает довольно резкое увеличение количества этих форм в седьмой и восьмой тысяче строк. Эти строки описывают события 1103 - 1175 годов. Уже одно это обстоятельство заставляет предполагать, что форма на -а возникла и развилась на русской почве и затем снова исчезла.

3) Господствующей формой причастия настоящего времени действительного залога является форма на -я: 547 случаев из 700, что составляет 78,2%. Если к этим случаям отнести и формы на -а после шипящих, где -а является закономерным развитием -я, то число случаев возрастает до 588 из 700, что составит уже 84%. Распространение этой формы в летописи хотя и представляет некоторые колебания, но в общем настолько равномерно, что не заставляет предполагать временного особого предпочтения этой формы перед другими" (50, 393-394). Отсюда Кудрявский предполагает, что окончание -я, будучи универсальным, переносилось и на те основы, которые в старославянском образовывали причастия на -ы. Окон-

чение —я постепенно одержало победу, а —а было переходным моментом в этом процессе. Эта точка зрения принята и в современном языкознании.

К этой статье непосредственно примыкает следующая работа Кудрявского "К истории русских деепричастий". Эта проблема интересовала автора "как пример создания новой грамматической категории, источник которой нам достоверно известен, так что весь процесс создания ее протекает как бы на наших глазах" (51, 3). На большом фактическом материале Кудрявский показывает, как происходил процесс превращения причастий в деепричастия в русском языке в результате утраты формами причастий значения грамматических категорий рода, числа и падежа. Поэтому деепричастие сохраняет лишь значение вида и отношения действия деепричастия к действию главного глагола.

С.Д.Никифоров делает Кудрявскому справедливый упрек, что у него "нет и попытки связать процесс превращения кратких причастий в деепричастия с историческими изменениями в их семантике и с обусловленными этим изменениями в строе предложения" (59, 225). Но нужно отметить, что Кудрявский не ставил перед собой цели всесторонне осветить проблему возникновения деепричастий, о чем свидетельствует оговорка автора в предисловии и заглавие самой работы. А кроме этого, такой упрек можно сделать почти всем русским языковедам того периода. Критическое замечание Никифорова ни в коей мере не снижает ценности работы Кудрявского, которая представляет собой одну из первых попыток осветить эту сложную проблему.

В целом работы Кудрявского по истории русского языка дают богатый фактический материал и вносят много нового и интересного в изучение грамматической категории глагола. Этому в значительной мере способствовал статистический метод, который Кудрявский использовал одним из первых в русском языкознании при изучении истории языка.

Особую страницу в научной биографии Кудрявского зани-

мает выдающийся французский ученый А.Мейе. В 1903 г. Мейе издал книгу "Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков". Кудрявский немедленно откликнулся на нее рецензией ("Известия ОРЯС", 1903, т.УШ, кн.3).

Он считает, что книга Мейе удовлетворяет давно назревшей потребности в соответствующем пособии. Дело в том, что "Основы сравнительной грамматики индоевропейских языков" Бругмана и Дельбриха создали своего рода шаблон в расположении и трактовке материала. Однако даже самый разносторонний ученый одни разделы изложит полнее, чем другие. Этот недостаток можно преодолеть только изданием пособий, написанных другими учеными. "Таким образом, пишет Кудрявский, появление руководства, составленного каким-нибудь известным ученым, имеет не только практическое значение для преподавания данной науки; оно имеет также и теоретическое, научное значение: в руководстве отражаются научные выводы всей жизни ученого, итоги всей его научной деятельности" (42, 416).

Кудрявский с большим сочувствием излагает те требования, которые Мейе предъявляет к сравнительно-историческому языкознанию. Французский лингвист считает, что цель сравнительной грамматики — не восстановить праязык, а выяснить, что в каждом из родственных языков представляет собой продолжение древней формы языка, а что является результатом самостоятельного развития. Единственная реальность, с которой имеет дело сравнительная грамматика, — это соответствия между исторически засвидетельствованными языками. Индоевропейский праязык восстановить невозможно. Предполагаемые индоевропейские звуки, слова и обороты являются лишь сокращенными значками известных рядов соответствий.

Хотя от таких рассуждений, пишет Кудрявский, веет скепсисом, но при сравнении с Бругманом "совет Мейе побольше сомневаться окажется вовсе не лишним", так как "Бругман является слишком легковерным сравнительно с Мейе. Куда ни взгляни, всюду мы видим индоевропейские корни и слова,

снабженные нередко даже не одним, а несколькими значениями, как будто эти значения установлены по праиндоевропейским текстам" (42, 421). Кудрявский здесь выражает сожаление лишь в том отношении, что на практике Мейе не всегда соблюдает осторожность, приводя корни с их значениями. По мнению рецензента, лучше индоевропейским корням и словам не приписывать никаких значений, так как это не живые слова, а созданные нами формулы. Тем более, "мы не имеем никаких общих законов развития значений, которые были бы приложимы к предполагаемым индоевропейским словам" (42, 425).

Вскоре после опубликования рецензии Кудрявский получил от Карского предложение перевести книгу Мейе и опубликовать перевод в "Русском филологическом вестнике". На это предложение он ответил I.XI.1904 года следующим письмом: "Многоуважаемый Евфимий Федорович! Прошу извинить меня за несколько запоздавший ответ на Ваше любезное приглашение сотрудничать в Русск <ом> Фил <ологическом> В <естнике>. Конечно, я с удовольствием готов содействовать насколько могу успеху Вашего журнала, хотя в настоящую минуту я и не имею в виду никакой определенной статьи. Что касается Вашего предложения перевести книгу Meillet, то я нахожу это весьма желательным. Мне и самому приходила в голову эта мысль, так что Ваше предложение явилось очень кстати. Переводчика я мог бы найти здесь, а редакторство с удовольствием взял бы на себя. Остается только списаться с автором по этому поводу: я надеюсь, что он ничего не будет иметь против. Но во всяком случае, прежде чем приступить к этому делу, необходимо знать, какую плату Вы можете дать переводчику. Я думаю обратиться к кому-либо из своих учеников студентов, которым это могло бы послужить некоторым подспорьем; можно было бы даже для скорости поделить перевод между несколькими лицами. В ожидании ответа остаюсь искренне уважающий Вас Д.Кудрявский" I.

I Архив АН СССР, ф.292, оп.2, № 68, л.1-2.

Однако начавшиеся вскоре события первой русской революции отодвинули все замыслы на задний план. Снова Кудрявский возвращается к этой мысли лишь через несколько лет. 7 октября 1908 года он пишет Карскому: "Многоуважаемый Евфимий Федорович! Уже много времени прошло с тех пор, как я обещал Вам перевод Meillet Introduction ... для Вашего журнала. Смутные времена не позволили мне выполнить обещания: предполагаемый переводчик уехал на родину, да и мне самому не было достаточно досуга. Теперь недавно появилось второе издание книги Meillet, и у меня невольно явилось желание видеть ее в переводе на русский язык, так как все-таки нам нужно что-нибудь иметь в русской научной литературе по сравнительной грамматике, а между тем не имеется даже и надежды на появление какого-нибудь руководства в этой области. Если Вы не оставили мысли о переводе книги Meillet, то я с удовольствием взял бы на себя редакцию перевода. Один только вопрос необходимо выяснить: Вы писали тогда, помнится, о возможном гонораре для переводчика. Будете добры сообщить, в случае Вашего согласия вообще, на какую сумму он мог бы рассчитывать. Я надеюсь, что работу эту можно будет выполнить довольно скоро. Искренне Вас уважающий Д. Кудрявский" ¹.

Действительно, к концу 1910 года перевод уже был готов. Однако по неизвестным причинам опубликовать его в РВВ не удалось. Поэтому Кудрявский первоначально напечатал его в "Ученых Записках И. Юрьевского университета" (1912, № 1-6), а в 1914 году отдельной книгой. Перевод был сделан со второго французского издания, но с учетом тех поправок, которые внес автор в третье французское издание 1912 года.

При подготовке книги для третьего издания, как пишет сам Мейе, "много исправлений было сделано на основании сообщений Г. Prutz'a, который перевел книгу на немецкий

---

¹ Архив АН СССР, ф. 292, оп. 2, № 68, л. 3.

язык, и г.Кудрявского, который перевел ее на русский язык" (57,6). Известно, что во время работы над переводом между Кудрявским и Мейе шла оживленная переписка. Но архив Кудрявского полностью погиб. Поэтому, к сожалению, вряд ли когда-нибудь удастся установить, какие исправления были внесены Мейе в свою книгу на основе замечаний Кудрявского.

Следующим самым крупным, завершающим и обобщающим трудом Кудрявского было "Введение в языкознание". Эта работа сложилась на основе тех лекций, которые он читал в Юрьевском университете и Юрьевских высших женских курсах. В настоящее время она известна в четырех вариантах: а) лекции, читанные в 1900 г., в записи Д.Н.Зеленина (Архив АН СССР, ф. 849, оп.5, ед. хр. 379); лекции 1910 г. в записи неизвестного автора (хранятся в Публичной библиотеке СССР им. В.И.Ленина); в) два типографских издания: Юрьев, 1912 и Юрьев, 1913. Они почти не отличаются друг от друга: во втором издании устранены лишь некоторые опечатки и индоевропейская семья языков дополнена наречиями тохарского языка.

В этой книге рассматривается тот традиционный круг вопросов, который сложился в процессе чтения курса введения в языкознание, начиная с Минаева и Фортунатова. Это проблема сущности и происхождения языка, основные разделы языкознания, классификация языков и некоторые другие. Дальше мы остановимся на тех вопросах, которые не рассматриваются специально во второй и третьей главах.

Прежде всего Кудрявский стремится определить предмет языкознания и его границы. Для этого он сначала выясняет значение слова "язык" и отсюда приходит к выводу, что языкознание имеет дело только с человеческим языком. В его задачу входит изучение языка отдельного человека, отдельного писателя, т.е. совокупности слов и оборотов, которые употребляет данное лицо; изучение языка народа как совокупности слов и оборотов, встречающихся у той или иной группы лиц, и изучение человеческого языка вообще, т.е.

общей для всех людей способности к речи, независимо от той или иной языковой формы. В лекциях 1910 года последний момент определен еще точнее: "В таком случае под языком мы подразумеваем способность человека, на которой основано общение людей при помощи звуков" (47; 5).

В зависимости от задач, которые ставит перед собой языкознание, оно подразделяется на общее и частное. Общее языкознание имеет дело с человеческим языком вообще, а частное — с языком того или иного народа. Основой языкознания Кудрявский считал сравнительно-историческую грамматику. Но поскольку он различал в слове звуковой состав, символ и значение, то выделял еще два раздела: физиологию звука и семасиологию.

Предметом физиологии звука Кудрявский считал изучение звукового состава языка. Эта область, по его мнению, стала систематически изучаться лишь во второй половине XIX века. Если первоначально она базировалась в основном на методе наблюдения в тесной связи с физикой, анатомией и физиологией, то в конце XIX века возникает экспериментальная фонетика, которая с помощью различных приборов дает возможность выяснить многие фонетические вопросы.

Из области фонетики Кудрявский рассматривает следующие вопросы: строение органов речи, артикуляцию звуков, классификацию звуков, комбинации звуков, слог и ударение. Остановимся на некоторых из них.

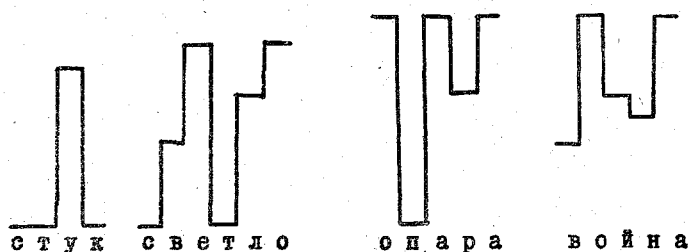
Рассмотрев классификацию гласных и согласных звуков, которая носит вполне традиционный характер, Кудрявский переходит к анализу звуковых изменений. Он исходит из того, что звуки речи не существуют изолированно, а находясь в постоянном взаимодействии между собой. Поэтому они оказывают влияние друг на друга, образуя многочисленные отклонения от типовых звуков. И Кудрявский выдвигает такое правило: "Если два соседних звука имеют какую-нибудь общую артикуляцию, то она выполняет —

ся однажды для обоих звуков" (48, 8). Например, если слово состоит из звонких согласных и гласных, дрожание голосовых связок происходит непрерывно, пока произносится все слово. При произношении сочетания носового звука с звонким взрывным затвор, необходимый для образования обоих звуков, остается на все время их артикуляции, а переход от носового к взрывному осуществляется подъемом небной занавески, закрывавшей полость носа (например, амбар, Андрей). В сочетании ом, ди (обман, одна) нет взрывного звука обычного типа, так как затвор после б, д не взрывается, акустическое же впечатление взрыва получается от отделения небной занавески от задней стенки зева (факультативный взрыв). Как результат приспособления друг к другу артикуляций двух соседних звуков, он рассматривает такое диалектное явление, как произношение "байня" вместо "баня". Причина этого, по его мнению, заключается в следующем: н перед д сильно палатализуется. Поэтому при переходе от а к н язык должен подняться с самого низкого положения до самого высокого. Если язык займет высокое положение несколько раньше затвора н, то и слышится короткий звук й. Сближением артикуляции соседних звуков Кудрявский объясняет явление ассимиляции. При полной ассимиляции образуется один долгий звук (вижать - вижать), который производит впечатление двойного звука; при частичной ассимиляции происходит сближение артикуляции звуков (сделать - зделать). Явлением ассимиляции Кудрявский объясняет также некоторые случаи лабиализации и палатализации согласных.

В теории слогоделения Кудрявский придерживается точки зрения датского лингвиста Есперсена (29, 186), в основе которой лежат акустические качества слога. Дело в том, что звуки речи, в зависимости от наличия или отсутствия голоса, обладают большей или меньшей звучностью. Кудрявский располагает звуки русского языка по степени звучности в следующем порядке:

- 1) Глухие звуки: а) взрывные (п, т, к)
б) спиранты (ф, с, ш)
- 2) Звонкие взрывные (б, д, г)
- 3) Звонкие спиранты (в, з, ж)
- 4) Звонкие носовые (м, н)
- 5) Звонкие плавные (л, р)
- 6) Гласные высокие (у, и, ы)
- 7) Гласные средние (о, е)
- 8) Гласные низкие (а)

На основе этого он дает графическое изображение степени звучности отдельных звуков, составляющих слова.

Слог создается наивысшей относительной звучностью в ряде звуков. Значит, в слове имеется столько слогов, сколько вершин. Поэтому относительность звучности объясняет и тот факт, что носителями слога могут быть носовые и плавные, если они окружены звуками с меньшей звучностью. С другой стороны, благодаря разной степени звучности гласных звуков, возможны такие их сочетания, когда носителем слога является один гласный звук. Такие сочетания гласных называются дифтонгами. В советском языкознании аналогичной точки зрения придерживался А.Н.Гвоздев (24, 41-42).

Вопрос об ударении в русском языкознании XIX века решался с точки зрения его физиологической природы, так как определяющим в ударении считали тон голоса. С развитием экспериментальной фонетики было доказано, что ударный слог в русском языке характеризуется прежде всего не тоном голоса, а силой звука. Поэтому ударение получило на-

звание силового, или динамического. Такая точка зрения возникла в начале XX века в связи с экспериментальными исследованиями Томсона, Богородицкого и Щербы.

Это новое понимание природы ударения нашло свое отражение и в работе Кудрявского. Под ударением, говорит он, мы подразумеваем два различных явления. В одном случае слоги произносятся с наибольшей силой, что связано с усилением выдоха. Такое ударение называется экспираторным. (Здесь только необходимо отметить, что теория, объясняющая силу ударного слога большим количеством выдыхаемого воздуха по сравнению с неударными слогами, опровергнута новейшими фонетическими исследованиями (56, 71).

Второй тип ударения характеризуется изменением тона голоса. Это так называемое музыкальное, или тоническое ударение. Но Кудрявский считает, что музыкальное и экспираторное ударения в какой-то степени всегда сопутствуют друг другу, так как нет такого языка, который бы не различал тонов, и нет таких тонов, в которых не было бы известных различий в силе звука. Поэтому в данном случае можно говорить лишь о преобладании в языках того или иного вида ударения.

Кроме словесного ударения, Кудрявский указывал еще на логическое, но оно в его работе не получило сколько-нибудь значительного освещения.

Таковы взгляды Кудрявского по основным фонетическим вопросам. В целом они соответствуют состоянию русского языкознания того времени и дают довольно полное представление об основных вопросах фонетики (исключая теорию фо-нем).

Семасиологию Кудрявский определяет как дисциплину, которая "занимается изучением движения значений" (48, 61). Он считает, что эта область языкознания разработана очень слабо: наука пока не вышла из периода собирания материала. Поэтому еще не удалось точно определить законы перехода значений и даже найти принципы для классификации этих переходов.

Вопрос о слове и его значении Кудрявский рассматривает в специальной главе "Природа слова". Это выделение обусловлено построением всей книги. Он начинает ее с выяснения сущности языка и связи языка и мышления, а затем переходит к проблеме происхождения языка. Для этого он прежде всего выясняет различие между звуками человека и животных, особенности междометий и природу слова, чтобы показать пути перехода от звуков животных к человеческому языку. О предмете же семасиологии говорится в разделе "Вспомогательные дисциплины языкознания", который служит своего рода введением к главам "Физиология звука" и "Грамматический строй индоевропейских языков".

В слове Кудрявский подчеркивает прежде всего его абстрагированный характер, в том смысле, что каждое слово обозначает не единичный предмет (кроме тех случаев, когда в природе встречается данный предмет или явление только в единственном числе, например, луна), а целую группу однородных предметов. Действительно, когда мы говорим "стол" "окно", "дерево", то имеем в виду не какой-то определенный предмет, а целый ряд предметов, каждый из которых мы можем назвать этим словом. В этом заключается единство всеобщего и единичного применительно к слову. В языке, говорит Кудрявский, иначе не может и быть, так как, во-первых, нельзя представить себе такой язык, который бы для каждого предмета имел особое название, а, во-вторых, никакая человеческая память не смогла бы удержать столько названий. Поэтому язык утратил бы свое значение, перестал быть средством общения между людьми. Для возникновения слов такой степени абстрагированности необходимы, по мнению Кудрявского, долгий опыт и классифицирующая работа ума, так как для создания общего представления нужно, чтобы человек научился отождествлять, находить в каждом новом восприятии нечто общее с прежними восприятиями.

Второе, на что обращает внимание Кудрявский, это то, что для названия новых предметов и явлений человек не вы-

думывает совершенно новых слов, а использует уже существующий словарный запас. Значительную роль в этом играет изменение значения слова, в результате которого старое слово получает новое, переносное значение. Этот процесс происходит путем сравнивания предметов, которое может быть неполным и случайным. Например, "быками" мы называем определенный вид животного и устой моста, "хребтом" - позвоночник и горную цепь и т.д. В этих случаях слово, наряду со значением, имеет еще символ, который во многих словах забывается и устанавливается только при помощи сравнительно-исторического метода, например, чан - джань - дошань и др. Поскольку многие слова поддаются такому этимологизированию, то Кудрявский допускает, что все слова в языке путем переноса могут изменять свое первоначальное значение.

Он считал, что процесс образования нового значения основан на сопоставлении двух представлений, одно из которых должно характеризовать другое. Происходит это следующим образом. Слово первоначально сочетается с известным значением. Потом оно начинает обозначать новое явление, благодаря тому, что человек в этом явлении находит нечто общее с явлением уже давно знакомым. "Следовательно, мы тут встречаемся с многообразными ассоциациями - явлением психологическим: с одной стороны, новое явление ассоциируется со старым, с другой стороны, старое представление уже ассоциировано с известным словом" (47, 18). Но первопричину семантических изменений Кудрявский видел в социальном факторе, в условиях жизни человека.

Значит, Кудрявский как ярый противник логического истолкования^I языковых фактов рассматривает вопрос о се-

^I Ср. его высказывание: "Логическая точка зрения при толковании явлений языка непригодна, в основе своей ложна и не применима" (47, 17).

мантических сдвигах с психологической точки зрения в связи с анализом психологической природы слов. Другие русские языковеды этого периода по-разному подходили к данной проблеме. Богородицкий семантические изменения ставит в один ряд с такими морфологическими процессами, как переразложение, опрощение и т.д. Поржезинский классифицирует их с логико-психологической точки зрения и рассматривает вместе с фонетическими процессами как факты изменения языка. У Томсона типы изменения значений определяются по логическому принципу.

В слове Кудрявский находит три элемента, три составные части: а) звуковую форму, т.е. известное сочетание звуков, б) символ, или внутреннюю форму, т.е. предшествующее значение слова, которое употребляется в качестве знака другого значения; в) значение слова, т.е. представление или понятие, соединяемое с данным словом.

Термин "внутренняя форма" был введен В.Гумбольдтом. После Гумбольдта он употреблялся многими учеными в самых различных значениях. Не вдаваясь в историю этого вопроса, укажем только на то, что вряд ли можно согласиться с утверждением Е.М.Галкиной-Федорук, что "термин "внутренняя форма" заключает в себе противоречие (катахрезу), так как форма всегда является чем-то внешним по отношению к содержанию" (23, 46). В действительности же форму нельзя ограничивать ее внешним проявлением, потому что форма не есть нечто только поверхностное в содержании предмета или наложенное на содержание, она внутренне присуща содержанию.

Кудрявский рассматривает соотношение внешней и внутренней формы следующим образом: "Если мы будем рассматривать слово в целом, то на значение его мы можем смотреть, как на содержание. Это значение всегда облечено в форму звука, т.е. во внешнюю, воспринимаемую слухом форму. Второй элемент слова, символ, является тоже формальным элементом, но его формальность совсем иного характера. Здесь уже не звук, а представление является знаком дру-

гого представления, символом значения слова. Это уже не внешняя, а внутренняя форма слова" (48, 39). Например, звуковой комплекс "медведь" соединяется с представлением неуклюжего человека через представление неуклюжего зверя, медведя. Поскольку в речи, говорит Кудрявский, существуют не отдельные слова, а предложения, то этот процесс происходит только в составе предложения. Слово "голубой" восходит к названию птицы – голубя. В определенное время этот признак был тесно связан с предметом, которому он был свойственен. Но с образованием многочисленных словосочетаний типа "голубое небо", "голубой цветок" и под. этот признак отделяется от своего носителя и создает представление "голубого" независимо от голубя. Это ведет к расширению содержания слова и забвению внутренней формы. С утратой же внутренней формы уточняется значение слова, а вместе с тем точнее становится и выражение нашей мысли. Происходит это потому, что в словах с внутренней формой какой-либо один признак является знаком всего восприятия предмета, а с ее утратой слово становится целиком знаком данного понятия, так как объединяет в себе все признаки предмета.

Следовательно, Кудрявский подчеркивает три стороны внутренней формы: а) этимологически исходное значение слова, б) образный элемент слова, в) внутренняя форма как основа для создания новых слов и новых значений. Естественно, что подробная разработка вопроса о внутренней форме и четкое определение ее сторон помогли бы решить такие проблемы семасиологии, как природа названия, возникновение новых слов и значений, развитие образности в языке и др.

На проблемах грамматического строя мы здесь останавливаться не будем, так как этому посвящена специальная глава.

Вопрос о классификации языков является одним из наиболее существенных вопросов языкознания. Правильная, хорошо продуманная классификация в значительной мере облегчает исследование конкретных языков и во многом помогает представителям других специальностей. В истории языкознания

наиболее известны два типа классификации языков: морфологическая и генеалогическая.

В русском языкознании одним из первых на морфологическую классификацию обратил внимание Фортунатов. В своем курсе лекций по сравнительному языковедению "на общих сходствах и различиях, существующих между различными языками по отношению к образованию простых, т.е. не составных форм слов" (76, 153) он выделил четыре морфологических типа языков, дополнив классификацию Гумбольдта флективно-агглютинативным типом, к которому отнес семитские языки. Классификация Фортунатова затем была полностью воспринята Поржезинским. Но Томсон уже отступает от нее и вместо группы флективно-агглютинативных языков вводит полисинтетические языки. Такой же системы придерживался и Богородицкий.

Морфологическая классификация в работе Кудрявского не занимает значительного места. Он связывает ее возникновение с проблемой происхождения и развития языка. Сторонникам эволюционной теории казалось, что языки земного шара представляют собой различные ступени развития человеческого языка. Поэтому они стремились, расположив эти ступени в хронологическом порядке, шире и глубже осветить возникновение языка. Языковеды прежде всего обратили внимание на различия в морфологическом строе языков. С этой точки зрения языки земного шара были разделены на три типа: корневой, агглютинативный и флективный. Эти три типа рассматривались как три последовательных этапа в развитии языка. На низшую ступень ставился китайский язык, состоящий из однословных, не подвергающихся никаким морфологическим изменениям слов, якобы близких к междометиям-восклицаниям. На средней ступени стоят агглютинативные языки, в которых грамматическая форма выражается при помощи аффиксов, но слова четко распадаются на составные части. И высший тип человеческого языка представляют собой флективные языки, в которых произошла наиболее крепкая спайка составных частей слова.

Главным недостатком морфологической классификации Кудрявский считает ее истолкование, при котором расположение ступеней в развитии языка носит совершенно произвольный характер и часто не соответствует языковым фактам. Например, односложность китайского языка оказалась непервоначальной, так как в древнекитайском были найдены многосложные слова. Развитие языка может идти не только от корневого строя к флективному, но и наоборот. Это значит, говорит Кудрявский, что общая схема развития языков строилась из теоретических соображений, а не на базе глубокого изучения самых различных языков. И в угоду этой теории китайский язык, имеющий многовековую культуру, был поставлен на низшую ступень, а европейские языки — на высшую. Кроме того, на земном шаре существует много языков, которые не находят себе место в морфологической классификации. Эти замечания сохраняют свое значение до сих пор.

Генеалогическая классификация языков теснейшим образом связана с зарождением и развитием сравнительно-исторического языкознания. В России основательная разработка этой классификации связана с именами Фортунатова, Поржезинокого, Томсона и др.

В основе генеалогической классификации Кудрявского, как и предшествующих языковедов, лежит понятие языкового родства. "Родственными языками, — пишет он, — мы называем такие языки, которые представляют из себя более или менее измененные формы одного первоначального языка. Иначе говоря, родственные языки восходят к одному первоначальному языку" (48, 48). В связи с этим он подвергает критике натуралистическое понимание родства языков. "Прежде в семье индоевропейских языков некоторые даже различали "степени родства" между языками и называли данный язык "братом" или "отцом" по отношению к другим языкам. Однако, действительно ли из существующих языков один язык произвел из себя другой, другой, в свою очередь, третий и т.д.? Нет. И необходимо помнить, что родственные языки представляют из себя измененную форму одного первоначального языка, и,

таким образом, все индоевропейские языки суть различные формы, различные проявления одного и того же языка" (47, 39).

Образование группы родственных языков Кудрявский представлял как результат процесса дифференциации, который происходил следующим образом. "Язык обнимает собой известную местность, но в ней существуют лишь отдельные говоры, живут мелкие отдельные наречия. Каждая мелкая группа людей может создавать новые слова и отменять старые. Все это происходит на почве одного языка. С другой стороны, языком человек владеет не от природы; он изучает язык в детстве, прислушиваясь к языку старших. А дети сами есть уже особое поколение, создающее свои новые слова или же придающее новое значение существующим словам. Если же обратить внимание на физиологическую сторону языка, то окажется, что и в этой области могут происходить изменения, так как у детей строение органов речи всегда оказывается несколько иным, чем у их родителей (напр., по величине). От этого в детском языке исчезают звуки, которые произносились глухо их отцами. Проф. Бодуэну де Куртене удалось проследить в одном южнославянском говоре исчезновение придыхания в речи детей и молодого поколения в то время, как у стариков придыхание это слышится, хотя весьма глухо" (47, 39).

Эти факторы, разумеется, играют определенную роль в изменении языковых явлений, но к ним нельзя целиком сводить процесс дифференциации, так как он прежде всего вызывается историческими условиями существования того или иного народа. Маркс следующим образом характеризовал процесс дифференциации языков: "П о с т о я н н а я т е н д е н - ц и я к р а з д е л е н и ю к о р е н и л а с ь в э л е м е н т а х р о д о в о й о р г а н и з а ц и и ; о н а у с и л и в а л а с ь т е н - д е н ц и е й к о б р а з о в а н и ю р а з л и - ч и я в я з ы к е , н е и з б е ж н о й п р и и х . . . о б щ е с т в е н н о м с о с т о я н и и и о б ш и р н о с т и з а н и м а е м о й и м и т е р р и т о р и и . . . Л о - к а л ь н о е р а з о б щ е н и е - в п р о с т р а н с т в е -

с течением времени вело к появлению различий в языках; это приводило к обособлению интересов и к полной самостоятельности" (I, 79). Значит, Маркс прежде всего подчеркивает роль внешних факторов, которые вызывают внутриязыковые изменения.

Вторым признаком родства языков, устанавливаемого сравнительно-историческим методом, Кудрявский считает сходство языков в звуковой системе и особенно в морфологической структуре слов и синтаксическом строе. Вопрос же о родстве разных семей языков окончательно не решен, и пока нет достаточных оснований для того, чтобы признать это родство или категорически отрицать его возможность.

В целом генеалогическая классификация языков у Кудрявского менее полная, чем у предыдущих лингвистов. Эта неполнота сказывается в охвате языковых семей и характеристике языков, входящих в ту или иную группу. Исключение представляет лишь индоевропейская семья языков, на которой он останавливается наиболее подробно.

При характеристике групп индоевропейских языков Кудрявский указывает их состав и в большинстве случаев первые литературные памятники. С методологической стороны генеалогическая классификация Кудрявского также вполне стояла на уровне языкознания того времени.

Одной из последних работ Кудрявского был "Отзыв о сочинениях А.М.Пешковского", в котором дается анализ первого издания "Русского синтаксиса в научном освещении" и "Школьной и научной грамматики", вышедших из печати в 1914 году.

В 1915 году Пешковский представил свои работы на соискание Ломоносовской премии. Академия наук поручила их рецензирование Кудрявскому. 19 мая 1915 года он писал А.А.Шахматову: "Глубокоуважаемый Алексей Александрович! Только что получил лестное для меня предложение Отделения русс.яз. и слов. ИАН рассмотреть труды г.Пешковского "Русский синтаксис..." и "Школьная и научная грамматика".

Предложение это я принимаю с тем большим удовольствием, что мне самому хотелось высказаться как по поводу трудов г.Пешковского, так и по поводу других работ в той же области. Но я не знаю, насколько уместным окажутся подобные экскурсы в отзыве о трудах г.Пешковского, и я не знаю, можно ли мне надеяться, что этот мой отзыв будет напечатан. Поэтому я решаюсь обратиться к Вам с просьбой, сообщить мне, возможно ли мне в этом отзыве попутно коснуться и некоторых назревших вопросов русского синтаксиса. Будьте добры, сообщите Ваше мнение по этому поводу. Искренне и глубоко уважающий Вас Д.Кудрявский" ^I.

12 августа рецензия была закончена и отправлена в Академию наук. На основе ее Пешковский получил премию им. Д.А. Толстого.

"Отзыв" Кудрявского представляет большой интерес для истории русского языкознания как отражение одного из переломных периодов в его развитии. Дело в том, что с конца XIX века в научной грамматике безраздельно начинают господствовать формальное и психолого-грамматическое направления, в то время как логическое ограничивается только рамками школьной грамматики. Поэтому в течение многих лет русская грамматическая мысль упорно искала пути сближения школьной и научной грамматики. Выход "Русского синтаксиса в научном освещении" завершил эти поиски и утвердил почти на два десятилетия преподавание формальной грамматики в средней школе.

Появление труда Пешковского вызвало широкий отклик в научных кругах. Одним из первых на него отзывался Е.Ф.Будде. В своей рецензии он признает, что "книга написана с замечательной любовью к делу и с искренним желанием автора самому себе научно уяснить весь синтаксический строй современного русского языка" (17, 345). Тем не менее, рецензент выражает сомнение в научно-

---

^I Архив АН СССР, ф.134, оп.3, № 770, л.11.

сти взглядов автора, считает, что "за добрую половину книги г.Пешковский должен брать ответственность на себя и на свои "школьные записки", не стараясь разделить эту ответственность с корифеями русской лингвистической науки" (17, 349).

Совершенно противоположную позицию занял Кудрявский. Он, высоко оценивая работу Пешковского, отмечал, что она "написана с несомненным знанием дела, все вопросы с большим вниманием продуманы самостоятельно и автор никогда не скрывает тех противоречий, на которые ему приходится наталкиваться в развитии своих положений. Я нахожу, что этим автор оказал большую услугу в деле выяснения многих темных вопросов нашего синтаксиса, который еще ждет разработки почти во всех своих частях. Книга автора не представляет исследования в собственном смысле слова, но она дает очень много оригинального, самостоятельного. А в области интонации и ритма мы обязаны автору новыми и довольно тонкими наблюдениями. Если прибавить к этому мастерское и даже увлекательное изложение, то в книге автора мы несомненно должны видеть труд, который должен оставить глубокий след в научной литературе. Не надо забывать также и того, что, написанный очень популярно, труд этот может оказать большую услугу в деле распространения более здравых взглядов среди преподавателей низшей и средней школы" (52, 302-303). Более того, "книга г.Пешковского является как бы зеркалом, в котором довольно хорошо отражаются достоинства и недостатки изучения русского синтаксиса и таким образом намечаются (и это особенно важно) задачи дальнейшего исследования" (52, 288).

Поэтому можно сказать, что Кудрявский по сути дела первым в русском языкознании сумел наиболее правильно и объективно оценить труд Пешковского, составивший одну из вех в развитии отечественной науки о языке.

Эта высокая оценка объясняется отчасти и тем, что Кудрявский, сам убежденный потебнианец, видит в Пешков-

ском также последователя Потебни, несмотря на то, что сам Пешковский указывал два источника своей грамматической системы: университетские курсы Фортунатова и Поржезинского и "Из записок по русской грамматике" Потебни. Кудрявский писал: "Влияние Потебни громадно, и совершенно понятно, что всякий занимающийся русским синтаксисом должен начать с Потебни. Г. Пешковский точно также, несомненно, примыкает к Потебне; он хорошо его изучил и старается держаться его точек зрения" (52, 289).

Отчасти вывод Кудрявского справедлив, так как Пешковский впоследствии сам признавал (65, 77-108), что опирался на взгляды Потебни при рассмотрении значения частей речи и в учении о членах предложения, а от Фортунатова взял главным образом понятие формы слова, деление слов на форменные и бесформенные и классификацию бесформенных слов. Но Кудрявский не заметил полярной противоположности грамматических систем Фортунатова и Потебни. С. И. Бернштейн (7, 13-14) в свое время высказал правильную мысль, что объединение Пешковским этих двух противоположных учений было возможно потому, что они воспринимались тогда только как различные оттенки оппозиции логическому направлению. Поэтому некоторое сходство между ними было гораздо заметнее, чем различия. Этим объясняется также и тот факт, что Кудрявский соглашается с преобладающим большинством выводов Пешковского.

Основные возражения Кудрявского были направлены главным образом против психологической трактовки грамматических явлений, деления наречий на грамматические и неграмматические, деления форм на синтаксические и несинтаксические.

Пешковский рассматривал синтаксические явления как отражения психических процессов, происходящих в говорящем в момент речи. Но в последующем изложении он, различая "психологическую подпочву фразы" и ее "грамматическую поверхность", считает их разнородными величинами.

Возникшее противоречие Пешковский объясняет тем, что "готовые формы сочетаний русского языка", те "определенные шаблоны", по которым мы говорим, всегда можно наложить "на любое психическое содержание" (63, 380). В тот период языка, когда эти шаблоны еще только создавались, они "должны были употребляться в своем истинном, первоначальном смысле, оформливать именно то психическое содержание, ради которого они были созданы. Именно этот-то гипотетический период языка и имеют всегда в виду, когда говорят о психологическом и логическом значении подлежащего и сказуемого или о различении главных и второстепенных членов" (63, 380). В настоящее время эти шаблоны "сохранили свое исконное значение, но перешли, как все привычное, из области сознательного в область подсознательного" (63, 381). "Работа грамматиста" и состоит в раскрытии содержания этих шаблонов "путем перевода их из подсознательной области в центр сознания" (63, 381). Отсюда Пешковский делает следующий вывод: "Как ни условны, как ни расплывчаты раскритикованные Потесней обычные "логические" определения подлежащего и сказуемого..., они все-таки выражают, по правде говоря, самую суть дела, в том смысле, что перебрасывают необходимый мост между грамматикой, с одной стороны, и психологией и логикой, с другой. С этих определений (только переведенных в область психологии) никогда не сдвинется синтаксис, поскольку грамматические подлежащее и сказуемое никогда не смогут быть совсем оторваны от психологических и логических. Беда только в том, что все подобные определения годны для эпохи образования этих форм в языке, а не для той эпохи, когда их учит ребенок в школе" (63, 384).

По мнению Кудрявского, эти положения отражают состояние научной разработки синтаксиса именно в тот период, когда новое (психологическое) направление подставило на место логики психологию.

В чем же он видит основную ошибку психологической точки зрения? Пешковский, по его мнению, довольно четко отли-

чает "психологическую подпочву" от "грамматической поверхности", но исходит из предвзятой мысли о соответствии той и другой в гипотетический период языка. Такое психологическое толкование, повторяя ошибки логического направления, дает очень мало для изучения грамматических явлений, так как "психология только тогда оказывает серьезную услугу языкознанию, когда в психологии ищут объяснения грамматических явлений, а не перестраивают грамматику на основании общих психологических воззрений" (52, 292). Иное решение вопроса приводит к смешению психологии и языкознания, психологических и грамматических категорий. Особенно наглядно это проявляется в определении подлежащего и сказуемого.

Психологическим подлежащим обычно считается то представление, к которому присоединяется другое представление — сказуемое. Иначе говоря, для различения этих понятий существует только один критерий — хронологическая последовательность: первое представление — подлежащее, второе — сказуемое. В грамматическом предложении порядок частей может быть изменен, так как здесь сказуемое должно отличаться более сильным ударением. Иногда руководствуются также логическими или грамматическими признаками. "Между тем, пишет Кудрявский, мы постоянно говорим в грамматике о различных способах выражения подлежащего: ясно, что мы в таких случаях говорим не о грамматическом подлежащем, а о психологическом и рассматриваем те грамматические формы, которые можем встретить в речи на месте этой психологической категории. То же самое касается и психологического сказуемого с его грамматическим выражением" (52, 292). Более того, психологическое определение сказуемого приводит вдобавок еще и к установлению двучленности всякого предложения, хотя это прямо противоречит языковым фактам.

Таким же смешением психологического и грамматического Кудрявский объясняет появление в грамматиках понятия

"предикативности", или "сказуемости". Он пишет: "Такая предикативность представляется, как некая таинственная сила, разлитая в предложении, способная сгуститься в одной части связной речи и разрежаться в другой. Она по преимуществу заключается в сказуемом, но может в большей или меньшей степени присутствовать во всяком члене предложения. Если откинуть несколько туманную, можно сказать мистическую оболочку этого представления, то явление предикативности сведется к тому же смещению психологической подпочвы с грамматической поверхностью: все предложение может во всех своих частях содержать равно важные сообщения и, стало быть, все целиком может быть психологическим сказуемым. Но это явление несколько не объясняет грамматического строя такого предложения; напротив, оно даже сглаживает различие грамматических членов предложения, всех их приближая к психологическому сказуемому" (52, 293).

И особенно беспомощной Кудрявский считает психологическую точку зрения в объяснении второстепенных членов, так как психологический анализ их совершенно не различает. И даже убежденным сторонникам психологической подпочвы не кажется странным, что не чувствуется даже надобности в психологическом толковании второстепенных членов.

Поэтому Кудрявский полагает, что прогресс синтаксиса может выразиться прежде всего в строгом разграничении психологического и грамматического в предложении. И основную задачу синтаксиса он видит в изучении грамматической стороны синтаксических явлений. Иначе синтаксис превращается в психологическую дисциплину, или во всяком случае в его основу кладется не форма выражения, а содержание предложения. Психология должна служить лишь объяснению этих явлений. Лучшим примером такого подхода Кудрявский считает синтаксические исследования Потебни.

Определяя форму слова, как "способность его распаться по звукам и по значению на основу и формальную часть" (63, 6), Пешковский с необходимостью пришел к вы-

воду, что не все слова имеют форму. На этой основе строится им и деление наречий на грамматические и неграмматические. К первым он относит наречия на -о, ко вторым — все остальные. С точки зрения Кудрявского, неграмматические наречия совершенно бесформенными считать нельзя, так как они также могут распадаться на указанные две части (ср. стоймя и плашмя; иногда, всегда, тогда, когда; наудалую, напропалую). Поэтому такое деление он считает весьма произвольным. Отсюда для него неприемлемо и деление обстоятельств на а) наречия, б) слова, не имеющие формы, но по значению своему совпадающие с наречиями, и в) слова, не имеющие формы и обозначающие различные обстоятельства, при которых происходит действие. По мнению Кудрявского, "различая некоторые формы образования наречий, это деление однако не приносит никакой пользы для систематического обзора образования наречий; а привнесение другого принципа деления — значения, вносит путаницу в установленное Потебней ясное положение, что наречие есть специальная форма обстоятельства. Таким образом это деление совершенно излишне" (52, 296).

К Фортунатову восходит также деление Пешковым форм на синтаксические и несинтаксические, т.е. зависимые от других слов в речи и независимые. К синтаксическим он относит формы падежа у существительных, формы падежа, числа и рода у прилагательных, лица, числа, рода, времени, наклонения у глаголов. Примерами несинтаксических форм называет формы числа, рода, уменьшительности и увеличительности у существительных, залога и вида у глаголов и т.д. Кудрявский возражает против такого деления по ряду причин. Во-первых, оно внутренне противоречиво. Рассматривая категорию рода у существительных и прилагательных, Кудрявский пишет: "Выходит так, как будто один конец той же нити, связывающей два члена предложения, оказывается синтаксическим, а другой конец не имеет уже ничего синтаксического и как раз в том месте, где категория рода

оказывается доминирующей: так как именно род существительного обуславливает род прилагательного, а не наоборот" (52, 298). Во-вторых, включение форм времени и наклонения в число синтаксических форм основано уже на другом принципе, на том, что они образуют глагольность. И, в-третьих, несинтаксические категории могут играть также важную синтаксическую роль. Отсюда Кудрявский делает вывод, что вряд ли возможно разграничение форм на синтаксические и несинтаксические. Но он считает, что было бы бесполезно в каждой форме отличать синтаксический элемент от других ее значений.

В 1923 году Пешковский приступил к переработке своей синтаксической системы. (Третье, переработанное издание "Русского синтаксиса в научном освещении" вышло в 1928 году). Основой для нее послужило опубликование синтаксической системы Шахматова, которая впервые была изложена в статье Бернштейна "Основные вопросы синтаксиса в освещении А.А.Шахматова" ("Известия ОРЯС", т. XXV, 1922). Но известную роль в этом сыграла также рецензия Кудрявского.

Наибольшее значение в этом отношении имела критика психологического толкования языковых явлений. В третьем издании Пешковский не только отказывается от психологического определения предложения и его главных членов, но даже подвергает критике понятия психологического подлежащего и сказуемого (64, 230-232). Теперь он определяет предложение и его члены, основываясь на языковых наблюдениях. Говоря о том, что главные члены предложения можно рассматривать с психологической и логической стороны, Пешковский пишет: "Мы не пойдем в этой книге ни по тому, ни по другому пути. Для нас сказуемое... будет всегда либо глагол, либо сочетание глагольной связки с предикативным членом, либо определенные бесформенные слова, а подлежащим тот имен.пад., к которому относится сказуемое" (64, 231). В таком повороте Пешковского от Фортунатова к Потебне значительную роль сыграл Кудрявский. Об этом свидетельствует,

во-первых, признание самого Пешковского, что психологическое толкование грамматических явлений вызвало "возражения критики, во многом оправдательные" (64, 5), а возражал против этого как раз Кудрявский. Во-вторых, синтаксическая система Шахматова не могла способствовать отказу от психологизма, так как она была истолкована Бернштейном как система психологическая. (Ср. "Синтаксис Шахматова есть синтаксис психологический". Объект изучения определяется в нем по психологическому признаку. Вся система базируется на классификации лингвистических дисциплин, построенной по признаку отношения изучаемых явлений к сознанию" (6, 228).

Критика Кудрявским деления наречий на грамматические и неграмматические оказала на Пешковского меньшее влияние, так как во всех последующих изданиях оно было лишь частично изменено и уточнено. Например, уже во втором издании Пешковский указывает между грамматическими и неграмматическими наречиями ряд переходных групп, обладающих в определенной степени своей специальной формой наречия, а в дальнейшем даже признает, что "вообще огромное большинство так называемых "неграмматических наречий", в сущности, в той или иной степени форменно, а совершенно бесформенных наберется, может быть, только десяток-другой" (64, 46). Деление форм на синтаксические и несинтаксические во всех изданиях осталось без существенных изменений.

Далее, признавая в целом новые термины, созданные Пешковским, весьма удачными, Кудрявский высказался против термина "отрицательный" (отрицательные формальные части, отрицательные категории, отрицательная связка и т.д.). В третьем и последующих изданиях Пешковский всюду уже употребляет рекомендованный Кудрявским термин "нулевой".

Следовательно, данная работа Кудрявского имеет для истории русского языкознания значение в том отношении, что она отражает один из переломных периодов в его развитии, является первой наиболее правильной и объективной оценкой кни-

ги Пешковского, оказавшей известное влияние на его последующие грамматические взгляды.

В 1915 году царская Россия потерпела ряд серьезных военных поражений. Фронт стал быстро приближаться к границам Эстонии. Началась подготовка эвакуации Тартуского университета в тыл¹. 22 сентября из Тарту в Нижний Новгород выехал первый эшелон с ценным имуществом. Но в 1916 году в связи со стабилизацией фронта эвакуация университета была приостановлена. Однако после Февральской революции Временное правительство сразу же взяло курс на продолжение войны до победного конца. Поэтому снова встал вопрос об эвакуации университета. Особенно критическое положение сложилось в августе-сентябре 1917 года, когда германские войска захватили Ригу и эстонские острова. Но по ряду причин эвакуацию опять отложили. Вскоре после победы Октябрьской революции была установлена Советская власть и в Эстонии. Но она просуществовала недолго: уже 20 февраля 1918 года началось вторжение немецких войск. 23 февраля оккупанты заняли Тарту. Немецкие профессора, находившиеся на русской службе, сразу же признали себя германскими подданными. Командование оккупационной армии приказало сделать университет немецким. Совет университета при активном участии профессора международного права В.Э.Грабаря решил защищать свои юридические права. Но самые решительные протесты результатов не дали. Ректору и русским профессорам предложили покинуть Лифляндию и отправиться в Россию. В этой тяжелой обстановке было решено направить представителей университета в Петроград и Москву, чтобы получить помощь от Советского правительства и договориться о переезде в Россию. 26 апреля 1918 года этот вопрос обсуждался на заседании Малой государственной комиссии под председательством Н.К.Крупской. Решение комиссии о переводе Тартуского университета в Воронеж было затем утверждено Советом Народных Комиссаров и подписано В.И.Лениным. 17 июля и 31 августа 1918 года из Тарту в Воронеж выехало два специальных поезда, которые везли

¹ Здесь ряд фактов взят нами из рукописной статьи доц.Л.К.Эрингсон "Из истории эвакуации Тартуского университета (1915-1918 гг.)".

свыше 1000 тартуских профессоров и студентов. Среди них был и Кудрявский. 12 ноября 1918 г. началась учебная работа на четырех факультетах Воронежского университета. В тяжелых условиях гражданской войны и разрухи Кудрявский проработал в новом университете два года. В это время он готовил третье издание "Введения в языковедение" и собирал материалы для санскритско-русского словаря и синтаксических исследований. Но состояние здоровья с каждым днем ухудшалось. 9 ноября 1920 года Кудрявский скончался в возрасте 53 лет.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ И ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА

В ТРУДАХ Д.Н.КУДРЯВСКОГО

I

В 70-е гг. XIX века в европейском языкознании возникает новое направление — т.н. младограмматическая школа. Наиболее четко основные идеи младограмматизма были выражены Г.Остгофом и К.Бругманом в предисловии к "Морфологическим исследованиям". Они писали, что прежнее языкознание (имеется в виду натурализм) с исключительным рвением изучало языки, но не обращало внимания на говорящего человека. Такому подходу они противопоставили понимание языка как продукта психофизической деятельности индивида. Считая язык постоянно изменяющимся явлением, младограмматики признавали только исторический принцип его изучения. При этом основу их исследований составляли понятия аналогии и звукового закона, не допускающего никаких исключений. Кроме того, если предшествующее направление свою основную задачу видело в реконструкции праязыка, то младограмматики призывали покинуть "душную, полную туманных гипотез атмосферу мастерской, где куются индоевропейские праформы" и выйти "на свежий воздух осязаемой действительности и современности" (61, 191), т.е. изучать живые языки и диалекты, чтобы глубже вскрыть закономерности языкового развития.

Младограмматическая школа, введя новые методы исследования, сделала выдающиеся открытия в области сравнительно-исторического языкознания. Однако вместе с тем сфера научных исследований оказалась значительно суженной.

Ученые ограничивали область своих интересов преимущественно фонетикой и морфологией, при этом в фонетике основное место занимали проблемы вокализма. "Именно поэтому многие другие стороны богатой жизни языка должны были на время отойти на задний план. Когда примерно через пятнадцать лет новый прочный фундамент был заложен, состарившиеся за это время ученые должны были обратиться к новым областям исследования. Это было не всегда легко... Гораздо труднее была перестройка для более молодого поколения, чьи ученические годы совпали с периодом больших открытий в фонетике и морфологии. Когда жатва была собрана, на их долю осталось утомительное собирание оставшихся колосков, результаты чего были неопределенны" (75, 52-53). Поэтому начало XX века характеризуется ожесточенной критикой младограмматизма со стороны представителей самых различных течений (Г. Шухардт, К. Фосслер, Ф. де Соссюр и др.).

Одновременно с младограмматическим течением в России возникает две лингвистические школы: казанская и московская, которые отчасти стояли близко к идеям младограмматизма, отчасти далеко выходили за пределы их главных установок. "Так, будучи одним из первых зачинателей применения метода аналогии к объяснению языковых явлений вообще, парадигм польского склонения в частности..., Бодуэн де Куртене должен быть признан одним из основоположников младограмматического направления в языкознании, господствовавшего в последнюю четверть XIX в. и в начале XX в. И вместе с тем в начале XX в. Бодуэн де Куртене наряду с Шухардтом, а частично и с Соссюром и Есперсеном выдвигает идеи, явно направленные против младограмматического направления. Он выступает противником "звуковых законов" ("нет никаких "звуковых законов"). Бодуэн де Куртене указывает на множественность, а зачастую и противоречивость факторов каждого данного языкового изменения, а "звуковые законы" считает лишь результатом скрещенного действия этих факторов, отказывая им поэтому в праве называться "законами".

Бодуэн де Куртене проявлял здоровый скептицизм по отношению к младограмматической теории "родословного древа" языковой семьи и к реальности восстанавливаемых нередко очень механическим или механистическим путем "праязыков". Вопреки младограмматикам, Бодуэн де Куртене склонялся к мысли о возможности и целесообразности организованной сознательной политики в области языка и положительно относился к идее международного вспомогательного языка; допуская его распространение при наличии соответствующих социальных предпосылок и условий. Наконец, бодуэновское понимание структуры живого современного языка и способов ее лингвистического анализа решительно уходило в сторону от младограмматических приемов лингвистического исследования. Бодуэн де Куртене был одним из инициаторов структурального направления в языкознании" (22, II-12).

Казанская лингвистическая школа, основателем которой был И.А.Бодуэн де Куртене, возникла во второй половине 70-х гг. в Казани, затем ее традиции продолжались в Дерпте-Рязе, Кракове, Петербурге-Ленинграде и Варшаве. Ряд бодуэновских идей был признан также Пражским лингвистическим кружком.

Основные принципы казанской школы были в свое время сформулированы самим Бодуэном де Куртене. Это:

1) Различение звука и буквы, так как без этого не могло идти речи о вполне научном, объективном сопоставлении и исследовании фактов языка.

2) Признание важности различения фонетических и морфологических частей слов, фонетической и морфологической делимости слов, различения чисто фонетического (физиологического) и психического элемента в языке; различения изменений, происходящих в данном состоянии языка, и изменений, совершившихся в истории; признание важности учета требований географии и хронологии по отношению к языку, признание преимущества наблюдений над живым языком перед догадками, извлекаемыми из рассмотрения памятников.

3) Признание полного равноправия всех языков, полной демократизации объекта исследований.

4) Требование стоять на точке зрения объективно-психологической, всесторонне исследовать психику индивидов, составляющих данное языковое общество, не навязывать языку чуждых ему категорий, а доискиваться того, что в нем действительно существует.

5) Стремление к обобщениям, усилившееся реакцией против "мартвях, духо-убийственных разлагольствований" тех лингвистов, которые всю задачу языкознания видели в издании памятников и составлении словарей (15, 32-34).

Общетеоретические взгляды Бодуэна де Куртене складывались в тот период, когда шла ожесточенная борьба с натурализмом в языкознании, когда вырабатывалось новое понимание и применение сравнительно-исторического метода. Бодуэн де Куртене одним из первых подверг резкой критике определение языка как самодовлеющего организма. Уже в 1870 году он писал, что необходимо "отвергнуть самым положительным образом тот предрассудок некоторых ученых, что язык есть организм. Это мнение создано вследствие страсти к сравнениям, которой страдают многие, не обращая внимания на то очень простое и убедительное предостережение, что сравнение не есть еще доказательство. В этом проявляется желание помощью сравнений избежать настоящего, серьезного анализа. Отсюда ученое пустословие, ученое фразерство, которое вводит в заблуждение людей не только поверхностных, но даже и очень основательно думающих... Кто считает язык организмом, тот олицетворяет его, рассматривая его в совершенном отвлечении от его носителя, от человека, и должен признать вероятным рассказ одного француза, что в 1612 г. слова не долетали до уха слушателя и мерзали на половине дороги. Ведь если язык есть организм, то, должно быть, это организм очень нежный, и словам, как частям этого организма, не выдержать сильного русского мороза" I (II, 75-76).

I Ср. также: "Причислять язык к "организмам", языковедение же к естественным наукам есть пустая фраза, без фактической подкладки" (10, 348).

Борясь с натуралистическим пониманием сущности языка, Бодуэн де Куртене пришел к психологизму. Поэтому он определял язык как продукт психофизической деятельности. "Язык есть слышимый результат правильного действия мускулов и нервов. Или же: Язык есть комплекс членораздельных и знаменательных звуков и созвучий, соединенных в одно целое чутьем известного народа [как комплекса (собрания) чувствующих и бессознательно обобщающих единиц] и подходящих под ту же категорию, под то же видовое понятие на основании общего им всем языка" (II, 77).

Бодуэн де Куртене считал, что существование и развитие языка обусловлено чисто психическими законами, что объяснение языковых изменений может быть только психологическое и отчасти физиологическое. Поскольку не психическая и физиологическая жизнь свойственна индивидам, а не обществу, то реальными он признавал лишь языки отдельных индивидов, а общенародный язык считал фикцией, идеалом или средним выводом. "Язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество. Язык племенной и национальный является чистой отвлеченностью, обобщающей конструкцией, созданной из целого ряда реально существующих индивидуальных языков" (I2, 71). "Понятие так называемого собирательного, племенного языка (например, языка русского, немецкого, польского, армянского и т.д.) не соответствует никакой объективной реальности. Нет вовсе ни русского, ни немецкого, ни какого бы то ни было национального или племенного языка. Существуют только индивидуальные языки" (I3, 131).

Признавая основу языка чисто психической, Бодуэн де Куртене относил языкознание к психологическим наукам. Но поскольку язык возможен лишь в обществе, поскольку психическое развитие человека происходит только в общении с другими людьми, то он признавал и социальную сторону языка. Отсюда вытекают его отдельные высказывания

о том, что "индивидуальное является одновременно и общим, общечеловеческим" (9, 207), что индивидуальный язык является частицей целого и под. Этим также объясняется его интерес к социальной и территориальной дифференциации языка, а также к проблеме смешения языков.

Однако в целом, как справедливо отметили В.Дорошевичский, "отношение индивида к обществу - Ахиллесова пята Бодуановского учения о языке и его философского мировоззрения" (28, 28). Именно этим объясняется, что Бодуэн де Куртене в теоретическом плане не смог найти последовательного решения проблемы соотношения психологического и социального, единичного и общего, пришел к метафизическому противопоставлению индивидуального и общенародного языка.

В последней четверти XIX века возникает московская лингвистическая школа во главе с Ф.Ф.Фортунатовым. Она отличается от казанской школы по ряду важных моментов. Во-первых, если Бодуэн де Куртене выступал против безысключительного действия звуковых законов, то Фортунатов, как и младограмматика, считал, что "фонетический закон не может иметь действительных исключений, и казуальные исключения представляют собой или действие другого фонетического закона, или нефонетическое изменение звуковой стороны слов, или заимствование из другого языка или из другого наречия того же языка" (76, 203). Во-вторых, если Бодуэн де Куртене подчеркивал возможность двух точек зрения на язык - статической и динамической, то Фортунатов отстаивал исторический подход к языковым фактам, исходя из того положения, что предметом языкознания является человеческий язык в его истории.

Выяснить систему общетеоретических взглядов основоположника московской школы Фортунатова довольно трудно, так как в четкой и ясной форме она нигде не изложена. По сути дела мы даже не находим у него точного определения сущности языка. Лишь в работе "О преподавании грамматики русского языка в средней школе" он говорит, что не согласен с определением языка как средства выражения мысли, так как

здесь подчеркивается только внешнее проявление связи, существующей между языком и мышлением. Ближе к истине, по его мнению, стоит определение языка как средства выражения мысли и орудия мышления. Но значение языка для мышления и здесь разъяснено неточно, так как "легко вносится представление о языке как о постороннем для самой мысли, хотя и полезном для нее орудии, между тем как в действительности явления языка по известной стороне сами принадлежат к явлениям мысли. Язык в процессе нашей устной речи, когда мы говорим, выражая наши мысли, существует потому, что он существует в нашем мышлении; слова в нашей речи непосредственно выражают, обнаруживают такие мысли, в состав которых входят представления тех же слов как знаков для мышления, т.е. как знаков или того, о чем мы думаем, или того, что образуется в процессе мышления о тех или других предметах мысли" (77, 435).

Процесс мышления Фортунатов с точки зрения ассоциативной психологии рассматривал, как образование чувства соотношения между представлениями как частями одной цельной мысли. Понятие он отождествлял с представлением и определял, как связанную по ассоциации совокупность признаков, а суждение — как ассоциацию представлений. Главная ошибка такой концепции заключается в том, что содержание мысли сводится к чувственным элементам ощущений, протекающим по ассоциативным законам (законы ассоциаций по сходству и по смежности). Но "первое существеннейшее отличие мыслительного процесса от процесса ассоциативного заключается в том, что течение мыслительного процесса регулируется более или менее адекватно отраженными в сознании связями своего предметного содержания, ассоциативный же процесс определяется оплошью и рядом неосознанными внешними для его предметного содержания связями по смежности в пространстве и во времени между полученными данным субъектом более или менее случайными субъективными впечатлениями. У каждого субъекта они устанавливаются в зависимости от того, в ка-

них соединениях данные впечатления были им восприняты, независимо от того; насколько существенны эти связи для самих предметов.

В ассоциативном процессе связи и отношения, объективно определяющие течение процесса, не осознаются самим субъектом как связи его предметного содержания. Поэтому содержание процесса субъективно в познавательном отношении, и вместе с тем его течение автоматически, независимо от субъекта; субъект не регулирует его течения. При ассоциативном процессе протекает ряд субъективных представлений, независимых от субъекта; ассоциативный процесс не подчинен сознательному регулированию: он поэтому явлен целенаправленно-отк. Каждое представление может по ассоциации вызвать любое из представлений, с которыми оно при своем появлении находилось в пространственной или временной смежности, а таких представлений обычно бывает множество. Каждое из могущих быть ассоциативно вызванных представлений в свою очередь является отправной точкой разбегавшихся в разные стороны ассоциаций" (70, 287).

Следовательно, протекание ассоциативного процесса и мыслительного настолько различно, что свести второе к первому совершенно неправомерно. Отсужествление же понятия и представлений, суждения и ассоциации представлений ведет к сменению чувственной и рациональной ступени познания. Сведение мышления к образованию чувства соотношения между представлениями есть отрицание активного характера мышления.

Но Фортунатов постоянно подчеркивал связь истории языка с историей народа. Он говорит, что каждый язык принадлежит известному обществу. Поэтому изменения, происходящие в составе общества, сопровождаются и в языке соответствующими изменениями: дроблению общества соответствует дробление языка на отдельные говоры. И если исчезает всякая связь между разбеднившимися частями общества, то наречия одного и того же языка, продолжая развиваться, превращаются в

самостоятельные языки. Но новые общества могут образоваться также из соединения отдельных союзов, которые до этого существовали независимо. Если их языки имели в прошлом общую историю, то они могут снова соединиться и вести общую жизнь. Но если наречия, соединившиеся между собой, хотя и близки, но принадлежат неравным частям общества, то одно из них может быть вытеснено другим. Такой же процесс происходит при соединении обществ с неродственными языками. Так Фортунатов одним из первых в русском языкознании формулирует все основные процессы развития языков: дифференциацию, объединение и полную гибель одного из языков.

II

Научная деятельность Кудрявского развивалась в сложный период борьбы различных течений как в русском, так и зарубежном языкознании. По своим общелингвистическим взглядам он не примыкал ни к московской, ни к казанской школе, занимая самостоятельное место в теоретическом языкознании. Однако некоторые идеи Кудрявского в ряде случаев перекликаются с соответствующими высказываниями А.Мейе и Габеленца.

Рассматривая сущность языка, Кудрявский в качестве предварительного признает определение языка, данное немецким лингвистом Г.Габеленцем: "Человеческий язык есть членораздельное выражение мысли при помощи звуков" (48, 14). Слова "выражение мысли" здесь понимаются в самом широком смысле, включая выражение впечатлений, душевных движений и т.д. Членораздельность выражения мысли Кудрявский видит в том, что в человеческой речи мысль всегда разлагается на части, которые поставлены в известные отношения друг к другу. Такого анализа не наблюдается у животных, хотя у них и существуют различные звуки для выражения

разных впечатлений. Членораздельное выражение мысли является специфической особенностью человеческого языка. При этом Кудрявский возражает против мнения Буслаева, считавшего отличительным признаком человеческого языка членораздельность звуков. "Звуки человеческой речи, — писал Буслаев, — отличаются от крика животных, от пения птиц и вообще от всякого звука в окружающей природе, особым свойством, известным под именем членораздельности. Звуки, составляющие язык, называются членораздельными потому, что могут разделяться на члены или мельчайшие части, известные под именем звуков гласных и согласных. Так, напр., в слове "гром" собственно слышится один звук, произнесенный мгновенно; однако этот один звук можем разделить на его простейшие, уже неделимые составные части, т.е. членораздельные звуки: г, р, о, м" (19, 38). По мнению Кудрявского, звуки животных тоже нельзя считать совершенно нечленораздельными, так как мы можем выделять в них гласные и согласные, хотя и не всегда достаточно отчетливо. Другое дело, что ни у одного животного звуки не достигают такой степени членораздельности и такого разнообразия, как у человека. Поэтому Кудрявский предпочитает говорить о членораздельном выражении мысли, а не о членораздельности звуков.

Слова "при помощи звуков" направлены против Вундта, стремившегося звуковой язык подменить "языком жестов". Теория "языка жестов" восходит к античности. Уже Платон считал жест одним из наиболее удобных способов сообщения мыслей. Затем "язык жестов" был приписан первобытному человеку как исходное средство общения и стал пропагандироваться многими западноевропейскими социологами и этнографами (Тейлор, Спенсер, Леви-Брюль и др.). Но особенно большое место он занял в концепции Вундта.

Вундт с точки зрения "народной психологии", куда он включал миф, язык и обычай, относил язык к числу "выразительных движений", под которыми понимал "физические явления, сопровождающие аффекты". Язык, по его мнению, состоит из звуковых обозначений или чувственно обозначаемых

знаков, которые производятся действиями мускулов и выражают внутренние состояния, представления, чувства, аффекты. Такое беспредельно широкое понимание языка привело Вундта к тому, что он и "язык жестов" признает настоящим языком, поскольку тот ничем не отличается от других "выразительных движений". Далее, "язык жестов" он называет даже всеобщим языком, для которого характерно наглядное выражение и который сохранил свой первобытный характер. Отсюда Вундт предполагает, что "язык жестов" как средство общения предшествовал звуковому языку.

Кудрявский резко критикует вундтовское понимание сущности языка, так как оно совершенно не учитывает таких его специфических особенностей, как с о о б щ е н и е м ы с л е й и з в у к о в а я ф о р м а . Он отрицает "язык жестов", как язык, вследствие его ограниченности, неопределенности и неспособности точно передавать мысль. Поэтому Кудрявский считает, что "только в звуках находит человеческая мысль наиболее совершенное выражение, а потому только звуковой язык мы будем называть языком в собственном смысле этого слова" (48, 18).

Вундт смотрит на язык, как на проявление "выразительных движений", которое происходит не из стремления сообщить свои мысли другим, а из потребности выразить свои чувства в движении. Но эта аргументация Вундта, говорит Кудрявский, особенно слаба, так как языковеды обыкновенно понимали, что язык может выражать и чувства, но указывали на главное — сообщение мыслей. "Вундт как будто не замечает самого главного, на что обращают внимание те, которые говорят о сообщении мыслей, как о признаке языка. Именно, здесь подчеркивается "с о о б щ е н и е м ы с л е й", т.е. общественный характер языка. Понятно после этого, как неудачно указание на "размышление в одиночестве", облекающееся обыкновенно в форму речи даже в тех случаях, когда никто не может человека утешать. Неужели желудок перестает быть органом пищеварения, когда он голодает?" (45, 24-25).

Поэтому, пишет далее Кудрявский, "имеем ли мы право распространять понятие языка также на жесты и на другие "выразительные движения"? Не будет ли такое распространение понятия граничить с простым метафорическим выражением, со смелой аналогией? И наконец, практично ли вместо установления ясного, научного понятия языка настолько расширять его, чтобы не было никакой возможности провести границу между выразительным движением (напр. вилянием хвоста у собаки) и человеческим языком? На последний вопрос, мне кажется, не может быть другого ответа, кроме отрицательного" (45, 25-26).

Признание "языка жестов" приводит также к отрыву языка от мышления, так как "язык жестов", как и междометие, не имеет истории и не способен изменяться, приспособляясь к развитию мысли: он не может быть поэтому орудием мысли; короче, он не может быть "настоящим языком" (45, 32).

Сам Кудрявский всегда рассматривал язык как средство выражения наших мыслей и средство общения людей между собою (см. 48, 7).

С этой точки зрения он разбирает деление языков на мертвые и живые, считая мертвыми те языки, которые перестали быть средством общения людей, а живыми те, которые выполняют эту функцию. Но естественно, что в живых языках также есть отмирающие элементы. Например, в языке Пушкина имеются многие слова и обороты, которые сейчас неупотребительны. Значит, живое и мертвое в языке представляет собой нечто непрерывное, так как взамен отмирающих постоянно возникают новые элементы. В этом заключается жизнь языка, его постоянная деятельность. Поэтому Кудрявский находит в языке две его характерные особенности: "1) язык - явление деятельное, он - процесс смены отмирающих элементов вновь образующимися; 2) вторая способность - это общественный характер языка: он существует в устах многих, а не в устах одного и, если он остается в устах одного, то скоро замирает" (47, II).

Признавая язык всеобщим орудием мысли, Кудрявский постоянно подчеркивает его тесную связь с мышлением. Мысль, по его мнению, только тогда приобретает ясность и определенность, когда она выражена словом. Язык помогает формировать мысль, способствует ее дальнейшему развитию. Поэтому он играет колоссальную роль в развитии человечества. Мышление может быть выражено только в форме языка. "Если нам кажется иногда, что мы думаем без слов, то это не совсем справедливо: отсутствует в таком случае только самый звук, но наши органы речи обыкновенно проделывают при этом, только гораздо быстрее, все то, что требуется для произнесения соответствующих слов. Таким образом не подлежит сомнению, что мысль всегда сопровождается словом, всегда опирается на него" (48, 22).

Дальше связь языка и мышления Кудрявский рассматривает на соотношении логических и грамматических категорий.

Прежде всего он подвергает критике логическое направление, которое хотело логикой объяснить языковые явления. Кудрявский говорит, что это ошибочное представление под-держивала тесная связь языка с мышлением. Поэтому рассуждали так: логика есть наука о мышлении, а мысль выражается языком, следовательно, в языке должны отражаться законы логики. Более того, поскольку нельзя представить мысль без слова и слово без мысли, то отсюда делался вывод о полном совпадении языка с мышлением, что, в свою очередь, приводило к отождествлению законов языка с законами логики. Ошибочность такого взгляда Кудрявский показывает, анализируя соотношение логики и грамматики, логических и грамматических категорий.

Логика рассматривает законы нашего мышления. Ее не интересует, откуда и как возникла мысль, не интересует и содержание мысли. Она берет мысль готовой и рассматривает только ее форму, разбирает, какие условия должны быть соблюдены, чтобы в мысли не было внутренних противоречий. Поэтому-то законы логики одинаково применимы ко всем об-

ластям знания. Язык тоже есть форма нашей мысли. Но он не совпадает с логической формой. Язык звуками выражает наши мысли, а логика рассматривает форму мысли независимо от ее звукового выражения, хотя наши мысли и всегда облекаются в звуковую форму. Если в предложениях "Трава зеленеет" и "Трава имеет зеленый цвет" для логики нет разницы, она находит здесь одно суждение, то языкознание не может отождествлять эти два вида предложения. О несовпадении языка с мышлением свидетельствует и тот факт, что одну и ту же мысль мы можем выразить на разных языках. Все это говорит о том, что язык и мышление тесно связаны между собой, но не тождественны друг другу.

Отсутствие этого тождества Кудрявский показывает и на соотношении слова и понятия, предложения и суждения. Слово и понятие не совпадают потому, что одно и то же слово в разные времена может обозначать различные понятия. С этой стороны слово является как бы знаком понятия, символом, которым мысль пользуется для облегчения своей работы. Если бы понятие совпадало со словом, говорит Кудрявский, то каждому понятию в языке соответствовало бы только одно слово, что делало бы невозможным существование синонимов. Кроме того, в языке мы имеем отрицательные слова, которые выражают положительные понятия, и наоборот. Например, неплохой — хороший, глухой — не имеющий слуха.

Еще больше нетождественность между логическими и грамматическими категориями видна при сопоставлении суждения и предложения. Например, одно и то же суждение может быть выражено несколькими предложениями (Ср. Дождь бывает при западном ветре. Дождь бывает тогда, когда дует западный ветер). Далее, в грамматике есть целый ряд видов предложений, у которых нет соответствующих видов суждений (предложения повествовательные, вопросительные, повелительные и т.д.). Особенно сложен вопрос, по мнению Кудрявского, с односоставными предложениями, так как логика не знает одночленных суждений. Поэтому если признать их суждениями, то нужно разложить их на субъект и предикат. Но эти

предложения как раз отличаются своей неразложимостью, тем, что подлежащее не отделено от сказуемого, действие не отделено от носителя и от причин, его вызывающих. Не совпадает и число членов суждения с числом членов предложения. Логика различает в суждении только субъект и предикат, а грамматика в предложении — подлежащее, сказуемое, определение, дополнение, обстоятельство. Последним трем категориям логика не имеет соответствий. Поэтому выражения "стол" и "круглый стол" логика рассматривает как один член суждения, а грамматика во втором случае различает два члена предложения. Даже грамматическое подлежащее и сказуемое не всегда совпадают с логическим субъектом и предикатом.

Такое различие, говорит Кудрявский, между логическими и грамматическими категориями сказывается во всех отношениях. "Чем подробнее мы рассматриваем логику и грамматику, тем большее несоответствие находим между ними, а отсюда следует, что логика совсем непригодна для объяснения грамматики. Если возьмем такое предложение, где, по-видимому, полная аналогия с логической точкой зрения и с грамматической, напр., "солнце светит", то "солнце" логическое подлежащее и грамматическое; "светит" логическое сказуемое и грамматическое, то и здесь мы не можем сказать, что логика объясняет грамматику, потому что эти суждения не совпадают между собою: для логики безразлично: выражено ли это суждение русским языком или латинским, а для грамматики это существенная перемена" (47, 10).

Отсутствие тождества между логическими и грамматическими категориями Кудрявский исторически объяснял двумя причинами. С одной стороны, часть логических категорий уже выделилась в особую систему из грамматических, а, с другой, логические категории могли быть вовлечены в строй предложения и переработаны там в грамматические. Кудрявский предполагает, что таким путем логические субъект и предикат превратились внутри предложения в подлежащее и сказуемое. Но возникнув таким путем, эти категории в том и другом случае начинают коренным образом отличаться от своих пре-

тетипов. "Если таким образом грамматическое подлежащее и сказуемое, — писал он, — даже совпадая во многих случаях с логическим субъектом и предикатом, по существу отличны от них, то ясно, что изучение природы этих категорий несколько не может уяснить нам природы грамматических категорий подлежащего и сказуемого. Несмотря на свой логический источник (в указанном выше смысле), грамматические категории эти должны быть объяснены из строя предложения" (45, 69). Вообще логика, по мнению Кудрявского, не может объяснить природу языка; она почти не имеет с грамматикой никаких точек соприкосновения. Логика для всех людей только одна, а языков — множество, и каждый из них имеет свою грамматику. Если бы логика могла объяснить языковые явления, то такой язык мог быть только один.

Но из этого нельзя делать вывод, что Кудрявский совершенно отрицал связь логических и грамматических категорий. В работе "Психология и языкознание" он писал: "Логические категории могут вовлекаться и действительно вовлекаются в строй нашей речи не только наравне с другими, но даже преимущественно перед другими категориями. Причина этого заключается в том, что логические категории — это категории нашего мышления, постоянно облекающиеся в форму речи. Было бы удивительно, если бы между строем речи и логическими формами мышления не существовало самых живых ассоциаций" (45, 70-71).

Следовательно, Кудрявский, признавая связь логических и грамматических категорий, основной упор делает на их различия, протестует против их отождествления, так как основную ошибку сторонников логического направления видел в том, что они, изучая не явления языка, а законы логики, подменили объект исследования. Отсюда вытекает одно из основных методологических требований Кудрявского: "Чтобы объяснить какое бы то ни было явление, мы должны его исследовать, должны в нем самом искать

указаний на причины, его вызывающие и обуславливающие (разрядка моя. - С.С.). Если мы вместо такого пути исследования предположим для данного явления какую-либо причину, которая покажется нам наиболее вероятной, и из нее станем это явление объяснять, то мы почти наверное впадем в ошибку. Только случайно наше объяснение может оказаться правильным. В исследовании явлений мы всегда должны от известного заключать к неизвестному, а не наоборот. Точно так же мы должны исследовать и явления языка. Современное языкознание обязано своими успехами именно тому, что оно строго держалось этого принципа. Только внимательное изучение явлений языка дало возможность вскрыть те силы, которые действуют во всяком языке, создают его и поддерживают его существование" (48, 26).

III

Проблема происхождения языка не занимала в истории до-революционного русского языкознания видного места. Некоторые лингвисты даже не ставили эту проблему. Так, М.В.Ломоносов и А.Х.Востоков внесли существенный вклад в развитие русского и сравнительно-исторического языкознания, но вопрос о происхождении языка не получил никакого освещения в их трудах. Другие (например, Н.И.Греч, Ф.И.Буслаев) видели в языке дар бога. Среди отечественных ученых XIX века только в работах А.А.Потебни эта проблема нашла свое наиболее подробное освещение.

Потебня выступает прежде всего против теорий намеренного изобретения и божественного создания языка. Опираясь на высказывание Ломоносова о том, что без языка люди были едва ли не хуже диких зверей, Потебня говорит, что "чело-

век в таком состоянии, когда он хуже зверя, не может быть изобретателем языка, который ставит его выше прочих животных" (68, 3). Это в полной мере относится также к теории звукоподражания и теории договора, поскольку обе они предполагают существование уже развитого мышления без языка.

Теория божественного создания языка, по Потебне, приводит только к тому, что уничтожает себя или уничтожает возможность исследования языка вообще. Если бог был учителем людей, то они уже должны были понимать его язык. А это говорит о знании человеком языка и о возможности создать его своими силами. Если бог вложил язык в природу человека, то это должно доказывать превосходство первоизданного языка над позднейшими. Но факты говорят обратное.

Критикуя Беккера за понимание языка как организма, Потебня отвергает и его теорию происхождения языка, поскольку Беккер сводит ее к объяснению того, как человек пришел к совершению этого отправления, подобно другим органическим отправлениям. В таком понимании происхождения языка Потебня видит две ошибки. Во-первых, если при дыхании органы и воздух принадлежат к области физических явлений и действуют по определенным законам, то между органами слова и мысли нет ничего общего: мысль не проходит в органы речи и не изменяется там по физическим или химическим законам, как воздух в легких. Во-вторых, воздух существует до дыхания, пища — до пищеварения, но мысль до слова существовать не может. Поэтому, говорит Потебня, словом "организм" Беккер только прикрывает избыток положений прошлого века.

Основной недостаток всех этих теорий Потебня видит в непонимании прогресса языка, потому что они рассматривают язык как уже готовую вещь и поэтому не могут объяснить его происхождение.

Значение Гумбольдта, по его мнению, как раз и заключается в том, что он берет язык не как нечто готовое, а как деятельность, т.е. как постоянно изменяющееся и раз-

визающееся явление. Но непонимание соотношения единичного и всеобщего (антиномии неделимого и народа) и признание непознаваемости возникновения языка привело Гумбольдта к тому, что он также признал язык божественным созданием. Значит, "сам Гумбольдт не мог оторваться от метафизической точки зрения, но он именно положил основание перенесению вопроса на психологическую почву своими определениями языка, как деятельности, работы духа, как органа мысли" (68, 46).

На психологической основе строит свою теорию происхождения языка и Потебня. По его мнению, источник звукового материала человеческого языка восходит к звукам животных. Но между языком человека и звуками животных необходимо видеть принципиальное различие, которое определяется разницей между душевными процессами у человека и животных. Отличительная черта животного организма — рефлексия. "Рефлексия, т.е. преломление силы, действующей извне внутри организма, можно принять за первоначальный источник движения в организме, и самое движение — за средство уравнивать и делать безвредными потрясения, полученные телом" (68, 80). Первоначальная рефлексия носит чисто физиологический характер. На более высокой ступени возникает психическая, или душевная рефлексия. Действия, вызывающие звуки, могут быть как чисто физиологические, так и психологические. Последние свойственны уже животным. "Звуки животных необъяснимы одними только физиологическими законами; они связаны с восприятиями и сопровождающими их чувствами, ассоциациями восприятий, ожиданием подобных случаев" (68, 95). Но звуки животных не имеют значения и не служат средством производить понимание в других. Собака, например, не понимает слов, а только побуждается звуком к известным действиям.

Следовательно, ассоциация чувственного образа со звуком существует до языка. Но слово, по мнению Потебни, не может быть выведено из подобной ассоциации. Появление слова есть рождение внутренней формы, которая изменяет звук

и чувственный образ. Звук же перестает быть рефлексией чувства, приобретает значение и начинает пониматься. Мысль при создании слова также перестает быть собственностью самого говорящего и получает возможность самостоятельной жизни по отношению к создателю.

На основании анализа слов и междометий Потебня приходит к выводу, что в раннюю пору язык человека, как и животных, состоял из рефлексии чувства в звуках. Эти рефлексии чувства в звуках он называет междометиями. Впоследствии, по его мнению, междометия распадаются на две группы: одни навсегда остаются междометиями, другие теряют междометный характер и превращаются в слова. Какие условия необходимы для этого? Во-первых, должна уменьшиться напряженность чувства. Во-вторых, с уменьшением необходимости отразить чувства в звуке увеличивается связь звука и представления. Звук, издаваемый человеком, воспринимается им самим, и образ звука, следуя за образом предмета, ассоциируется с ним. При новом восприятии предмета повторится и образ звука, а вслед за ним появится и сам звук, который, закрепляясь за данным предметом, становится словом. Значительную роль в этом превращении играют органы чувств и мышление, которое у человека стоит на более высокой ступени развития, чем у животных. "В этом совершенстве восприятия, — пишет Потебня, — заметном уже в ребенке, должна заключаться одна из причин того, что человек есть единственное на земле говорящее существо" (68, 78).

Первичное слово, по Потебне, равняется целому предложению и "не имеет еще для мысли значения качества и может быть только указанием на чувственный образ, в котором нет ни действия, ни качества, ни предмета, взятых отдельно, но все это в нераздельном единстве" (68, 148). Только с разложением чувственного образа, которое предполагает другие, более простые явления, начинается образование глагола, имени и других частей речи.

Главным недостатком теории Потебни, из которого вытекают все другие, является то, что возникновение языка не рассматривается в тесной связи со становлением самого человека, что Потебня не исходит из понимания языка как общественного явления. Поэтому основной упор он делает на психологический фактор, которым и стремится объяснить возникновение языка.

С исторической точки зрения представляют интерес также взгляды Бодуэна де Куртене на происхождение языка. Правда, он писал, что "размышления и более или менее остроумные предположения относительно начала языка, или человеческой речи, не относятся, собственно, к науке в точном значении этого слова" (14, 299). Однако не смог обойти этот вопрос молчанием и в некоторых работах пытается его рассмотреть.

Все теории происхождения языка Бодуэн де Куртене делит на три группы: а) теория божественного создания языка, б) теория общественного договора, в) эволюционная теория.

Первые два воззрения, говорит он, уже оставлены серьезной наукой, так как первое из них обязано своим происхождением народным легендам, а представители второго "принимали уже готовое человеческое общество (например, общество XVIII столетия), представляли себе как бы членов парламента, собравшихся для совещания о самом целесообразном устройстве совместной общественной жизни, и, не владея еще языком, рассуждавших, между прочим, о создании языка" (12, 85). Только третья теория является наиболее научной, поскольку она связана с биологическими и антропологическими гипотезами. Например, значительную роль в возникновении языка Бодуэн де Куртене отводил выпрямлению человеческого тела, так как оно освободило грудную клетку и расширило горизонт наблюдений человека, что способствовало совершенствованию перцепционного и языко-моторного аппарата человеческого организма. "Люди могли начать говорить только тогда, когда, перестав ходить на четвереньках, они начали держаться на

двух ногах; с поднятой вверх головой, с выпрямленной шеей, с кольцами гортани и дыхательного горла, лежащими один над другим, а не расположенными один возле другого. Насколько стояние на двух ногах помогло механизму речи, лучше всего доказывают птицы, которые могут научиться подражать человеческой речи, в то время как для более развитых четвероногих это совершенно недоступно" (9, 211).

В состав первоначального языка Бодуэн де Куртене включал следующие элементы:

- а) Междометия, т.е. крики, выпускаемые под влиянием чувств.
- б) Звукоподражательные слова, возникшие под влиянием звуков природы.
- в) Неакустические впечатления, слившиеся с соответствующими акустическими впечатлениями.
- г) Слова, возникшие из случайного совпадения впечатлений от тех или иных явлений с возгласами, которые человек издавал при виде этих явлений.
- д) Слова, возникшие из случайных ассоциаций при взаимном общении людей. Какой-либо человек, желая обратить внимание других на какое-то явление, мог произнести ряд звуков, и при определенных условиях эти звуки становились названием этого явления.

Следовательно, ограничив происхождение языка сферой индивидуальной психики, Бодуэн де Куртене свел всю проблему к выработке языковых понятий у индивидуумов, возводя одну часть элементов языка к рефлексивным выкрикам, другую часть — к случайным ассоциациям между представлением и звуком. Значительную роль, по его мнению, первоначально играли также жесты. Но с развитием человечества "для сохранения труда организма" жесты все больше вытеснялись звуковой речью в силу больших преимуществ последней.

Фортуатов в своих трудах подчеркивал важность проблемы происхождения языка. Каждый, кто хочет понять, что такое язык, писал он, не может обойти этот вопрос. Но ответ

нужно искать не в том, произошли ли все языки от одного или нескольких. "Вопрос о происхождении языка, как вопрос не праздный, а научный, есть вопрос о том, как произошел человеческий язык, какие условия создали его, причем остается безразличным, имеют ли все человеческие языки одно историческое начало или нет" (76, 61). Решение этого вопроса Фортунатов считал возможным при изучении физических и духовных явлений, составляющих язык. Однако дальше этих общих рассуждений он не пошел.

В начале XX века в связи с бурным развитием русского языкознания и появлением ряда учебников по языкознанию проблема происхождения языка начинает все более привлекать внимание ученых. Но решение ее вряд ли можно признать удовлетворительным. В.Поржезинский посвятил этой проблеме всего немногим более трех страниц. Кратко разобрав некоторые предшествовавшие теории, он присоединился к концепции Вундта, считая ее наиболее продуманной и цельной (67, 176-179). В.А. Богородицкий прикинул в проблеме происхождения языка к взглядам И.А.Бодуэна де Куртене и дал их краткое изложение (8, 99-100).

IV

Наиболее полно в русском языкознании вопрос о происхождении языка освещен в трудах Кудрявского. Он рассматривает эту проблему во "Введении в языкознание", статье "О происхождении языка" ("Русская мысль", 1912, № 7), рецензии на сочинение Э.Ренана "Происхождение языка" ("Мир божий", 1903, март) и книге "Как жили люди в старину".

Кудрявский считал проблему происхождения языка одной из главных лингвистических проблем. Все вопросы общего языкознания, по его мнению, "сходятся, как к центру, к

вопросу о происхождении языка" (45, 77). Поэтому ни один лингвист не может его обойти. Каждая эпоха, каждое поколение по-своему ставит и решает этот вопрос. Сам Кудрявский не только пытается поставить и разрешить эту проблему, но и критически пересматривает многие предыдущие точки зрения.

В самой глубокой древности, говорит он, вопрос о происхождении языка решался в форме, какой язык древнее всех. В частности, примером такого решения может служить опыт египетского фараона Псамметиха, описанный древнегреческим историком Геродотом. Псамметих взял двух новорожденных и приказал воспитывать их так, чтобы они не слышали человеческого языка. Через несколько лет, когда к ним пришли, оказалось, что первым словом, которое они произнесли, было "бекос". По-фригийски оно обозначало "хлеб". Отсюда сделали вывод, что самым древним языком был фригийский. В этом предании еще по сути дела нет вопроса о происхождении языка, решается лишь та проблема, какой из многочисленных языков появился первым, а претендовать на первенство мог с одинаковым правом любой язык.

Греческая философия пытается решить вопрос, как возникло соединение звука (слова) со значением, т.е. дана ли эта связь от природы или установлена соглашением. Но дальше этих споров с решением в ту или иную сторону греческие философы не пошли.

В средние века вопрос о происхождении языка решался по библии. Поэтому первым языком человечества безоговорочно признавался древнееврейский. Это приводило, говорит Кудрявский, к анекдотическим случаям. Например, при встрече с туземцами во время открытия Америки европейцы пытались говорить по-древнееврейски и по-арабски, думая, что все языки представляют ту или иную степень испорченности древнееврейского языка.

Теории XVIII-XIX веков Кудрявский делит на две группы: звукоподражания и междометий.

Теория звукоподражания старается объяснить происхождение языка из подражания звукам природы, т.е. желая обозначить какой-либо предмет, человек воспроизводит тот звук, который издает данный предмет. Теория звукоподражания имела самых многочисленных последователей, так как происхождение звукоподражательных слов легче всего поддается объяснению. Но было ясно, что для объяснения возникновения языка нужно, чтобы все предметы издавали звуки. Однако в быту и природе мы встречаем множество предметов, которые не издают никаких звуков, но имеют для человека первостепенное значение, например, одежда, жилища, орудия труда и т.д. Поэтому были созданы теории, которые расширяли звукоподражание на такие случаи, когда предмет не издавал звуков, или суживали число первобытных слов, из которых потом могли развиться все другие слова. Но неувязка заключается еще и в том, что подражание звукам предполагает уже довольно развитую способность произношения, которой, разумеется, не могло быть у первобытного человека. Поэтому, говорит Кудрявский, не лучше ли предположить, что эти слова вторичного, более позднего происхождения и относятся к той эпохе, когда человек уже умел довольно отчетливо произносить звуки.

Теория междометий исходит из того, что человек под влиянием впечатления при виде того или иного предмета издавал звуки, которые потом становились словами. Но, по мнению Кудрявского, чтобы объяснить происхождение языка, эта теория должна была рассмотреть переход от междометия к слову во всех подробностях. Однако она этого не сделала, ограничившись указанием на то, как какой-нибудь крик ужаса мог служить знаком опасности. Но это еще не язык. В целом теория междометий не разрешила главных трудностей, а указала лишь на один из источников, откуда во время образования языка могли возникнуть слова.

После изложения сущности этих теорий Кудрявский доказывает, что все они не смогли правильно ни поставить, ни разрешить вопрос о происхождении языка, а лишь в лучшем случае объясняли возникновение небольшого числа слов. Их ос-

новой недостаток заключается в том, что объяснением связи между звуком и значением они хотели объяснить происхождение языка. Все эти теории исходят из того, что эта связь должна существовать. Псамметих стремился узнать первоначальную форму связи, древние греки думали, что она дана от природы или по соглашению; теория звукоподражания считает, что эта связь возникает из звукоподражания, теория междометий — из выкриков, издававшихся под впечатлением того или иного предмета. Кудрявский правильно исходит из того положения, что между звуковым комплексом и значением нет данной от природы связи, даже вообще нет никакой постоянной связи. Он доказывает это на следующих фактах. Во-первых, сами звукоподражательные слова так разнообразны в различных языках, что даже у них нет этой постоянной связи между звуком и значением (ср. свистеть, фр. *siffler*, нем. *pfeifen*). Произвольность связи между звуком и значением, по мнению Кудрявского, является характерным признаком человеческого языка. Там, где эта связь произвольна (например, в криках животных), там нет и языка. Во-вторых, на земном шаре существует очень большое количество языков. Это свидетельствует о том, что одно и то же значение может быть выражено различными способами. Значит, никак нельзя говорить о необходимой связи между звуком и значением. Возражение о том, что разнообразие языков есть факт гораздо более поздний, пока не выдерживает критики. Если науке и удастся все языки свести к нескольким первоначальным, то и тогда мы будем иметь несколько различных языков, которые вряд ли удастся свести к одному.

Кудрявский отмечает, что создание сравнительно-исторического метода изменило отношение к вопросу о происхождении языка. Сравнительное языкознание дало возможность восстановить некоторые доисторические факты и определить в какой-то мере пути развития многих языков. Поэтому представлялось возможным решить проблему происхождения языка не умозрительно, а индуктивным путем. В связи с этим центр

тяжести был перенесен на изучение структуры и истории существующих языков, в результате чего проблема происхождения языка была отнесена на задний план. Работы по этому вопросу стали появляться все реже и реже, и к концу XIX века почти ничего не публиковалось.

Переходное отношение к вопросу о происхождении языка характерно для французского лингвиста Э.Ренана, который стремился согласовать предшествующие теории с данными сравнительно-исторического языкознания. Ренан стоял на эволюционной точке зрения. Он считал, что нужно изучать развитие духовной жизни человечества, для первоначального этапа которой примером могут служить дитя и дикарь. Кроме этого, полезный материал могут дать и современные языки, так как некоторые из них больше сохранили законы, действовавшие в пору рождения языка. По сравнению с предшествующими исследователями языка, рассматривавшими его как особенность человеческого разума, вместо поисков тех первоначальных элементов, из которых должен был состоять первобытный язык, Ренан выдвигает принцип изучения закономерности явлений, общих законов, по которым развивается язык и которые обусловили его возникновение. Дальше этого он не идет. Причину такого подхода к вопросу о происхождении языка Кудрявский видит в эволюционной точке зрения, на которой стоит французский ученый. Ренан понимал, что данных языкознания еще недостаточно для установления последовательных стадий развития языка и что при переходе от одной стадии к другой должно появляться нечто новое. Но эволюционная теория не давала ответа на вопрос, откуда может взяться новое, если его раньше не было. Поэтому и в первобытных стадиях языка Ренан стремится найти все то, что появляется в языках позднее. Свою мысль он доказывает сравнением с зерном, в котором, по его мнению, в потенции заключено уже целое растение. Отсюда, по существу, проблемы происхождения языка для Ренана не существует: язык возник вместе с человеком, и человек без языка немыслим, ибо он говорит словами так же,

как видит и слышит, т.е. инстинктивно или в силу самого устройства органов. Кроме того, такой взгляд, говорит Кудрявский, прямо уничтожает эволюционную теорию. Если в самой первобытной стадии предполагается то, что нужно было вывести эволюционным путем, то эта теория превращается в простой фокус.

Отсюда вывод: отношение Ренана к вопросу о происхождении языка не может быть признано правильным, ибо "то затруднение, которое, по-видимому, заставляет Ренана предполагать возникновение языка сразу, вместе с человеком, в сущности не существует. Говорить о возникновении чего-то нового не значит еще предполагать создание этого нового из ничего" (41, 83).

Неприемлемы для Кудрявского также теории происхождения языка М.Мюллера и Г.Штейнтала.

Мюллер в первый период своей деятельности выступал ярким противником эволюционной теории, резко критиковал теорию звукоподражания и междометий. "Ономатопейческая теория, — писал он, — развивается очень свободно и смело до тех пор, пока идет дело с кудактаньем кур и кваканьем лягушек; но этот куринный двор окружен непроходимой стеной, за которой только и начинается действительный язык" (58, 91). Сам Мюллер считал, что все слова без исключения произведены из общих понятий, хотя и выражают частные представления.

Позднее под влиянием трудов Л.Нуаре он изменил свою точку зрения. Как известно, Нуаре является создателем "рабочей" или "трудовой" теории происхождения языка, согласно которой язык возникает на основе рефлексивных выкриков, сопровождавших труд первобытного человека. Эти выкрики, сначала произвольные, постепенно превратились в символы трудовых процессов и стали первичными словами.

Кудрявский следующим образом излагает новые взгляды Мюллера: маленькая группа людей, все работают, один из них — царь — надсматривает и произносит первое предложение: работать, есть. Такое решение вопроса Кудрявский считает сплошным вымыслом. Во-первых, у Мюллера мы видим го-

товую организацию людей, которая без языка невозможна. Во-вторых, "язык есть изобретение общественного характера. Многие были склонны решать этот вопрос в том смысле, что в обществе появилась гениальная личность, которой пришло на мысль утилизировать способность речи. Но такая постановка вопроса невозможна, и что если у одной части общества, более одаренной способностями, возникла бы мысль применить звуки, то другая часть, менее одаренная, не могла бы понимать первую. Мы должны предположить, что язык есть изобретение целого общества, изобретение таких же людей, как и все другие, и в таком лишь случае он мог быть воспринят людьми. Следовательно, мы не можем говорить об изобретении языка в общем смысле слова, разумея выдающегося изобретателя" (47, II).

О взглядах Штейнтала Кудрявский говорит следующим образом: "Штейнталь рисует такую картину: часть группы сидит у огня, другая часть возвращается с охоты и начинает произносить звуки, чтобы ознакомить оставшихся дома с тем, что происходило на охоте. Здесь опять фантазия. Трудно представить, чтобы у первобытного народа зародился язык в такой салонной болтовне, а не при других обстоятельствах, напр. не во время самой охоты (разрядка моя. С.С.). Всего этого нельзя опровергнуть, но нельзя всему и поверить, так как все картины развиваются на почве субъективных впечатлений" (47, 22-23).

После этого Кудрявский переходит к постановке вопроса о происхождении языка.

Нужно отметить, что некоторые языковеды смешивали вопрос о происхождении языка вообще с вопросом о происхождении конкретных языков. Такое смешение приводило к грубым ошибкам, так как возникновение человеческой речи относится к периоду выделения человека из животного царства, а образование известных нам языков есть факт значительно более поздний. Кудрявский убедительно показывает, что вопрос о происхождении языка неравнозначен вопросу о происхождении конкретных языков. "Когда мы ставим вопрос

о происхождении языка вообще, — писал он, — мы не можем понимать под словом "язык" какую-либо звуковую форму языка. Мы не говорим в таком случае ни о русском, ни о французском, ни о немецком, ни о каком бы то ни было другом языке, следовательно, отвлекаемся от всякой звуковой формы и говорим о языке в смысле способности человека к созданию звукового языка" (48, 54). Если вопрос ставится о происхождении конкретного языка, например, французского, то нет необходимости строить ни теорию звукоподражания, ни теорию междометий. Известно, что французский язык произошел из народной латини, и можно указать все изменения, которые возникли в результате этого. Значит, "если мы спрашиваем как произошел французский язык, то под словом "язык" подразумеваем нечто более конкретное, нежели в вопросе о происхождении языка. В первом случае мы говорим об определенной звуковой форме, а во втором, не имея в виду никакой определенной формы, мы говорим о языке, как о способности человека к речи, о способности его выражать свои мысли при помощи звуков. С этой точки зрения понятнее становится нам и бесплодность прежних теорий возникновения языка и неудача попыток разрешения этого вопроса. Вопрос ставится о происхождении способности человека к речи, а ответить стараются на вопрос о звуковой форме первоначального языка" (49, II4-II5).

Следовательно, по мнению Кудрявского, решить проблему происхождения языка значит выявить те условия, в которых человек мог начать говорить. Какие же это условия?

1) Так как язык есть орудие нашей мысли, то для его возникновения необходим определенный уровень развития головного мозга, особенно тех центров, которые управляют сложным процессом речи. Это одно из самых существенных условий. Но, разумеется, возникновение языка в свою очередь благотворно влияло на дальнейшее развитие головного мозга.

2) Для возникновения речи необходима известная ступень развития органов речи. "Звуковой язык, — писал Кудрявский,

не мог бы появиться у человека, если бы он не обладал такими гибкими органами речи, и они, несомненно, тоже являются необходимым условием возникновения звукового языка" (48; 56). Но этот момент не следует преувеличивать; так как современное строение органов речи создавалось также и без влияния языка.

3) Для возникновения языка необходимо вертикальное положение человеческого тела. Оно, во-первых, освободило грудную клетку, которая у животных ската передними конечностями. Это способствовало развитию органов речи. Во-вторых, вертикальное положение создает разделение труда между передними и задними конечностями. Передние конечности освобождаются от функции передвижения и берут на себя функцию защиты. Кроме того, они, приспособляясь к хватательным движениям, расширяют опыт человека, ближе знакомят его с природой, что, в свою очередь, оказывает благотворное влияние на развитие головного мозга. Поэтому следует считать вероятным, что вертикальное положение тела сыграло огромную роль в становлении человека. Можно отметить, что сходные мысли были высказаны и Ф.Энгельсом. Ср. "Под влиянием в первую очередь, надо думать, своего образа жизни, требующего, чтобы при лазании руки выполняли иные функции, чем ноги, эти обезьяны начали отвыкать от помощи рук при ходьбе по земле и начали усваивать все более и более прямую походку. Этим был сделан решительный шаг для перехода от обезьяны к человеку" (3, 70).

Значение такого решения вопроса заключается в том, что Кудрявский одним из первых в истории языкознания связал проблему происхождения языка с проблемой становления человеческого рода. До этого возникновение языка рассматривалось, как правило, только с лингвистических или психологических позиций, вне связи с процессом труда, вне связи с биологическими и социальными особенностями первобытного человека и его предков. Притом Кудрявский, по нашему мне-

нию, близко подошел к Энгельсу, который исходил из этих же трех условий, необходимых для возникновения языка. Ср. его высказывание: "Начинавшееся вместе с развитием руки, вместе с трудом господство над природой расширяло с каждым новым шагом вперед кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась потребность что-то сказать другу другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим" (3, 72-73).

Однако здесь необходимо отметить, что Кудрявский, в отличие от Энгельса, при рассмотрении вопроса о происхождении языка не делает основной упор на момент труда, хотя и учитывает его.

Кудрявский не ограничивается выяснением общих условий, при которых человек мог начать говорить. По его мнению, человеческий язык представляет собой "высшую ступень развития тех зачатков, которые мы наблюдаем у других животных" (49, 115). Поэтому в дальнейшем изложении он стремится показать, в каком направлении шло развитие этих зачатков, показать пути перехода от звуков животных к человеческому языку. Для этого он прежде всего сравнивает язык человека со звуками животных и междометиями.

Кудрявский говорит, что не только человек, но и животные производят звуки и пользуются ими в своих целях. Но звуки животных отличаются рефлекторным характером, используются инстинктивно, без контроля разума. "Между из-

вестного рода раздражением чувств, известным впечатлением и звуком существует у животных настолько постоянная и неизменная зависимость, что всегда при тех же условиях у данного вида животных возникает один и тот же звук" (48, 29). Притом животные, в отличие от человека, не учитываются этим звукам, а обладают ими от природы.

Значит, основным отличием человеческого языка от звуков животных Кудрявский считает то, что люди пользуются словом сознательно, а животные своим криком инстинктивно. Но, с другой стороны, говорит он, животным нельзя отказать в зачатках мышления. Например, собака издает звуки не бес-сознательно, когда хочет попасть в дверь. В этом уже проявляется в какой-то мере сознательное пользование звуками. Далее, животные звуком выражают не только свои впечатления, но способны в определенной степени понимать звуки своих собратьев. Например, если для животного, издающего звук, он является непосредственным результатом ощущения, неотделим от него, то у животного, воспринимающего звук, он вызывает воспоминания тех же ощущений. Этот процесс уже требует определенного уровня развития ума. Особенно наглядно это показывает дрессировка, когда животное научается соединять определенные звуки с тем или иным действием. Разумеется, животные не понимают слов, как человек, не соединяют с ними определенных представлений и понятий, хотя и усваивают какую-то часть значения слова. Это говорит о том, что голосовая реакция животных может принимать то условную, то безусловно-рефлекторную форму в зависимости от конкретных условий окружающей среды.

Далее Кудрявский сопоставляет междометие и слово. Междометия выражают нерасчлененные впечатления и своей непонравительностью напоминают звуки животных. Значит, это сравнение, говорит он, может помочь лучше выяснить разницу между звуками животных и человеческим языком. Различие между словом и междометием Кудрявский видел в следующем:

а) Междометия намного неопределеннее по своему значению, чем слова. Эта неопределенность обусловлена тем, что они употребляются произвольно и не предназначены для сообщения своих чувств другим.

б) В слове связь между звуком и предметом условна, а в междометии чувства и впечатления непосредственно отражаются в самом характере звуков.

в) Междометие неразрывно связано с сильным душевным движением, без него оно безжизненно. Поэтому междометие не изменяется и не развивается. Слово, выражая определенное представление или понятие, меняет со временем свою форму и свое значение. В этом заключается история языка, его развитие.

г) Междометие вызывается сильным впечатлением, а в словах, наоборот, чувства ослаблены. Это является характерной особенностью человеческого языка, так как для выражения мыслей необходимо, чтобы чувства не подавляли деятельности ума. Кудрявский утверждает, что животные гораздо впечатлительнее, чем человек, и объясняется это наличием у человека центров торможения и большим знанием окружающей действительности.

После этого Кудрявский определяет основные этапы перехода от звуков животных к человеческому языку.

Поскольку звуки животных являются непосредственным отражением впечатлений внешнего мира, то для их превращения в слова необходимо было развитие мышления и ослабление впечатлительности. На первом этапе этого процесса происходило превращение нечленораздельного звукового комплекса, выражающего сильное душевное впечатление, в знак этого впечатления. Это явление, по мнению Кудрявского, наблюдается уже у некоторых животных. Например, если звук, издаваемый животным, носит рефлекторный характер, то для животного, которое воспринимает этот звук, он становится знаком, символом впечатления кричащего животного.

Далее, отличительным свойством человеческого языка является способность членораздельно выражать мысль, которой животные не могут овладеть ни при каких условиях. Эта членораздельность речи вырабатывается из нечленораздельных звуков животных. Она возникает в результате сопоставления звуковых символов, выражающих еще не выяснившиеся, смутные представления. Такое сопоставление ведет к более подробному анализу впечатлений, выяснению смысла сопоставляемых звуковых символов и создает слово с его значением.

Следовательно, язык возникает в процессе анализа представлений при помощи звуковых символов, которые постепенно превращаются в слова. Основные этапы этого процесса следующие: "1) звуки являются непосредственным отражением впечатлений внешнего мира; 2) звуки становятся символами воспринятых впечатлений и 3) сопоставление звуковых символов и соответствующих сложных представлений ведет к обобщенному анализу и вырабатывает слово с его значением" (48, 59).

Кстати, к сходным выводам приходит и советский исследователь этого вопроса А.Г.Спиркин. В своей статье "Происхождение языка и его роль в формировании мышления" он пишет: "Поворотным пунктом, отделяющим начало развития речи в собственном смысле этого слова от сигнализации животных, явился, как можно предположить, тот период во взаимном общении человеческого предка, когда нечленораздельный звуковой комплекс перестал быть связанным с эмоциями и вступил в связь с реальными предметами или, говоря точнее, с образами этих предметов, а образы — со звуковыми комплексами. Звук из средства непроизвольного выражения эмоции превратился в средство преднамеренного обозначения предметов. Этот переход осуществился вместе с переходом в процессе труда психики выших животных в примитивное стадное сознание человека. Только тогда, когда определенный комплекс звуков вступил в связь преимущественно с определенной деятельностью человека и предметами, включенными

в нее, и постоянно воспроизводился с появлением этих действий и предметов, только тогда животноеобразные звуки превратились в элементарную речь человека" (70а, 29).

Решение Кудрявским вопроса о переходе звуков животных в человеческие слова в известной степени совпадает с гипотезой Потебни. Особенно ясно это совпадение чувствуется при сопоставлении слов и междометий. Но в целом взгляды Кудрявского на происхождение языка принципиально отличаются от взглядов Потебни. Если Потебня рассматривает этот вопрос только в психологическом плане, то Кудрявский постоянно подчеркивает роль социального фактора.

Поэтому в трудах Кудрявского мы находим также ответ и на вопрос, какие объективные условия могли породить у предков человека потребность во взаимном общении, которая привела к возникновению человеческого языка. В книге "Как жили люди в старину" он пишет, что первобытный человек находился среди природы, которая давала ему все, что нужно, если только он мог взять все необходимое. Но человек стоял на ступени животного и смог лишь тогда превзойти его, когда научился бороться с силами природы. В этой борьбе он развивает свои способности и выходит победителем над природой. Но "он борется не один, а целыми группами, обществами. Таким образом его борьба с природой была в то же время школой общественной жизни, и уже в первобытные времена мы находим у человека зародыши общественной жизни, которая развивалась, меняя свои формы в зависимости от того, как менялись окружающие условия" (31, 4). Только в этой общественной жизни мог сложиться человеческий язык, так как необходимость общения при совместной работе постоянно ощущалась людьми. Или, как пишет Кудрявский, "общественная жизнь мало-помалу выработала свое оружие общения — язык, служащий, как для общения людей между собой, так и для развития самой высокой стороны челове-

ской природы — ума, который таким образом сделался одним из важнейших условий человеческого развития. Знания, накопленные прежними поколениями, передавались последующим и облегчали им работу" ^I (31, 4). Но процесс возникновения языка, говорит Кудрявский, был очень продолжительным. Первоначально человек пользовался такими же отрывочными криками, как и другие животные. Эти крики, вызванные под влиянием тех или иных впечатлений, воспринимались другими людьми, а условия жизни давали людям возможность определять значение этих криков и закреплять их за определенными предметами и явлениями. Так возникли первые слова, с развитием употребления которых человек создавал все больше звуковых комплексов для обозначения различных предметов.

Таким образом, Кудрявский при решении проблемы происхождения языка рассматривает биологические предпосылки речи, условия, породившие потребность людей во взаимном общении, и исходный звуковой материал, на основе которого формировался язык. Решение этого вопроса можно считать одной из возможных гипотез.

---

^I Поэтому неубедительно звучит высказывание Р.А. Будагова о том, что теория Кудрявского "Оказалась далекой от марксистского истолкования происхождения языка, ибо здесь не было ни понимания языка как "практического реального сознания", ни понимания роли труда в процессе образования языка, этого важнейшего средства человеческого общения" (16, 339).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА Д.Н.КУДРЯВСКОГО

Грамматические взгляды Д.Н.Кудрявского складывались в тот период, когда в русском языкознании существовало три основных направления: логико-грамматическое, психологическое и формальное. Это традиционное деление русской грамматической науки, несмотря на определенный схематизм, вполне приемлемо, так как оно отображает основные направления в развитии грамматической мысли XIX века и дает методологический подход при изучении взглядов того или иного языковеда. Поэтому прежде чем перейти к характеристике грамматической системы Кудрявского, рассмотрим сущность этих направлений.

§ I. Логико-грамматическое направление

(Ф.И.Буслаев)

Наука о грамматическом строе русского языка сложилась в середине XVIII века. В ее основе лежало учение о частях речи как лексико-грамматических группах слов. При этом определения частей речи строились на семантическом принципе, а их анализ шел по пути рассмотрения морфологических форм. Синтаксис вообще не занимал в грамматиках значительного места. Он рассматривался как учение о сочетании слов по принципу согласования и управления. Учение о предложении дается главным образом в риторике и строится на логико-семантическом принципе. В основе анализа этой единицы лежало учение о членах предложения, которое во многих слу-

чаях нельзя было связать с учением о частях речи. Таким образом в грамматиках возникает разрыв между этими понятиями.

Этот разрыв еще более усилился в начале XIX века под влиянием философских (всеобщих) грамматик, которые с 1804 года стали предметом изучения в гимназиях. Их задача сводилась уже к тому, чтобы выяснить смысловые и логические отношения слов. Поэтому центром синтаксиса становится учение о предложении, которое в значительной мере вытеснило собой понятие словосочетания. Особенности отдельных языков, как правило, не учитывались. Все это вело к смешению грамматических значений с понятиями, которые в языке формально не выражены, и отсюда к отождествлению логических и грамматических категорий (суждения и предложения; понятия и слова, субъекта и подлежащего и т.д.). В результате "описание форм предложений в русском языке все более и более утрачивало черты русской национально-языковой специфики. Отчасти этому способствовало и то обстоятельство, что такие грамматики, как грамматика Греча и его последователей, опирались почти исключительно на материалы и факты книжной речи" (21,93).

Виднейшим представителем логико-грамматического направления обычно считается Ф.И.Буслаев. Такое утверждение в основном соответствует действительности, хотя в целом его позиция была гораздо сложнее, чем простое следование традициям логицизма. Дело в том, что лингвистические работы Буслаева были написаны в тот период, когда логико-грамматическое направление, получившее довольно широкое распространение в русском языкознании первой трети XIX века, начинает переживать кризис. К этому времени сравнительно-историческое языкознание сделало уже крупные успехи. Оно стремилось путем сравнения родственных языков глубже проникнуть в их историю и на этой основе осветить закономерности их развития. В основу же сравнения брались грамматические формы, которые нужно было всесторонне исследовать. Кроме того, интерес к грамматической форме был обусловлен и тем обстоятель-

ством, что среди русских филологов уже начиная с 40-х гг. усиливается тенденция глубже понять и осветить особенности грамматического строя русского языка, подчеркнуть его национальное своеобразие (ср. труды Г. Павского, М. Каткова, К. Аксакова). Все это и вело к тому, чтобы понятие грамматической формы стало краеугольным камнем новой грамматической системы.

Одним из первых необходимость нового подхода к изучению языка осознал сам Буслаев. Еще в 1844 году, критикуя логическую грамматику, Буслаев отмечал, что "она ищет сущности вещей не в самом языке, а в з н а ч е н и и, т.е. она предлагает не частную логику того или другого языка, но всеобщую, к которой приурочивает все языки" (18, 63). Его же "Историческая грамматика" не только завершила собой длительное господство логицизма в русской лингвистике, по-разному проявлявшегося у различных авторов грамматических работ, но и наглядно показала все противоречия и недостатки логико-грамматического направления, а также в какой-то мере наметила пути их преодоления. В дальнейшем мы постараемся показать это на анализе "Исторической грамматики" — главного и основополагающего лингвистического труда Буслаева.

В основу своих рассуждений Буслаев берет понятие сущности языка. Он считает, что "язык есть выражение мысли помощью членораздельных звуков" (19, 263). Отсюда делается вывод, что язык, с одной стороны, подчиняется законам логики, а, с другой, законам самого выражения, т.е. законам сочетания членораздельных звуков. В предисловии к "Опыту исторической грамматики" он называет их в н у т р е н н и м и з а к о н а м и р а з в и т и я я з ы к а (19, 566).

Поэтому Буслаев, хорошо понимая недостатки прежних грамматик (смешение логических и грамматических понятий, пренебрежение этимологическими формами и др.), стремится преодолеть узкие рамки логической системы. Во-первых, он значительно расширяет объект исследования за счет широкого

привлечения фактов не только книжного, но и разговорного языка. Во-вторых, в основу грамматики кладет этимологический разбор форм, из которых должны извлекаться грамматические законы; при этом задача синтаксиса – "определить правильнейшее отношение отвлеченных приемов логики к формам языка" (19, 576). И, в-третьих, по его мнению, необходимо соединить филологический и лингвистический способы изучения языка: филологическому следовать "в подробном и тщательном изучении образцовых писателей, не ограничивая произвольно числа их"; лингвистическому – в расширении области филологической грамматики "отчетливым исследованием форм языка, на основании исторического их развития" (19, 578). Поэтому в "Исторической грамматике" постоянно борются как бы два начала: логическое и грамматическое. Эта борьба весьма отчетливо отражает стремление Буслаева преодолеть каким-то образом логицизм и подойти к изучению языка с точки зрения его грамматических форм, способствуя тем самым возникновению новых течений в истории русской грамматической мысли.

Учение о частях речи Буслаев, в отличие от предшествующей традиции, излагает в морфологии и синтаксисе: в первой – словообразование и словоизменение, во втором – значение и употребление частей речи и их грамматических категорий. В систему частей речи он внес те изменения, которые были сформулированы и обоснованы Г.П.Навским: а) утверждение числительных как самостоятельной части речи и б) выделение в особый разряд междометий.

Раньше знаменательные части речи обычно определялись по их семантическим, а служебные – по их синтаксическим признакам. Поэтому господствующее положение занимали такие, например, определения, как существительное есть название предмета, прилагательное – название признака, глагол – название действия или состояния и т.д.

Буслаев, понимая односторонность подобных определений, стремится их расширить, ввести новые, дополнительные момен-

ты, которые указывали бы и на другие признаки частей речи. Прежде всего он отводит важное место морфологической стороне слов. Окончания, пишет Буслаев, придают корням слов значение предмета, свойства или действия и тем самым распределяют их по определенным частям речи. "А так как имена язык употребляет не иначе, как в известном падеже и числе, а глаголы в известном наклонении, времени, числе и лице; то само собою разумеется, что существо имен и глаголов, сверх суффиксов, определяется изменениями, или флексиями, т.е. склонениями и спряжениями" (19, 317). Важное значение Буслаев придает и синтаксическому признаку. Сущность частей речи, утверждает он, "состоит не только в том, что они означают или действие, или предмет, или свойство, но и в том, какой смысл получают они в предложении, изменяясь по спряжениям и склонениям" (19, 318).

Более того, анализируя части речи, Буслаев подчеркивает, что существенное значение имеет не только то, что они обозначают, но и то, как обозначают. По его мнению, существительное называет предмет "сам по себе", поэтому "названия отвлеченных свойств и действий суть существительные" (19, 318). "Прилагательное означает свойство не отвлеченно, а в отношении к предмету, определяя его и согласуясь с его названием в роде, числе и падеже" (19, 317). "Глагол означает действие не отвлеченно, а в известное время и с показателем всех отношений, которые выражаются сказуемым, т.е. с обозначением лица, времени, вида, наклонения и залогов" (19, 317).

Однако Буслаев не был последователен в своих рассуждениях. Это проявилось в том, что определения разных частей речи он строит на различных принципах. Например, выделив по семантическому признаку числительное и местоимение, по синтаксическому употреблению многие из этих слов он считает прилагательными. Более того, не разграничив четко синхронический и диахронический аспекты, он отнес к именам существительным и инфинитив.

Учение о предложении у Буслаева занимает по сути дела центральное место. Это непосредственно вытекает из понимания сущности языка. Назначение языка — быть средством выражения и сообщения мыслей при помощи членораздельных звуков. Поскольку мысль может быть выражена лишь в предложении, то ее первоначальной и единственной формой выражения Буслаев считал только предложение. И в соответствии с традицией он определяет предложение как суждение, выраженное словами.

Однако, видимо, чувствуя ограниченность и недостаточность логического определения предложения, в дальнейшем он стремится найти и какие-то его грамматические признаки. Для этого Буслаев предлагает различать самую материю или содержание предложений (т.е. название понятий и представлений) и способ их сочетания в предложении. Последний, по его мнению, выражается или окончаниями слов (склонениями и спряжениями), или служебными словами. Отсюда он приходит к выводу, что отдельные слова могут составить предложение только в том случае, если они связаны друг с другом по способу согласования или управления. Термина "примыкание" у Буслаева еще нет, вместо этого он говорит о "невидимой синтаксической связи".

Кроме того, Буслаев находит еще один грамматический признак предложения — наличие сказуемого, которое он считает основным членом предложения. "Вся сила суждения содержится в сказуемом. Без сказуемого не может быть суждения. Отсюда понятно, почему в языке есть предложения, состоящие только из сказуемого, без явно обозначенного подлежащего... но нет ни одного предложения, которое состояло бы только из подлежащего" (19, 258). Собственной и первоначальной этимологической формой сказуемого Буслаев считал глагол. В этом рассуждении он в значительной степени обличается с Потебней, который полагал, что "в ближайшем к нам периоде языка предложение невозможно без глагола и что взятый сам по себе глагол будет предложением" ^I.

I

Архив АН СССР, р. IV, оп. I, № 830, л. 9.

Но Буслаев не смог полностью преодолеть влияние логической грамматики. Это проявилось не только в определении предложения, но также в учении о сокращении и слиянии предложений.

Большой шаг вперед был сделан Буслаевым в разработке проблемы сложноподчиненных предложений. Он более отчетливо сформулировал мысль о том, что каждый член главного предложения, кроме простого сказуемого, может быть выражен придаточным предложением. На этой основе выделяются придаточные подлежащего, сказуемого, определения, дополнения и обстоятельства (места, времени, образа действия, меры и счета, причины). Но затем Буслаев относит к обстоятельственным также предложения, выражающие условие, предположение, желание и сравнение. Эта система сложноподчиненных предложений легла в основу большинства школьных учебников второй половины XIX-начала XX века и в значительной степени сохранилась до сих пор.

Но верный своему принципу указывать наряду с логико-семантическими также грамматические признаки, Буслаев свой анализ придаточных предложений сводит к довольно подробному рассмотрению союзов и союзных слов.

В учении о членах предложения Буслаев также занимает двойственную позицию. Первоначально он определяет главные члены предложения с логической точки зрения. "Предмет, о котором мы судим, называется подлежащим. То, что мы думаем или судим о предмете (о подлежащем), именуется сказуемым" (19, 258) ^I.

---

^I Ср. остроумный разбор предложения "Лысый, с белой бородой, дедушка сидит", сделанный А.Дмитревским на основе этих определений: "Положим, подлежащее "дедушка" найдено. Что сказывается о подлежащем или о дедушке? Лысый. Нет, не то. - Ну, с белой бородой. - Опять неправда. - Да, да, сидит. - Вот это, мой друг, верно; это и будет сказуемое" (27, 21).

Затем наряду с логической стороной главных членов Буслаев стремится найти и их морфологические признаки. Он говорит, что подлежащему соответствует имя существительное в именительном падеже. Если же подлежащее выражается какой-либо другой частью речи, то она принимает смысл существительного (ср. "Ленивый часто скучает"). Кроме того, подлежащее может быть выражено также личной формой глагола (например, да-м, буд-е-м). Отсюда, по его мнению, в грамматическом отношении безличное предложение не отличается от личного. В связи с этими высказываниями Потебня сделал справедливое замечание: "Личное окончание или вместе с ним местоимение личное, как чистая форма (отношение к лицу, а не обозначение его указанием), суть неперменные составные части личного глагола. Без них нет глагола, стало быть, нет сказуемого. Но если подлежащее не есть сказуемое, то оно никогда не бывает ни личным окончанием, ни личным местоимением в формальном значении" (69, 73).

Морфологической формой сказуемого, по Буслаеву, является глагол, который в этой роли означает признак, приписываемый предмету, и отношение говорящего к слушателю и к предмету речи. Это отношение выражается указанием на лица, а также категориями времени и наклонения.

Кроме простого, Буслаев выделяет также понятие составного сказуемого. Последнее всегда состоит из двух частей: а) глагола-связки, выражающего наклонение, время и лицо, и б) названия признака, приписываемого глаголом подлежащему. Эти две части составляют одно целое. Однако в грамматическом отношении основной частью составного сказуемого является глагол-связка, в логическом — обозначение признака. Но, видимо, желая еще дальше морфологизировать свое учение о составном сказуемом, он полагает, что сказуемое может быть выражено лишь глаголом. Поэтому присвязочный член им рассматривается далее уже как второстепенный член предложения.

Двойственный подход к языковым фактам — логико-семантический и грамматический — ярко сказался также в учении Буслаева о второстепенных членах предложения. В "Исторической грамматике" оно основано на двух принципах: синтаксическом употреблении и значении. Исходя из трех типов синтаксической связи слов, Буслаев делит второстепенные члены на определительные (присоединяемые посредством согласования), дополнительные (присоединяемые посредством управления) и обстоятельственные (слова, не находящиеся в видимой синтаксической связи с другими словами).

Но перейдя к характеристике второстепенных членов по значению, он вступает в явное противоречие с первым делением, так как считает, "1) что определительные присоединяются к другим словам посредством не только согласования, но и управления, и 2) что между обстоятельственными, сверх вышеупомянутых, несогласующихся и неуправляемых, большая часть таких, которые относятся к дополнительным" (19, 273-274). Недаром Потебня позднее отмечал, что деление второстепенных членов по употреблению оказалось совершенно ненужным для деления по значению, которое "основано не на наблюдении над языком, а над чем-то не имеющим к языку непосредственного отношения, что автору только кажется, будто он различным образом делит одно и то же понятие, между тем как он делит два различных понятия и влагает в одно то, что нашел в другом" (59, 77).

В целом "Историческая грамматика" завершила собой длительное господство в научной грамматике логического направления, характерной чертой которого был логико-семантический подход к частям речи, членам предложения и предложению. Она не только обобщила достижения предшествующих грамматик русского языка, но и показала несостоятельность их теоретической базы. Причиной этого является двойственность принципов, которыми руководствовался автор. Эта двойственность принципов объясняется тем, что в грамматике Буслаева "понятие содержания (насколько оно составля-

ет предмет языкознания) и формы слова еще весьма неясны. В этой неясности иное лично, но во многом проявляется такое общее состояние знания, когда, с одной стороны, еще чувствуется тяготение к старой теории (логико-грамматической), для которой нет в слове ни собственно язычного содержания, ни формы, а есть только нечто, по другому взгляду, вовсе не заключенное в слове, именно понятие, а с другой стороны имеются уже факты, которые, будучи как следует сведены и направлены, могли бы опровергнуть эту теорию" (69, 71).

Кроме того, грамматическая система Буслаева в определенной степени отражала собой развернувшуюся в европейском языкознании середины XIX века борьбу с универсальной грамматикой. Наиболее последовательно это проявилось в трудах В.Гумбольдта и особенно Г.Штейнталя, стремившихся в первую очередь подчеркнуть специфику грамматического строя отдельных языков. Однако эта борьба в трудах Буслаева еще не нашла своего полного отражения, хотя, по замечанию акад. В.В.Виноградова, "учение Буслаева о несогласованности "общих законов логики" и "собственных законов языка", о частных их столкновениях и противоречиях находит себе некоторые параллели в высказываниях В.Гумбольдта" (21, 248).

Тем не менее, труды Буслаева в какой-то мере проложили путь и дали толчок синтаксическим исследованиям Потебни, которые составили следующий период в истории русской грамматической мысли.

§ 2. Психологическое направление

(А.А. Потебня)

Грамматическое учение Потебни возникло как протест, как реакция на логическую грамматику. Поэтому он так подробно останавливается на критике логического направления и выяснении отношений между логикой и грамматикой. Его основные положения сводятся к следующим моментам:

а) Слово не тождественно с понятием, так как отличается от него не только наличием звуковой формы, но и всем содержанием, а в ходе развития мышления предшествует понятию.

б) Грамматическое предложение не тождественно и не параллельно с логическим суждением, поскольку подлежащее и сказуемое в логике и грамматике имеют различные значения. Кроме того, логика знает только два члена суждения. Поэтому из логического суждения не могут быть выведены и объяснены второстепенные члены предложения.

в) Поскольку грамматических категорий несравненно больше, чем логических, то часто допускаются две ошибки: или в логику вносятся такие категории, которые ей совсем не нужны, или в грамматике отождествляются такие явления, которые совершенно различны по своему характеру. Это происходит от того, что логика не признает индивидуальных различий языков, так как ее категории носят общечеловеческий характер.

г) Логика — наука гипотетическая, по выражению Потебни. Она рассматривает не процесс мышления, а его результат. Языкознание же принадлежит к числу исторических наук.

д) Логика является наиболее формальной из наук, так как судит о мыслях, которые могут относиться к любой области знания. "Язык есть тоже форма мысли, но такая, которая ни в чем, кроме языка, не встречается. Поэтому формальность языкознания вещественна сравнительно с формальностью логики" (69, 70).

Отсюда делается общий вывод о том, что языкознание стоит ничуть не ближе к логике, чем какая-либо из прочих наук.

Исходя из этих положений, Потебня с настойчивой последовательностью боролся против логицизма в языкознании. Он постоянно отстаивал права языка на самостоятельное изучение, постоянно стремился объяснять языковые явления из них самих. Поэтому считать грамматическую систему Потебни психологической можно лишь в условном смысле. Психологический

фактор в его научном наследии не является господствующим, так как Потебня никогда не переносил центр внимания с объективных языковых процессов на интеллектуальные акты говорящего; он рассматривал язык как имеющее свои объективные законы произведение народа. Потебня прибегал к психологизму главным образом только при решении общетеоретических вопросов языкознания.

В основе грамматической системы Потебни лежат понятия слова и грамматической формы. Исходя из понимания языка как непрерывного словесного творчества, он считал главной и единственной формой его существования и развития живую речь. Поэтому основной единицей языка для Потебни было предложение. Слово же может функционировать только в составе речи, вне ее оно представляет собой "искусственный препарат". В речи слово может соответствовать только одному акту мысли и имеет не более одного значения. Малейшее изменение в формальном или вещественном значении слова делает его другим словом.

Но понимание слова как единства звука, представления и значения, говорит Потебня, не исчерпывает всех его сторон. Слово в таких языках, как индоевропейские, осложнено еще грамматической формой, которая включает его в систему определенных грамматических категорий. Потебня считал, что форму нельзя смешивать с наличием или отсутствием аффиксов, как это делали представители формального направления, так как она есть прежде всего значение, проявляющееся в составе речи. Звук, являющийся грамматическим средством, может теряться, но это не значит, что тем самым перестает распознаваться грамматическая категория. Поэтому, подчеркивал он, "нет формы, присутствие и функция коей узнавались бы иначе, как по смыслу, т.е. по связи с другими словами и формами в речи и языке" (69, 45). Например, слово "конь" вне связи с другими словами не обладает грамматической формой, так как если отдельное слово есть "искусственный препарат", то и его форма мертва, не функционирует. Значит, под словом

"форма" Потебня понимал прежде всего грамматическое значение, выраженное морфологически или синтаксически в составе смыслового целого. "Грамматическая форма есть элемент значения слова и однородна с его вещественным значением" (69, 39). С этой точки зрения, в русском языке нет бесформенных слов, так как значение каждого из них подводится под ту или иную грамматическую категорию. Если каждое новое употребление слова равнозначно созданию нового слова, то и каждое новое употребление формы есть создание новой формы. Поэтому, говорил Потебня, творительный падеж в русском языке есть абстракция; в действительности это не одна грамматическая категория, а несколько разных, так как всякое новое употребление творительного падежа есть новый падеж.

Иначе говоря, при определении слова и грамматической формы Потебня исходил только из речи. Понятие языка, а также противопоставление "язык-речь" в какой-то мере вырисовывались в его трудах, но еще в весьма неясной и абстрактной форме.

На этом фундаменте Потебня строил свою систему частей речи и членов предложения. Он считал, что определение любой грамматической категории должно отвечать следующим требованиям:

а) Быть историческим. Ср. "Понимая язык как деятельность, невозможно смотреть на грамматические категории, как на глагол, существительное, прилагательное, наречие, как на нечто неизменное, раз навсегда выведенное из всегдашних свойств человеческой мысли. Напротив, даже в относительно небольшие периоды эти категории заметно меняются" (69, 82).

б) Основываться на формальных признаках, т.е. различия между грамматическими категориями нужно искать "не в содержании, а в способе его представлять" (69, 88).

Мышление человека, говорит Потебня, начинается не с разложения восприятия на субстанцию и предикат, а с обозначения целого восприятия. Например, "слово, предполагаемое лексической частью (лек-) глагола л е т и т, означало не

действие, взятое отвлеченно, а еще не разложенное восприятие, безразличную совокупность предмета и действия, напр. не полет, приписываемый птице, а летящую птицу без всякого разложения этого явления" (69, 90). Иначе говоря, функции имен и глаголов здесь еще не дифференцировались. Дальнейшее развитие привело к выделению глагола, отличительные черты которого Потебня видел в том, что "глагол изображает признак во время его возникновения от действующего лица" (69, 91).

Одновременно с выделением глагола происходил другой процесс — становление имени. "По отношению к познающему лицу и акту познания имя относится ко глаголу, как воспоминание прежде познанного к познаваемому вновь; ... по отношению к познаваемому в имени представляется признак не как производимый предметом (солнце светит), а как данный в предмете, находящийся в нем (светлое солнце, свет солнца)" (69, 93-94). Далее, имя, в свою очередь, расчленилось впоследствии на имена существительные и прилагательные. Поэтому Потебня дает несколько определений существительного. Первоначальное существительное — это "признак, заключенный (данный, уже готовый) в чем-то, определенном для мысли и без помощи другого слова" (69, 96-97). Но затем оно становится отвлечением, "т.е. названием признака, мыслимого самостоятельным, независимо от какого-либо комплекса признаков и представляемого источником действия (подлежащее) или пределом действия другим предметом, кроме подлежащего (с коим как-либо соприкасается действие), дополнением" (69, 98).

Такие определения предполагают, что признак (внутренняя форма) еще сохранился. Однако с течением времени у многих слов (типа "дуб") признак утрачивается, так как он оказывается несущественным или противоречащим другим признакам.

"На этой степени развития существительное конкретное есть такое название определенного заместителя или заместителя признаков, которое не дает возможности определить, какой из этих признаков ближе к сознанию" (69, 98).

После этого Потебня дает общее определение существительного, как названия грамматической субстанции, или вещи. Дело в том, что если определить существительное как название предмета, то такой подход не будет грамматическим: "Эта точка не дает познания языка, ибо мешает отличить добряк от добрый" (69, 98). Кроме того, нужно было бы пояснять, что под предметом понимается грамматический субъект и объект, так как последний представляет собой лишь косвенный несогласуемый падеж.

Прилагательное, в отличие от существительного, есть "признак, данный в чем-то, что без помощи другого слова остается со стороны содержания неопределенным" (69, 94).

Под эти понятия существительного и прилагательного затем подводятся как особые группы местоимения и числительные.

Наречие Потебня определял, как "признак (стало быть, знаменательную часть речи), связуемый с другим признаком, данным или возникающим, и лишь чрез его посредство к предмету (субъекту, объекту), а сам по себе не имеющий с ним никакой связи" (69, 124).

Следовательно, Потебня выделял четыре основных части речи: имя существительное, имя прилагательное, глагол и наречие. Кроме того, он склонен был признать самостоятельными частями речи также причастие и инфинитив. Ср. "Нынешнее причастие, — писал Потебня, — есть часть речи обособленная, оставшаяся за выделением категорий существительного

и прилагательного" (69, 95). Если "неопределенное наклонение не может быть атрибутом, то ясно, что эта форма не есть ни имя, ни, в частности, существительное, а особая часть речи" (69, 125). Но этот вопрос Потебней не был окончательно решен. Например, признав первоначально инфинитив самостоятельной частью речи, он затем приходит к выводу, что "неопр. накл., как глагол (разрядка моя. С.С.), всегда относится к категории сказуемого в обширном смысле, т.е. не может быть ни настоящим подлежащим, ни настоящим дополнением" (69, 342). В части речи, по мнению Потебни, входят только лексические слова, которым противостоят формальные категории слов (союзы, предлоги, частицы, вспомогательные глаголы), равнозначные морфемам.

Анализируя члены предложения, Потебня пришел к выводу, что они соотносительны с частями речи. "Как личный глагол есть тем самым сказуемое или предикативная связка, как имя в прямом падеже, не согласуемое с другим, есть подлежащее, имя в косвенном падеже, не согласуемое с другим, есть дополнение, а согласуемое имя в любом падеже есть определение или часть сказуемого: так и обстоятельству присвоена особая форма, наречие" (69, 124). Прийти к этому выводу способствовало несколько причин: во-первых, само понимание сущности слова и грамматической формы, во-вторых, стремление тесно связать все основные грамматические понятия, особенно понятия слова, части речи, члена предложения и предложения, в-третьих, стремление дать единый принцип классификации, основанный на грамматическом значении слов.

От Ломоносова до создания синтаксической системы Потебни учение о предложении в русском языкознании строилось на логической основе. Поэтому типичным было определение предложения как суждения, выраженного словами. Потебня, стремясь дать грамматическое определение предложения^I (ср. его высказывание: "...во всяком предложении

---

^I Вряд ли можно согласиться с утверждением А.И.Белова, что Потебня считал предложение "словесным выражением... психологического суждения" (4, 134). Это противоречит вы-

должно различать форму и форму, т.е. в предложении кроме формы нет ничего, так что, отнявши форму, мы уничтожаем предложение флективных языков" (69, 72), находил в нем два существенных признака. Во-первых, это предикативность, выражающаяся в глагольности, поскольку основной формой выражения сказуемого является глагол. Отсюда вытекает его утверждение, что предложение без глагола невозможно. Вторым существенным признаком предложения Потебни считал то, что в него входят части речи. Если их нет, то нет и предложения. А так как в языке нет ни одной неизменной категории, то вместе с их изменением изменяется и то целое, в котором они возникают и развиваются, — предложение. Отсюда Потебни делал вывод, что невозможно дать общее определение предложения, пригодное для всех языков и всех периодов развития языка, что необходимо на значительном протяжении времени давать ряд определений.

Отказ Потебни дать общее определение предложения является, пожалуй, самым слабым и уязвимым местом в его грамматической системе. Дело в том, что, признав предложение основной единицей существования и развития языка и отказавшись от его определения, он оставил все построение как бы без фундамента. Иногда высказывается мнение, что система Потебни направлена в прошлое. Но здесь скорее не его вина, а его беда: среди учеников и последователей великого ученого не нашлось никого, кто смог бы применить его грамматические взгляды для описания современного русского языка. В этом отношении судьба научного наследия, например, Ф.Ф. Фортунатова была более счастлива.

сказываниям самого Потебни, противоречит духу его грамматической системы. В работе "Из записок по русской грамматике" он писал: "Кто определил бы предложение, напр., русского яз. как словесное выражение психологического суждения, сказал бы так же мало, как тот, который бы определил Сократа как особь зоологического вида *homo sapiens* или нынешнее государство, церковь и т.п. как человеческое стадо" (69, 83).

Оценивая грамматическую систему Потебни в целом, акад. Виноградов писал: "Потебня произвел переворот в грамматических теориях, которыми до него питалась наука о русском языке. Углубление учения о слове, о грамматической форме и грамматической категории, интерес к синтаксическому и семантическому исследованию элементов речи — все это вносило новую, свежую струю в изучение русского литературного языка" (20, 6). Взгляды Потебни оказали большое влияние на многих русских языковедов, среди которых можно назвать имена Овсянко-Куликовского, Шахматова, Пешковского и особенно Кудрявского.

§ 3. Формальное направление

(Ф.Ф.Фортунатов)

Это направление возникло в 80-90-е гг. XIX века в результате педагогической и научной деятельности Ф.Ф.Фортунатова в Московском университете. В основу своей грамматической системы он положил понятие отдельного слова и грамматической формы. Слово Фортунатов определяет, как "всякий звук речи, имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющихся словами" (76, 132). В этом определении, табулогическом по своему содержанию, указывается на две стороны слова: звук и значение. И в дальнейшем Фортунатову необходимо было выяснить соотношение между ними и на этой основе раскрыть грамматическую природу слова. Это взаимоотношение звуковой и смысловой стороны он видит в следующем. Во-первых, поскольку словами являются звуки речи в их значениях, то различия в звуках создают разные слова, если даже они и совпадают по значению ("неправда" и "ложь" — два разных слова, имеющих одинаковое значение). Но если различие в звуках "сознается говорящими как видоизменение в части звуков одного и того же слова, не изменяющее значения этого слова" (76, 132), то перед нами уже не разные

слова, а варианты одного и того же слова (ср. зимой - зимой, под - подо). Во-вторых, слова - это не звуки речи сами по себе, а звуки в их значениях. Поэтому тождество звуков при различиях в значении не образует еще тождества самих слов (ср. "мой" - местоимение и "мой" - повелительное наклонение от "мыть"). Исключение здесь опять же составляют семантические варианты, или, по терминологии Фортунатова, видоизменения значения одного и того же слова. К их числу относятся такие случаи, когда "различные значения, соединяющиеся с одной и той же звуковой стороной слова, связываются между собой в сознании говорящих так, что при этом одно значение сознается или как ограничение, специализирование другого, более общего, значения, или как распространение, обобщение другого значения, или как перенесение слова как знака с одного предмета мысли на другой предмет мысли, как связанный с первым в известном отношении" (76, 133). Однако с течением времени отдельные значения могут настолько разойтись, что будут восприниматься не как варианты одного слова, а как разные слова.

В таком подходе важны не только анализ слова с точки зрения соотношения звука и значения, полисемии и омонимии, но и постановка проблемы тождества слова. Фактически уже Фортунатовым было указано на существование в языке фонетических, морфологических и семантических вариантов. Это открывало перед лексикологией (в широком смысле этого слова) новые перспективы в изучении словарного состава языка.

Среди отдельных слов Фортунатов различает полные слова, частичные и междометия.

"Полные слова обозначают предметы мысли и по отношению к предложениям образуют или части предложений, или целые предложения" (76, 134). Иначе говоря, они выражают или признаки предметов мысли, или предметы как вместилища известных признаков. Признаки могут существовать независимо от данной речи и могут быть отношениями предметов мысли к данной речи. В соответствии с этим Фортунатов среди полных слов различает слова-названия и слова-местоимения.

Слова-названия могут обозначать признаки в их изменениях во времени (глагольные слова) и без отношения к их изменениям во времени. Последние в свою очередь делятся на имена собственные и нарицательные.

Частичные слова отличаются от полных тем, что их значения "не существуют отдельно от значений полных слов, так как частичные слова обозначают нечто или 1) в значениях полных слов, или 2) в значениях предложений, в состав которых входят полные слова" (76, 169). По значению Фортунатов делит их на соединительные слова (предлоги, связи, союзы), усилительные слова, слова отрицания и вопроса, слова, обозначающие известное отношение говорящего к данному предложению.

Междометия выражают чувства, испытываемые говорящим. Они существуют вне предложений или представляют собой целые предложения.

Особенно большой заслугой Фортунатова считается создание им учения о грамматической форме. Это учение действительно оказало огромное влияние на историю русской грамматической мысли конца XIX-первой трети XX века и стало краеугольным камнем многих грамматических концепций.

Анализируя отдельные полные слова, Фортунатов пришел к выводу, что, наряду с лексическим значением, их особенностью является также наличие грамматической формы.

Форма есть "способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова" (76, 136). Основная принадлежность (основа слова) выражает лексическое значение слова, формальная принадлежность "образует данное слово, как видоизменение другого слова, имеющего ту же основную принадлежность с другой формальной принадлежностью" (76, 137). Для того чтобы выделялась формальная принадлежность, необходимо, чтобы она осознавалась и в других словах, т.е. была употребительна с другими однородными основами. Поэтому форма всегда является общей для слов с различными основами и вместе с тем соотносительной с другими формами той же основы.

Основным и наиболее распространенным способом выражения формы Фортунатов считал формальные части слов, или аффиксы. Наряду с этим, используются также повторения основы, формальное видоизменение звуков основы (внутренняя флексия и чередования) и супплетивизм. При этом формальная принадлежность может быть не только материально выраженной, но и нулевой. Последняя осознается лишь в противопоставлении с первой.

Здесь обычно Фортунатова упрекают в том, что он, связывая форму только с наличием или отсутствием аффиксов, не обратил внимания на другие способы ее выражения (например, порядок слов, ударение, интонация и т.д.) и тем самым исключил их из сферы грамматического анализа. Но этот упрек вряд ли справедлив, так как грамматическую форму Фортунатов рассматривал в данном случае с позиций отдельного слова, т.е. на морфологическом уровне. Порядок же слов и служебные слова он относил к способам создания грамматических форм словосочетаний.

Далее Фортунатов переходит к рассмотрению значения форм отдельных полных слов. Он пишет: "Формальные значения в языке состоят в способности представлений части звуковой стороны знаков языка быть выделяемыми в качестве представлений таких принадлежностей знаков языка, которые образуют данные знаки из других знаков, изменяя значения последних" (76, 124). Здесь особенно важно обратить внимание на мысль, что формальная принадлежность может изменять не только грамматическую форму слова, но и его значение. При таком подходе форма отдельного слова понималась в широком смысле, т.е. сюда относились не только формы словоизменения, но и формы словообразования. "Формы отдельных полных слов, обозначающие различия в отношениях данных предметов мысли к другим предметам мысли в предложениях, называются формами словоизменения или формами флексии слов... Другие формы отдельных полных слов, не формы словоизменения, называются формами словообразования в широком смысле этого

термина... Следовательно, формами словоизменения самые слова, имеющие эти формы; обозначаются как различного рода части в предложениях, а формами словообразования самые слова обозначаются как различного рода отдельные знаки предметов мысли" (76, 155). Формы словоизменения могут выражать сказуемые предложений или второстепенные члены. К формам сказуемости Фортунатов относил наклонение, время и лицо, к формам второстепенных частей (членов) — склонение существительных и формы рода у имен прилагательных. Формами словообразования полных слов он считал формы уменьшительности-увеличительности, формы числа, а также образование новых слов. Отсюда вытекает его вывод о том, что слово может иметь больше одной формы. Например, в слове "беленький" их можно найти две: одна выражена окончанием прилагательного, другая — суффиксом -еньк-.

Поэтому было бы несправедливо критиковать Фортунатова за невнимание к значению вообще. Основной недостаток его концепции кроется не в этом. Грамматическое значение формальной принадлежности он всегда имел в виду при анализе полных слов. Совсем другое дело, что, в отличие от Потебни, он нигде не ставил вопроса о взаимоотношении значений основной и формальной принадлежности, решение которого зависит от еще более широкой проблемы, а именно опять-таки оставшейся в стороне проблемы соотношения лексического и грамматического в слове. Но отчасти это и понятно. Ведь Потебня в своих исследованиях шел от значения к форме, поэтому он не мог обойти данный вопрос. Фортунатов же шел от формы к значению и мог даже его не ставить. Поэтому если исходные точки этих двух великих языковедов различны, даже противоположны по своему характеру, то в конечном счете их концепции в целом содержат немало сходного, особенно в общем подходе к изучению языковых явлений.

В зависимости от формы слова строится классификация грамматических классов слов, т.е. частей речи. Прежнее деление на части речи, говорит Фортунатов, "представляет сме-

шение грамматических классов слов с неграмматическими классами и поэтому не может иметь научного значения" (76, 166). Сам он объединяет в один грамматический класс "слова, имеющие как одну общую форму, так и формы, соотносительные между собой по значению" (76, 157). При этом грамматические классы могут быть более общими и менее общими.

В индоевропейском языке в эпоху его распада Фортунатов выделял следующие наиболее общие грамматические классы полных слов: а) слова с формами словоизменения и б) слова без форм словоизменения. Первые из них распадались в свою очередь на слова склоняемые, спрягаемые и слова, имеющие, кроме склонения, форму согласования в роде. Полные слова, которые не имели форм словоизменения, делились на слова с формами словообразования (грамматические наречия) и слова без всякой формы (неграмматические наречия).

Фортунатов рассматривал части речи применительно к индоевропейскому языку. Поэтому его учение не всегда применимо или нуждается в уточнении при анализе позднейших индоевропейских языков, развивших аналитические формы. Отчасти такое уточнение было сделано уже его учениками, например, выделение слов с формами рода и числа (краткая форма прилагательных, краткие страдательные причастия, прошедшее время).

В области синтаксиса логическое определение предложения уже с 60-70-х гг. XIX в. сохраняется в основном в школьных грамматиках. В научных исследованиях все больше проявляется тенденция на место логического суждения поставить суждение психологическое. "Развивалась почти необозримая цепь определений и концепций предложения, в которых психологическая или семантическая завеса облекала и скрывала живое многообразие синтаксических форм речевых высказываний" (21, 384). Но к концу XIX-началу XX вв. растет разочарование и в психологических теориях предложения, так как, по словам В.В.Виноградова, эти теории, "впитавшие в себя множество осколков старой "логической грам-

матики", все более и более стали запутываться в противоречиях... Становилось все более ясным, что на путях психологического анализа проблема грамматической структуры предложения, его типологии и этапов исторического развития не может быть разрешена" (21, 385).

Такая ситуация не могла не отразиться и на взглядах Фортунатова. Он, не отрицая психологической основы предложения, считает, что между предложением ("предложение в речи") и психологическим суждением ("предложение в мысли") следует проводить строгие границы. Поэтому и "грамматический анализ грамматических предложений должен быть строго отличаем нами от психологического анализа тех суждений, или предложений в мысли, какие выражаются в речи в грамматических предложениях" (77, 456).

В основу своего синтаксиса Фортунатов кладет понятие словосочетания, которое определяется, как "такое целое, которое образуется сочетанием в мышлении, а потому и в речи одного цельного полного слова с другим цельным полным словом как с частью в предложении" (76, 182). Все словосочетания он делит на грамматические и неграмматические. К первым относятся такие сочетания слов, связь между которыми выражена или формами отдельных слов, или формами словосочетания (формы слов как частей предложения, частичные слова, порядок слов). Неграмматическими словосочетаниями Фортунатов считает такие, в которых отношения между составными частями не выражены формами языка (например, поэт Пушкин).

Кроме того, словосочетания могут быть незаконченными и законченными. "Незаконченным словосочетанием является такое словосочетание, самостоятельная часть которого образует собою также и часть другого словосочетания, т.е. незаконченное словосочетание входит в состав другого словосочетания, становящегося поэтому не простым, но сложным" (76, 182-183). "В законченном словосочетании одно слово сочетается с другим, как одна часть суждения с дру-

гой частью суждения, т.е. законченное словосочетание представляет собой полное предложение" (76, 183). Части такого словосочетания образуют подлежащее и сказуемое предложения. Сказуемое — это несамостоятельная по значению часть законченного словосочетания, а подлежащее — самостоятельная по значению часть того же словосочетания¹. При этом Фортунатов подчеркивает, что нельзя смешивать грамматические подлежащее и сказуемое с психологическими, так как между ними совпадения могут и не быть: в роли неграмматического сказуемого или подлежащего может выступать любая часть предложения.

Далее Фортунатов отмечает, что предложение может представлять собой и сложное словосочетание, так как, кроме главных частей, в него могут входить и второстепенные члены предложения: дополнение, определение и обстоятельство. Но в дальнейшем он ограничился только общим определением этих понятий по их значению.

В.П. Сухотин, анализируя труды Фортунатова, справедливо отмечал, что у него "под словосочетанием понимается и предложение, и его части, что и приводит, во-первых, к чрезмерному расширению понятия словосочетания, во-вторых, к вытекающему отсюда пониманию синтаксиса как учения о словосочетании с отодвижением предложения на второй план... Тем не менее, самое выдвижение словосочетания в число объектов синтаксической науки сыграло большую роль в ее дальнейшем развитии, и проблема словосочетания в русском языке продолжает оставаться актуальной вплоть до наших дней" (71, 133).

I

В другом месте Фортунатов определяет грамматическое сказуемое как такую часть словосочетания, которая заключает в себе форму сказуемости, а грамматическое подлежащее — как ту часть словосочетания, с которой сочетается грамматическое сказуемое (76, 186).

Вопрос о сложных предложениях Фортунатовым освещен очень кратко. Он ограничился лишь определением сочинения и подчинения, а также указанием на некоторые виды сочинительной и подчинительной связи.

Л.В.Щерба писал, что в России было три замечательных лингвиста-теоретика, оставивших глубокий след в истории общего языкознания: А.А.Потебня, Ф.Ф.Фортунатов и И.А.Бодуэн де Куртене. "Едва ли не наибольшая удача выпала на долю Ф.Ф.Фортунатова: он имел особенно много учеников - будущих профессоров разных русских университетов, которые и распространяли его идеи" (78, 89). Действительно, идеи Фортунатова популяризировали и развивали такие видные ученые, как В.Н.Поржезинский, Д.Н.Ушаков, М.Н.Петерсон и др. Влияние Фортунатова испытали также его ученики А.М.Пешковский и А.А.Шахматов, создавшие свои грамматические теории.

Следовательно, в русском языкознании второй половины XIX века противостояли друг другу три направления: с одной стороны, логико-грамматическому - формальное и психологическое, а, с другой, формальное - психологическому. Эти направления продолжали существовать и в начале XX века. Но к тому времени их противопоставление стало уже настолько подчеркнутым, что единственно научным признавался лишь формально-грамматический анализ языковых явлений, а логическое направление ограничивалось рамками школьной грамматики. Этим и объясняется большой разрыв между школьной и научной грамматикой и борьба между ними, что составляет характерную черту истории русского языкознания конца XIX-начала XX вв.

§ 4. Грамматические взгляды Д.Н.Кудрявского

Свои взгляды на грамматику Кудрявский первоначально изложил в статьях, опубликованных в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона ¹, затем в рецензии на "Синтаксис русского языка" Овсяннико-Куликовского и статье "Школьная и научная грамматика" (напечатана в книге С.А.Новиковой "Руководство к книге "Русский язык", СПб., 1910). Свое окончательное завершение грамматическая система Кудрявского получила во "Введении в языкознание", куда вошли также почти все основные положения предыдущих работ. В целом его грамматические взгляды за этот период не претерпели никаких существенных изменений.

В истории русской грамматической мысли Кудрявский выступает как последователь идей Потебни. В своих работах он неоднократно подчеркивал значение этого крупнейшего ученого для развития науки о языке. В книге "Психология и языкознание" Кудрявский писал: "... считаю своим долгом сказать, что ставлю Потебню, как лингвиста, гораздо выше Вундта, и не только не считаю взгляды Потебни отсталыми, а напротив думаю, что знакомство с его взглядами западных ученых и теперь могло бы их освободить от многих ошибочных воззрений" ² (45, 72).

Но особенно его верность идеям Потебни выразилась в рецензии на "Синтаксис русского языка" Д.Н.Овсяннико-Куликов-

---

¹ См., например, такие статьи, как "Состоятельство", "Определение", "Подлежащее", "Предложение", "Прилагательное", "Синтаксис", "Сказуемое", "Сочетание предложений", "Существительное имя", "Части речи и части предложения" и др.

²

Ср. также: "Работы этого ученого (т.е. Потебни. - С.С.) несомненно составляют краеугольный камень в здании научного синтаксиса русского языка (да и не одного русского языка)" (40, 405).

ского. В связи с выходом этой книги Кудрявский писал Шахматову: "Многоуважаемый Алексей Александрович! Недавно появилась книга проф. Харьковского Университета Д.Н.Овсяннико-Куликовского под заглавием "Синтаксис русского языка", имеющая в виду "общедоступное изложение научного синтаксиса русского языка" в системе Потебни. Сначала я очень обрадовался появлению такой книги, так как потребность в ней несомненно ощущается, но по мере чтения разочаровывался, и мне захотелось подвергнуть эту книгу серьезному разбору, чтобы защитить систему Потебни от некоторых взводимых на нее напастей" ¹.

Отношение Кудрявского к этой книге было двоякое. С одной стороны, он считал положительным фактом появление "Синтаксиса русского языка" как первой попытки преодолеть консерватизм школьной грамматики и дать широкой публике учебник, по которому она может познакомиться с основами научного синтаксиса. Кроме того, он полагал, что книга Овсяннико-Куликовского заслуживает внимания как руководство по синтаксису русского языка для студентов и как попытка проложить дорогу научному синтаксису в школу, т.е. преодолеть разрыв между школьной и научной грамматикой, между теорией и практикой.

Но Кудрявский резко возражал против тех положений Овсяннико-Куликовского, в которых он отходил от системы Потебни. Например, делая уступку традиции, Овсяннико-Куликовский различал отдельные слова от слов в речи. Поэтому он считал, что слова обладают грамматическими формами независимо от предложения. И лишь в процессе речи-мысли происходит переход грамматических форм в формы грамматико-синтаксические.

В связи с этим Кудрявский писал: "С точки зрения Потебни, к которой и мы вполне присоединяемся, такого различия проводить нельзя, так как дело представляется здесь

---

¹ Архив АН СССР, ф. 134, оп.3, № 770, лл.1-2.

совершенно превратно: можно говорить разве только о вырванных из речи отдельных словах; но и тогда не нужно забывать, что все те формы, которыми обладает "отдельное", т.е. вернее вырванное слово, обязаны своим происхождением той самой речи в целом, откуда они взяты" (40, 405). Поэтому для него, как и Потебни, связанная речь является единственным объектом научной грамматики, а отдельное слово есть "искусственный препарат". Эти положения предопределяли и синтаксическое понимание грамматической формы. Но, в отличие от Потебни, Кудрявский нигде не говорит о слове и грамматической форме как "индивидуально-неповторимом акте духовного творчества".

Исходя из этого, Кудрявский определял части речи как "более общие грамматические категории, выходящие за пределы одного предложения и составляющие материал, из которого складывается предложение" (48, 101). Поскольку предложение является основной формой существования языка, то части речи также создаются в предложении, но получают самостоятельное значение и могут выполнять различные синтаксические функции. Например, существительное может быть подлежащим, дополнением и сказуемым, прилагательное — определением и сказуемым и т.д. К частям речи Кудрявский относил имя существительное, имя прилагательное, глагол, наречие и союз.

Рассматривая части речи, он прежде всего подвергает критике их определение в школьной грамматике, продолжавшей традицию логико-грамматического направления. Школьная грамматика определяла существительное как название предмета, прилагательное — название качества, глагол — название действия или состояния. Такие определения, по мнению Кудрявского, неточны, не отражают существа дела. Они не дают возможности отличить одну часть речи от другой, так как предмет, качество и действие могут быть выражены, например, именем существительным (ор. камень, белизна, ходьба). Представление качества содержится и в "белый", и "белизна", и "белеется". "Но, чтобы правильно судить о грамматических явлениях, необходимо отделять чисто формальный, грамматический элемент от

лексического" (40, 408). Поэтому Кудрявский считает, что основное различие между частями речи состоит не в их реальном значении, а в способе выражения этого значения, т.е. не в том, что они обозначают, а в том, как обозначают. "Разница сводится к тому, что существительное называет что бы то ни было независимо от всякого отношения к чему бы то ни было другому (камень, дерево, белизна, движение); прилагательное тоже называет что бы то ни было, но с указанием на то, что это представление должно мыслиться в чем-либо другом (каменный, деревянный, белый, подвижной); наконец, глагол изображает, описывает в различных моментах существование того же самого представления (каменеет, деревенеет, белеет, двигает)" (48, 102). При рассмотрении наречия Кудрявский просто ссылается на приведенное выше определение Потебни.

Следовательно, при определении частей речи Кудрявский исходил преимущественно из их лексико-грамматических особенностей. В этом отношении он полностью следовал за Потебней. Только Потебня склонен был выделять в особые группы также причастия и инфинитив. Кудрявский высказывал мысль, что "неопределенное наклонение, представляя собою застывший падеж отглагольного существительного имени, должно быть отнесено к разряду наречий и следовательно к обстоятельствам в строе предложения" (53, 266) ^I. Но в целом он считал этот вопрос еще недостаточно изученным.

После обзора частей речи Кудрявский переходит к членам предложения. Школьные определения членов предложения он считал неприемлемыми. Например, совершенно неудовлетворительны

I

Ср. также: "Все обстоятельства, включая туда и деепричастия, могут быть сведены к одной категории наречий. Небольше напрашивается и аналогия инфинитива. Действительно, не подлежит сомнению, что инфинитивы возникли из косвенных падежей отглагольного существительного имени и, следовательно, с формальной точки зрения вполне совпадают с наречиями. Это, конечно, не лишает их своеобразности, характеризующей их именно, как инфинитивы" (52, 297).

в школьной грамматике определения подлежащего, как предмета, о котором говорится в предложении, и сказуемого, как того, что говорится о подлежащем. Это особенно ясно показывают безличные предложения. "Топором рубят" – говорится о топоре, но это не подлежащее. В предложении "В коридоре сквозит" "сквозит" – сказуемое, но оно ничего не говорит о подлежащем, так как его в данном предложении нет. Эти примеры, говорит Кудрявский, ясно показывают основную ошибку логических определений, которая состоит в том, что определение дается по содержанию, а не по форме. По его мнению, "подлежащее необходимо должно быть именительным падежом существительного имени" (48, 109). Против такого определения, говорит он, могут быть два возражения: а) в роли подлежащего могут выступать и другие части речи, б) именительный падеж является также падежом сказуемого. Кудрявский считает, что в первом случае, когда подлежащее выражено прилагательным, мы имеем дело с переходом его в существительное или с употреблением прилагательного в смысле существительного. Далее, правильность определения подлежащего как именительного падежа доказывает тот факт, что любое слово, выступающее в роли подлежащего, осознается нами как именительный падеж. Например, в предложении "Ахи да охи делу не помогут" форму именительного падежа приняли даже междометия. Именительный же падеж сказуемого нужно рассматривать как падеж зависимый, несамостоятельный, возникший путем согласования с подлежащим. Кроме того, в русском языке падежом именного сказуемого может выступать также творительный, который никогда не бывает падежом подлежащего. Все это говорит о том, что именительный падеж характерен для подлежащего, а не для сказуемого.

Сказуемым глагольного предложения Кудрявский считает глагол в личной форме. "Так как глагол характеризуется именно личными формами, то можно сказать, что в индоевропейских языках глагол есть грамматическая форма сказуемого" (48, III). Но сказуемое по форме бывает простое и составное. Если простое выражается одной личной формой глагола,

то составное — личной формой с именем прилагательным, существительным, а также причастием.

Не согласен Кудрявский и с определением школьной грамматикой второстепенных членов предложения. Например, согласно школьной грамматике, определение есть такой член предложения, который отвечает на вопросы: "какой?" "чей?" "который?" В основе такого определения лежит содержание, а не грамматическая форма. Это нарушает единство грамматической категории, так как в большинстве случаев форма вопроса и ответа не соответствуют друг другу. Например, на вопрос "чей?", поставленный в форме прилагательного, можно ответить формой существительного. На вопрос "какая шуба?" можно ответить "лисы", "о барашковым воротником", "черного цвета", "на вате" и т.д. В данном случае под категорию определения подводятся различные формы и различные сочетания слов, но объясняются как выражения одинакового состава. Выход из этого Кудрявский видит в формальной точке зрения: определение может быть выражено только именем прилагательным, а всякое иное выражение должно объясняться иначе.

Для определения дополнения школьная грамматика выдвигала уже другой критерий. Основным признаком этого члена предложения она считала то, что дополнение отвечает на вопросы косвенных падежей и относится к глаголу. По мнению Кудрявского, ошибка такого подхода заключается в том, что признаки дополнения ищутся не в нем самом, а в тех словах, с которыми оно связано. Например, причастие относится к системе глагола, поэтому возможно дополнение и к причестию; а если отглагольные существительные не относятся к глаголу, то, следовательно, при них не может быть и дополнения. Но в языке мы постоянно встречаем при отглагольных существительных ту же конструкцию, что и при соответствующих глаголах (ср. служу людям — служение людям, поклоняюсь идолам — поклонение идолам). Если второй случай, говорит Кудрявский, не признавать дополнением, то разрушается естественная связь родственных конструкций. Поэтому он предлагает сле-

дущее определение: "Д о п о л н е н и е е с т ь в с я -
к и й к о с в е н н ы й п а д е ж с у щ е с т в и -
т е л ь н о г о и м е н и с п р е д л о г о м и л и
б е з п р е д л о г а , к ч е м у о н н и о т н о с и л с я "

(48, II6). Естественно, что при таком подходе многие кон-
струкции, которые школьная грамматика рассматривает как
обстоятельства, включаются в дополнения, например, "живу
за рекой", "иду в город" и т.д.

Школьная грамматика различает пять видов обстоятельств:
места, времени, образа действия, причины и цели. В основу
их выделения опять-таки положено содержание, которое, по
мнению Кудрявского, приводит к смешению форм и стиранию
границ между дополнением и обстоятельством. Для доказатель-
ства он приводит такие выражения: "попал в канаву", "попал
в капкан", "попал в беду". В первом случае, согласно школь-
ной грамматике, мы имеем обстоятельство, во втором - обсто-
ятельство или дополнение, в третьем - дополнение. Разница
же между этими выражениями заключается только в семантике
слов "беда", "капкан" и "канавы", так как в грамматическом
отношении они совершенно однородны. "Понятно, что такой
грамматический разбор, - пишет Кудрявский, - не выясняет
вовсе грамматической стороны дела. Для того, чтобы уло-
вить грамматическую форму с ее значением, мы должны посту-
пить как раз наоборот: не обращать внимания на значение са-
мого слова, а выделить по возможности чистое значение грам-
матической формы" (48, II8). Поэтому все вышеприведенные
примеры он рассматривает как дополнения. А чтобы опреде-
лить сущность обстоятельства, Кудрявский стремится найти
в нем такие формальные признаки, которые отличают его от
других членов предложения. "Таким отличительным признаком
обстоятельства является грамматическая категория н а р е -
ч и я : о б с т о я т е л ь с т в о , с л е д о в а т е л ь н о , д о л ж -
н о в с е г д а и м е т ь ф о р м у н а р е -
ч и я " (48, II9).

Значит, Кудрявский насчитывает четыре основных части речи: существительное, прилагательное, глагол и наречие. Каждой из них соответствует какой-либо член предложения. Только некоторые элементы предложения (связи) не функционируют как самостоятельные слова, так как имеют лишь грамматическое значение. Поэтому, говорит он, их нужно рассматривать только как члены предложения. Но придерживаясь того принципа, что каждому члену предложения должна соответствовать какая-либо часть речи, Кудрявский включает связи и в состав частей речи, тем более, что форма и значение их одинаковы и в морфологии, и в синтаксисе. В итоге он дает следующую схему частей речи и членов предложения и их отношений друг к другу:

Подлежащее	Сказуемое	Определение	Дополнение	Обстоятельство	Связь
Именит. п. существительного имени	Глагол в личной форме. Именит. п. имени со связкой.	Прилагательное имя и причастие.	Косвенные падежи существ. им. без предлогов или с предлогами.	Наречие и деепричастие.	Связь.

В отличие от традиционной системы частей речи, здесь не хватает числительных и местоимений. В связи с этим Кудрявский писал: "Потебня прекрасно понимал, что установление особых частей речи "местоимения" и "числительного" происходит от смешения грамматической формы с ее лексическим значением. В самом деле, особенность числительного, вообще говоря, заключается только в том, что

данное существительное или прилагательное обозначает число. Поэтому к числительным относят напр. ц.-сл. сущ. "тьма", так как оно получает там тоже значение определенного числа. Понятно, почему числительное играет ту же роль, как и существительное, если числительное и есть существительное только с особым лексическим значением" (40, 407-408).

Следовательно, в основе учения Кудрявского о частях речи и членах предложения лежит понятие грамматической формы в потебнинском смысле ^I. Такая точка зрения отражала определенный период в развитии русской грамматической мысли, продолжавшийся до 30-х гг., тот период, характерной чертой которого было стремление объяснять грамматические явления из них самих.

В учении о предложении Кудрявский также следовал за Потембей. Он отрицал логические определения предложения, так как они универсальны, идентичны определению человеческого языка вообще и не отражают грамматической природы данного языкового явления. Психологическое направление, говорит Кудрявский, заменило логические определения психологическими. Например, по Г.Паулю, "предложение является выражением, символом того, что в психике говорящего произошло соединение нескольких представлений или групп представлений, а также средством возбуждения в психике слушателя такого же соединения тех же самых представлений" (62, 143). Положительная сторона подобных определений заключается в том, что они указывают на психологическую основу предложения. "Но о предложении они дают столь же неопределенное понятие,

---

I

Ср. его утверждение: "Между тем, грамматическая форма представляет из себя один из существеннейших признаков грамматических категорий, которые мы обобщаем под именем части предложения или части речи" (36, 408).

как и старые логические определения... Дело объясняется довольно просто: все приведенные определения почти совершенно забывают о том, что предложение есть *ф о р м а* выражения нашей мысли. Ясно, что и определение предложения должно быть формальным. В данном случае и психологическое направление впадо в такую же ошибку, как и старое логическое. Будем ли мы видеть в предложении логическое или психологическое *с о д е р ж а н и е*, все равно нам не удастся определить *ф о р м у*, характеризуя содержание. Ошибка произошла оттого, что хотели определить предложение вообще, предложение всякого человеческого языка. Различные языки имеют различные по форме предложения. Желая определить предложение вообще, исследователи естественно должны были устранить из этого определения формальные различия, а тогда оставалось только одно содержание, причем формальная сторона должна была быть сведена к одному только "словесному выражению" (48, 98-99). Кудрявский считает формальную сторону самой существенной и отсюда приходит к выводу, что нельзя определить предложение, не описывая его частей. Это приводит к тому, что он присоединяется к выводу Потебни и отказывается давать общее определение предложения. Но, в отличие от Потебни, Кудрявский находит в предложении только один существенный признак — то, что в него входят части речи. Он возражал против господствовавшего в языкознании учения о глагольности как основе предложения. "Мне кажется, — писал он, — что такие предложения без глагольного сказуемого имеют одинаковое право на существование, как и предложения безличные. Они особенно уместны в описаниях, где достаточно простых имен существительных и прилагательных и не чувствуется надобности в глагольной энергии. Этим определяется их сравнительно узкая сфера употребления. Но не признавать их предложениями, мне кажется, мы не имеем никакого права" (48, 113-114). В этом отношении Кудрявский был прямым предшественником Шахматова, полностью отказавшегося от глагольности как основного признака предложения (73, 179).

Основное противоречие во взглядах Потебни и Кудрявского на предложение было вскрыто уже Шахматовым. Указывая на то, что Кудрявский в работе "Психология и языкознание" пришел к заключению о невозможности общего определения предложения, Шахматов писал: "Я не могу согласиться с этим заключением. Если всеобщие определения могут быть, например, таковы член предложения, как подлежащее, сказуемое, то странно было бы, почему такое определение было бы невозможно для самого предложения" (74, 319-320).

Из сложных предложений мы остановимся главным образом на сложноподчиненных, так как сложносочиненные в трудах Кудрявского почти не затрагиваются. В учении о сложноподчиненном предложении до конца XIX века господствовала логико-семантическая точка зрения. Но к началу XX века традиционная система сложноподчиненных предложений, основанная на анализе придаточных, перестает удовлетворять исследователей. Языковеды, не отказываясь от изучения придаточных в отрыве от синтаксического целого, стремятся найти прежде всего грамматические особенности сложноподчиненных предложений. Одним из первых эту попытку сделал Овсяннико-Куликовский. Он прежде всего дал более точное определение сложного предложения, подчеркнув синтаксическую слитность его составных частей. "Соединение двух или более предложений, составляющих одно синтаксическое целое, образует сложное предложение" (60, 296). Кроме того, Овсяннико-Куликовский выделял также особенности сложноподчиненных предложений, как отсутствие раздельной паузы между его составными частями и различную степень подчиненности придаточных предложений. Но в целом он, исходя из учения Потебни, при анализе сложноподчиненных предложений в значительной мере опирается и на Буоллаева. Поэтому его концепция носит противоречивый характер.

Линию поисков грамматического подхода к сложным предложениям продолжил затем Кудрявский. По его мнению, "нигде логическая точка зрения не оказалась более вредной, чем в

области синтаксиса сложного предложения. Здесь царит классификация предложений по их значению вместе с полным извращением исторической перспективы" (48, 122).

Он ярко показывает это на примере теории слитных предложений. В школьной грамматике начала XX века слитными назывались предложения, имеющие несколько подлежащих при одном сказуемом или несколько сказуемых при одном подлежащем. Авторы этих грамматик, вслед за Гречем и Буслаевым, считали, что такие предложения образуются путем слияния нескольких простых предложений. Например, предложение "Лебеди, гуси и утки плавали по пруду" будто бы возникло из следующих предложений: "Лебеди плавали по пруду", "Гуси плавали по пруду", "Утки плавали по пруду". По мнению Кудрявского, "это предполагаемое слияние предложений ничем не может быть доказано, оно очень мало вероятно, а главное вовсе не объясняет ничего в строе этих предложений и скорее напоминает невинное логическое упражнение, нежели грамматический разбор. По крайней мере мы с одинаковым успехом можем доказать, что предложение "я съел два бутерброда с икрой и три пирожка с капустой" тоже состоит из двух предложений: "я съел два бутерброда с икрой" и "я съел три пирожка с капустой". Можно даже увлечься этим занятием и, сообразив, что сразу два бутерброда нельзя было съесть, разделить и их на два предложения по одному на каждое и то же проделать с тремя пирожками с капустой. Тогда мы получим слитное предложение из пяти простых" (48, 123). Поэтому Кудрявский приходит к выводу, что теория слитных предложений не нужна, так как она не имеет ни исторических, ни грамматических оснований.

Вслед за Потебней Кудрявский подверг резкой критике также теорию сокращенных придаточных предложений. Под этим термином обычно подразумевалось сокращение определительных и обстоятельственных придаточных предложений в причастные и деепричастные обороты. По мнению Кудрявского, в данном случае допускается ряд ошибок. Во-первых, поскольку для до-

полнительных придаточных предложений не оказалось формы сокращения, то стали говорить об их переходе в простые дополнения. Но рассматривая дополнение как сокращенное придаточное предложение, эта теория показала свою слабость, так как у дополнения нет никаких признаков придаточного предложения. Во-вторых, теория сокращенных придаточных предложений противоречит данным истории языка, так как формы причастий, из которых потом развились и деепричастия, возникли гораздо раньше, чем относительные местоимения. Поэтому исторически процесс шел скорее наоборот: что сначала выражалось при помощи причастий, с появлением относительных местоимений стало выражаться также придаточными предложениями. Следовательно, "мы имеем в языке две формы выражения приблизительно одних и тех же отношений: одну - более подробную, другую - более короткую; но ни о сокращении, ни о распространении здесь не может быть речи, так как обе формы развиваются самостоятельно и из различных источников" (48, 127). Это Кудрявский доказывает еще и тем соображением, что причастия и деепричастия далеко не всегда могут быть заменены придаточными предложениями. Например, "Играя словами, я могу доказать что угодно" нельзя заменить "Когда (если) я играю словами, я могу доказать что угодно". Или в предложении "Срубленное дерево лежало поперек дороги" "срубленное" не всегда можно заменить оборотом "которое было срублено".

Выделение в составе сложноподчиненного предложения главного и придаточного, по мнению Кудрявского, имеет гораздо больше оснований. "Ошибочно только было бы думать, что главное предложение должно содержать главную мысль, а придаточное - ее развитие... Главное предложение отличается от придаточного лишь более самостоятельной формой, между тем как придаточное почти всегда имеет такие формальные слова, которые указывают на его связь с главным предложением" (48, 123).

Анализируя классификацию придаточных предложений, Кудрявский считает их деление на придаточные подлежащие, ска-

зубные, определительные, дополнительные и обстоятельственные неудовлетворительным, так как оно основано на значении, на том, что каждый член предложения может быть выражен целым придаточным предложением. Он пишет: "Возьмем для примера крыловскую фразу: "Что волки жадны, всякий знает". Так как главное предложение требует, как говорят, дополнения на вопрос "что всякий знает?", то предложение "что волки жадны" признается дополнительным. Но, если мы изменим главное предложение и возьмем фразу: "Что волки жадны, всем известно", то предложение "что волки жадны" превратится в придаточное подлежащего, так как уже будет отвечать на вопрос именительного падежа "что всем известно?" Совершенно ясно, что таким образом предложение "что волки жадны" можно просклонять по всем падежам, причем оно будет обозначать различные косвенные дополнения: "я не согласен с тем, что волки жадны" и т.д. Можно превратить это предложение и в придаточное сказуемое: "Мысль Крылова — та, что волки жадны". Таким образом оказывается, что одно и то же предложение может быть, чем угодно, смотря по тому, рядом с чем оно стоит. Это значит определять елку как дерево, около которого лежат еловые шишки; понятно, что в таком случае елку можно называть и березу, под которой валяются еловые шишки. Ясно, что такая классификация ничего не говорит о самих придаточных предложениях и не принимает во внимание ни одного их признака" (48, 124).

Сам Кудрявский пришел к признанию необходимости встать на формальную точку зрения и основное внимание при изучении сложноподчиненных предложений сосредоточить на союзах и относительных местоимениях, которые соединяют придаточное предложение с главным. По этому пути позднее пошел Пешковский, заменивший классификацию придаточных предложений классификацией союзов и союзных слов.

Следовательно, "от традиций домарксистского языкознания в этой области синтаксиса нам на долю досталась, с одной стороны, логико-семантическая точка зрения на отношения между основными частями сложного предложения — так на-

звшаемыми главными и придаточными предложениями, а с другой стороны, перешла к нам формально и логически не вполне обоснованная лексико-семантическая классификация сложных предложений по словесным группам союзов и союзных слов (временным, причинным, целевым, определительным и т.п.) (26, 100).

В целом для грамматических взглядов Кудрявского характерно следующее:

а) Строгое проведение исторической точки зрения. "Ч а с т о значение формы, — писал он, — мы можем установить без исторических справок, но понять эти формы без исторической перспективы мы не можем н и к о г д а " (40, 412). Поэтому необходимо, по его мнению, во-первых, точно устанавливать ряд последовательных значений форм, а, во-вторых, не смешивать современный аспект с историческим. Котати, наиболее сильной стороной учения Потебни Кудрявский считал как раз последовательный историзм. Ср. "Потебня не дает определенной схемы частей предложения, как это делает Дельбрюк, и не дает сознательно, так как считает, что каждый язык и каждая эпоха имеет свою систему. В проведении этой исторической точки зрения Потебня стоит значительно выше Дельбрюка (36, 408).

б) Стремление объяснять языковые явления из них самих. Это требование было сформулировано Кудрявским следующим образом: "Чтобы объяснить какое бы то ни было явление, мы должны его исследовать, должны в нем самом искать указаний на причины, его вызывающие и обуславливающие" (48, 26). В конкретных исследованиях он всегда старался разграничить собственно языковую сторону от логической и психологической, а в самих фактах отделить грамматическое от лексико-семантического.

Грамматическая система Кудрявского отражает один из периодов в развитии русской грамматической мысли. Стройная систематизация материала, тонкий анализ грамматических явлений, умение подмечать самые незначительные противоречия в трудах своих предшественников и современников — все это сохраняет значимость трудов Кудрявского и в наши дни.

С п и с о к
ц и т и р о в а н н о й л и т е р а т у р ы

1. Архив К.Маркса и Ф.Энгельса, т. IX.
2. В.И. Ленин, О государстве. Полн. собр. соч., изд. У, т. 39.
3. Ф. Э н г е л ь с, Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. В кн.: К.Маркс, Ф.Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. 2, М., 1949.
4. А.И. Белов, А.М. Пешковский как лингвист и методист, М., 1958.
5. А.И. Белов, У истоков русской грамматики (XIV - XVIII вв.). Ученые записки Мичуринского пед. института, вып. 5, 1958.
6. С.И. Бернштейн, Основные вопросы синтаксиса в освещении А.А. Шахматова. "Известия ОРЯС", 1922, т. XXV.
7. С.И. Бернштейн, Основные понятия грамматики в освещении А.М. Пешковского. В кн.: А.М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6, М., 1938.
8. В.А. Богородицкий, Лекции по общему языковедению, Казань, 1911.
9. И.А. Бодуэн де Куртене, О задачах языкознания. Избранные труды по общему языкознанию, т. I, М., 1963.
10. И.А. Бодуэн де Куртене, Некоторые из общих положений, к которым довели Бодуэна его наблюдения и исследования явлений языка. Избранные труды по общему языкознанию, т. I, М., 1963.

11. И.А. Бодуэн де Куртене, Некоторые общие замечания о языковедении и языке. Избранные труды по общему языкознанию, т. I, М., 1963.
12. И.А. Бодуэн де Куртене, Язык и языки. Избранные труды по общему языкознанию, т. II, М., 1963.
13. И.А. Бодуэн де Куртене, Значение языка как предмета изучения. Избранные труды по общему языкознанию, т. II, М., 1963.
14. И.А. Бодуэн де Куртене, Очерк истории польского языка. Избранные труды по общему языкознанию, т. II, М., 1963.
15. И.А. Бодуэн де Куртене, Лингвистические заметки и афоризмы. ЯМНП, 1903, № 5.
16. Р.А. Будагов, Введение в науку о языке, М., 1958.
17. Е. Будде, А.М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении /рец./. ЯМНП, 1914, № 12.
18. Ф.И. Буслеев, О преподавании отечественного языка, Л., 1941.
19. Ф.И. Буслеев, Историческая грамматика русского языка, М., 1959.
20. В.В. Виноградов, Современный русский язык, вып. I, М., 1938.
21. В.В. Виноградов, Из истории изучения русского синтаксиса /от Ломоносова до Потебни и Фортунатова/, изд. МГУ, 1958.
22. В.В. Виноградов, И.А. Бодуэн де Куртене. В кн.: И.А. Бодуэн де Куртене, Избранные труды по общему языкознанию, т. I, М., 1963.

23. Е.М. Галкина-Федорук, Слово и понятие, М., 1956.
24. А.Н. Гвоздев, Современный русский литературный язык, ч. I, М., 1958.
25. В.Э. Грабарь, Четверть века в Тартуском /Дерптском-Юрьевском/ университете. Ученые записки ТГУ, вып. 35, 1954.
26. Грамматика русского языка, изд. АН СССР, т. 2, ч. I, М., 1954.
27. А. Дмитриевский, Практические заметки о русском синтаксисе. "Филологические записки", 1877, вып. IV.
28. В. Дорошевский, Об И.А. Бодуэне де Куртене. В кн.: И.А. Бодуэн де Куртене, Избранные труды по общему языкознанию, т. I, М., 1963.
29. О. Есбергсен, Lehrbuch der Phonetik, Leipzig und Berlin, 1904.
30. Л. Кржиwickий, Антропология, СПб., 1896.
31. Д.Н. Кудрявский, Как жили люди в старину, изд. 3, Юрьев, 1906.
32. Д.Н. Кудрявский, Грхья-сутры, как источник для истории индоевропейской бытовой культуры. "Живая старина", 1896, вып. 2.
33. Д.Н. Кудрявский, Ю. Белох, История Греции /рец./. "Новое слово", 1897, май.
34. Д.Н. Кудрявский, Л. Кржиwickий, Антропология /рец./. "Новое слово", 1897, апрель.
35. Д.Н. Кудрявский, Ю. Липперт, История семьи /рец./. "Мир божий", 1898, № 7.

36. Д.Н. К у д р я в с к и й , Части речи и части предложения. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, п/т. 75.
37. Д.Н. К у д р я в с к и й , Сравнительное языкознание, доисторическая культура и этнография. "Начало", 1899, № 4.
38. Д.Н. К у д р я в с к и й , Четыре стадии в жизни древнего индуса. Ученые записки И.Юрьевского университета, 1900, № 4.
39. Д.Н. К у д р я в с к и й , Л.Уорд, Очерки социологии /рец./. "Мир божий", 1901, № 9.
40. Д.Н. К у д р я в с к и й , Д.Н.Овсяннико-Куликовский, Синтаксис русского языка /рец./. "Известия ОРЯС", т.VII, кн. 4, 1902.
41. Д.Н. К у д р я в с к и й , Э.Ренан, Происхождение языка /рец./. "Мир божий", 1903, № 3.
42. Д.Н. К у д р я в с к и й , A.Meillet, Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes /рец./. "Известия ОРЯС", т.VIII, кн. 3, 1903.
43. Д.Н. К у д р я в с к и й , Исследования в области древнеиндийских домашних обрядов, Юрьев, 1904.
44. Д.Н. К у д р я в с к и й , Прикладное значение языкознания. "Русская школа", 1904, № 2.
45. Д.Н. К у д р я в с к и й , Психология и языкознание, Юрьев, 1905.
46. Д.Н. К у д р я в с к и й , К статистике глагольных форм в Лаврентьевской летописи. "Известия ОРЯС", т.XIV, кн. 2, 1909.
47. Д.Н. К у д р я в с к и й , Введение в языкознание, 1910.

48. Д.Н. Кудрявский, Введение в языкознание,
изд. I, Юрьев, 1912.
49. Д.Н. Кудрявский, О происхождении языка.
"Русская мысль", 1912, № 7.
50. Д.Н. Кудрявский, Древнерусские причастия
настоящего времени действительного залога
на -а. РФВ, 1912, № 4.
51. Д.Н. Кудрявский, К истории русских деепри-
частий, Юрьев, 1916.
52. Д.Н. Кудрявский, Отзыв о сочинениях А.М. Пеш-
ковского. Ученые записки Тартуского гос.
университета, вып. 78, Труды по русской и
славянской филологии, II, 1959.
53. Д.Н. Кудрявский, Грамматика древнегреческо-
го языка, Тарту, 1964.
54. Леонид Борисович Красин /"Никитич"/. Сборник воспомина-
ний, статей и документов, М.-Л., 1928.
55. Я.В. Лоя, Жизнь и деятельность Д.Н. Кудрявского.
Ученые записки Лиепайского пед. института,
вып. I, 1958.
56. М.И. Матусевич, Введение в общую фонетику,
изд. 2, Л., 1948.
57. А. Мейе, Введение в сравнительную грамматику ин-
доевропейских языков, Юрьев, 1914.
58. М. Мюллер, Наука о языке, Воронеж, 1866.
59. С.Д. Никитин, Глагол, его категории и фор-
мы в русской письменности второй половины
XVI века, М., 1952.
60. Д.Н. Овсяннико - Куликовский, Син-
таксис русского языка, СПб., 1902.

61. Г. Остгоф и К. Бругман, Предисловие к книге "Морфологические исследования в области индоевропейских языков". В кн.: В.А. Звегинцев, История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях, ч. I, М., 1964.
62. Г. Пауль, Принципы истории языка, М., 1960.
63. А.М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. I, М., 1914.
64. А.М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6, М., 1938.
65. А.М. Пешковский, Сборник статей. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика, Л.-М., 1925.
66. Ю.З. Полевой, Зарождение марксизма в России, изд. АН СССР, М., 1959.
67. В. Поржезинский, Введение в языковедение, М., 1907.
68. А.А. Потебня, Мысль и язык, изд. 2, Харьков, 1892.
69. А.А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I-II, М., 1958.
70. С.Л. Рубинштейн, Основы общей психологии, М., 1940.
- 70а. А.Г. Спиркин, Происхождение языка и его роль в формировании мышления. Сб. "Мышление и язык", М., 1957.
71. В.П. Сухотин, Проблема словосочетания в современном русском языке. Сб. "Вопросы синтаксиса современного русского языка", под ред. акад. В.В. Виноградова, М., 1950.

72. Труды I-го съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях, СПб., 1904.
73. А.А. Шахматов, Синтаксис русского языка, изд. 2, Л., 1941.
74. А.А. Шахматов, Сборник статей и материалов, М.-Л., 1947.
75. Ф. Шпехт, Индоевропейское языкознание от младограмматиков до первой мировой войны. Сб. "Общее и индоевропейское языкознание", М., 1956.
76. Ф.Ф. Фортунатов, Сравнительное языковедение. Избранные труды, т. I, М., 1956.
77. Ф.Ф. Фортунатов, О преподавании грамматики русского языка в средней школе. Избранные труды, т. 2, М., 1957.
78. Л.В. Шерба, Ф.Ф. Фортунатов в истории науки о языке. "Вопросы языкознания", 1963, № 5.
79. Л. Эрингсон, Тартуский университет в 1905 году. Ученые записки ТГУ, вып. 56, 1957.
80. Э. Янисен, О революционном движении среди тартуских студентов в конце XIX и начале XX веков. Ученые записки ТГУ, вып. 35, 1954.

Б. М. Гаспаров

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
И ПРОБЛЕМА СТРУКТУРНОГО ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА**

История некоторой науки есть часть самой этой науки. Это положение само по себе настолько очевидно, что не нуждается в каких-либо специальных обоснованиях. Однако историк науки должен отдавать себе отчет в том, что, принимая данное положение, он тем самым накладывает на себя некоторые обязательства, с необходимостью вытекающие из этого. В частности, из нашего исходного тезиса следует, что история науки, написанная в определенную эпоху, должна отвечать тем же требованиям методологического характера, которые наука этой эпохи предъявляет к другим своим разделам. С этой точки зрения история науки всегда современна — не в смысле поверхностной и наивной модернизации исторических фактов (под предлогом показа их "связи с современностью"), а потому, что в своем подходе к этим фактам, характере интерпретации исторического процесса она отражает сегодняшний день науки, методы исследования, которыми данная наука овладела.

Если мы попытаемся теперь, исходя из данного общего рассуждения, сформулировать задачу, стоящую перед современным лингвистом, изучающим историю своей науки, то перед нами прежде всего должен встать вопрос: каковы те кардинальные принципы, которые определяют облик современного языкознания, принципы, без соблюдения которых сегодня фактически невозможно говорить о лингвистическом исследовании и которые, следовательно, с необходимостью должны лежать и в основе историко-лингвистической концепции?

Таким фундаментальным принципом, объединяющим самые различные направления современной лингвистики, нам представляется структурный подход, под которым мы понимаем, во-первых, стремление описывать факты не изолированно, отдельно один от другого, а в целостной системе, во взаимных связях и противопоставлениях, и во-вторых, стремление показать данную систему прежде всего имманентно, с точки зрения ее внутреннего устройства, так что даже обращение к факторам, лежащим вне системы, осуществляется уже как бы на фоне ее имманентного описания¹.

Поэтому, обращаясь к материалу нашего исследования (лингвистической концепции Ф.Ф.Фортунатова и его школы)², мы видим свою задачу прежде всего в том, чтобы показать исследуемую концепцию как целостную теорию, показать необходимую взаимосвязь всех ее элементов (отдельных положений) и, с другой стороны, определить место этой теории в контексте развития науки о языке, включить ее в противопоставления и связи с другими лингвистическими концепциями. Данные две части задачи оказываются тесно связаны между собой: дейст-

---

¹ Эти основные черты современной науки очень хорошо сформулировал Кнуд Тогебо: "Интеллектуальная жизнь в XX столетии может быть охарактеризована прежде всего двумя принципами: стремлением к структуре и общности и к независимости и имманентности. Современный структурализм апеллирует к средним векам, но противостоит индивидуализму и интересу к изолированным деятелям, который доминировал со времен Ренессанса. Имманентная точка зрения характеризует собственно XX век, в противоположность религиозному единению наук в средние века" (31,7). (Здесь и далее в скобках будут указываться номер цитируемого источника по прилагаемому в конце списка и страница).

2

В круг нашего рассмотрения, помимо трудов самого Ф.Ф.Фортунатова, будут входить исследования тех его учеников, которые исследовали язык вполне в духе идей своего учителя, отправляясь от основных положений его теории, — прежде всего В.К. Поржезинского, М.Н.Петерсона и Д.Н.Ушакова.

вительно, только определив место исследуемой теории в ряду других концепций, выяснив (через противопоставления с последними) ее общую направленность, мы получим возможность соответствующим образом интерпретировать отдельные положения этой теории.

Общезвестно значение, которое имела для современного языкознания формальная теория Ф.Ф.Фортунатова и его учеников. Фортунатова по праву относят к числу лингвистов, явившихся непосредственными предшественниками современного языкознания и своими трудами подготовивших переворот, который произошел в науке о языке в начале XX столетия. В частности, понятие формы у Фортунатова нередко сопоставлялось с современным структуральным подходом и, в этой связи, с основополагающими в данном плане идеями де Соссюра. Об этом еще в тридцатые годы хорошо сказал М.Н.Петерсон: "Очень важным в наследии Фортунатова я считаю его учение о форме. В этом учении, как и в учении об ударении, Фортунатов во многом совпал с де Соссюром, но и здесь оба пришли к сходным результатам различными путями" (14,81). Известно также, что понятие формы у Фортунатова было чрезмерно узким, "морфологизованным", что предопределило ограниченность его теории, особенно в синтаксической ее части. В этом плане учение Фортунатова не раз противопоставлялось "синтаксичной" по своему существу (отправлявшейся от высказывания, от связной речи) психологической теории¹, причем обращалось внимание на то, что в своих синтаксических построениях и Фортунатов, и его ученики были вынуждены отдать в большей или меньшей степени дань психологизму именно в силу недостаточности чисто формальных определений (ср. 7, 102).

---

¹ Блестящее сопоставление этих двух синтаксических концепций находим у С.И.Бернштейна (3). Из более поздних работ отметим (12, раздел 1,3). Ср. также (9, 57-61).

Однако, признавая важность данных сопоставлений, мы считаем их все же недостаточными. Прежде всего, установление сходства или различий теории Фортунатова с некоторыми другими, отдельно взятыми теориями еще не позволяет уяснить в полной мере место исследуемой концепции в общем процессе развития науки о языке: последнее возможно лишь при условии ее рассмотрения в контексте общих процессов, характеризующих историю языкознания в целом. Но главное — в данном случае мы имеем обычно дело с разбором отдельных сторон теории, рассматриваемых более или менее автономно одна от другой. Свидетельством этого служит тот факт, что авторы ряда работ о Фортунатове находят возможным, поддерживая одни положения его учения, выступать в то же время с критикой других. Так, М.Н. Петерсон, очень последовательно в целом разделяя концепцию Фортунатова, считает в то же время неудачным его определение языковой формы (I4, 81). Напротив, Ф.М. Березин, принимая в целом фортунатовское учение о слове и форме в языке, называет его грамматическую классификацию слов "противоречащей реальным фактам языка" (2, 96; ср. также стр. 94 и след.). Не говоря уже о том, что остается неясным, откуда автору известно, в рамки какой именно классификации должны укладываться эти "реальные факты", здесь явно не учитывается то обстоятельство, что определение формальных классов слов у Фортунатова не автономно, а с необходимостью вытекает из самого духа его теории так же, как и все другие его определения. При этом надо заметить, что вообще в ряду направлений, стоявших на рубеже двух эпох в истории лингвистики, в период, когда складывалось противопоставление старого и нового подхода (история языка и синхрония, психологизм и имманентность, установка на говорящего — установка на структуру, индуктивное исследование — методы моделирования), учение Фортунатова представляется нам одним из самых цельных и внутренне непротиворечивых (хотя и отражающим переходный характер той эпохи, в которую оно создавалось). Перед нами не отдельные идеи,

перекликающиеся с современным состоянием науки о языке, а именно единая теория, несущая в себе переходные черты от старого, неструктурного подхода к языку к новым методам исследования.

Все сказанное убеждает в том, что сформулированные выше задачи исторического исследования не решены еще полностью применительно к интересующему нас вопросу и, следовательно, могут быть названы в качестве конечной цели настоящей работы. Итак, попытаемся уяснить себе: 1) каковы общие идеи, лежащие в основе формальной теории (понимая под этим не декларации самого автора теории, которые могут и расходиться с его собственной исследовательской практикой, а такие фундаментальные принципы, из которых могли бы быть выведены все основные положения его теории); 2) какое место и значение данных идей в истории лингвистики, с точки зрения основных тенденций этой науки; 3) как реализуются эти общие идеи в более частных положениях и конкретных исследованиях Фортунатова и его учеников.

Рассмотрим, прежде всего, центральный тезис фортунатовской концепции — понятие языковой формы. Известно, что данному понятию и Фортунатов, и его последователи придавали исключительно большое значение. Языковая форма рассматривается не как внешняя оболочка мысли, существующей как бы сама по себе, независимо и до языкового оформления. Напротив, всячески подчеркивается, что языковые формы являются формами самого существования мысли для говорящего. Фортунатов решительно возражает против поверхностной трактовки языка только лишь как средства выражения: "Тот, кто не привык думать об отношении языка к мысли, замечает главным образом лишь внешнее проявление, обнаружение связи, существующей между мышлением и языком: язык представляется средством для выражения наших мыслей... Однако стоит лишь повнимательнее присмотреться к процессу нашего мышления, чтобы убедиться в том, что слова не составляют лишь какой-то внешней оболочки по отношению к явлениям мысли и что односторонним и потому неправильным является взгляд на язык

только как на средство для выражения мысли... Имея представления слов, мы получаем возможность думать и о том, что непосредственно вовсе не могло бы быть представлено в нашем мышлении, и думать так, как не могли бы мы думать без представлений знаков для мышления, по отношению именно к обобщению и отвлечению предметов мысли" (24, 434-436).

Такой подход имел очень важное для построения теории в целом следствие. Прежде всего, поскольку языковая форма признавалась чем-то имеющим самостоятельное значение и ценность, а не механическим слепком с некоей "формы мышления", то тем самым оказывался открыт путь к изучению языковой формы как таковой, имманентно - "в себе и для себя", как будет сказано некоторое время спустя в "Курсе общей лингвистики". Вследствие этого изучение языка освобождается от апелляции к экстралингвистическим категориям - логическим или психологическим. Язык, в качестве предмета изучения лингвиста, рассматривается не как средство выражения мысли (как это мы наблюдаем в логической грамматике), не как продукт мыслительной деятельности (как его рассматривает психологическое языкознание), а с точки зрения его собственно, внутренне присущего ему устройства, которое признается отличным от логических или психологических структур. Теория языка перестает смешивать "грамматические классы отдельных слов, или сочетаний слов с классами того, что обозначается или выражается отдельными словами или сочетаниями слов" (24, 446).

Итак, большое значение имело утверждение имманентного формального анализа как основного лингвистического метода. Этим учение Фортунатова противопоставляется всему предшествующему языкознанию. Как известно, общая теория языка, начиная от античности и вплоть до конца XIX века, в европейской науке строилась на экстралингвистической основе. Вплоть до середины XIX века обычной при лингвистическом описании была апелляция к логике, в дальнейшем - к психологии. Фортунатов

был, пожалуй, первым лингвистом, который последовательно стал на точку зрения собственно языка, его внутреннего устройства, то есть занял по этому вопросу позицию, лежащую в основе современного языкознания.

Надо, впрочем, сказать, что в трудах самого Фортунатова мы еще встречаем и традиционную для его времени психологическую терминологию, и иногда даже апелляцию к последней там, где следовало бы ожидать чисто лингвистических определений. Именно так определяется важное понятие законченности (и, как следствие этого, полноты) высказываний в речи: критерием ее оказывается выраженность членов психологического суждения. В результате это приводит к традиционному признанию "неполными" некоторых типов односоставных предложений: "Неполное предложение в полной речи является ... выражением такого психологического суждения, в котором только одна из двух составных его частей заключает в себе представление слова или представления слов, между тем как другая часть не имеет словесного представления и состоит из непосредственного представления предмета мысли или его части. Например, слово "пожар", и притом не только в восклицании, под влиянием испытываемых мною чувствований, но и в речи спокойной, может употребляться как предложение, именно как неполное предложение; в психологическом суждении, выражающемся в этом предложении в речи, психологическим подлежащим являются, например, представления того пламени, дыма, которые я только что видел, а в психологическое сказуемое, во вторую часть той же мысли, входит представление слова "пожар" (24, 450-451).

Приведенное здесь рассуждение является вполне традиционным (с точки зрения современных Фортунатову представлений). В частности, оно вполне совпадает с соответствующими высказываниями А.А.Потебни (использующего, кстати, тот же самый пример) (19, 85-86), взглядам которого в целом позиция Фортунатова, как уже говорилось выше, была четко противопоставлена. Однако вообще высказывания подобного рода для

Фортунатова явно не характерны. Примечательно, что этот единичный случай психологической интерпретации языковых фактов мы встречаем в синтаксических определениях, так как именно синтаксис — и не случайно — оказался наиболее уязвимым местом в теории Фортунатова. Но даже здесь апелляция к психологическому суждению сопровождается четким противопоставлением структуры и членов последнего членения предложения, которое определяется чисто формально. Еще более последовательно данная мысль выражена в некоторых более поздних работах формальной школы. Так, Д.Н. Ушаков подчеркивает, что "всякая часть предложения может соответствовать и психологическому подлежащему и оказуемому" (22, 76). Рассматривая пример Два окна выходят на улицу, Ушаков замечает, что логическим подлежащим (предметом суждения) здесь является понятие окна, психологическим подлежащим оборот два окна (выражающий господствующее представление), а грамматическим подлежащим — слово два (господствующая форма) ¹.

Не менее решительно проводит Ушаков данное разграничение и в учении о слове. Здесь он строго разграничивает классификацию слов по значению (принадлежащую неформальной, языковой) и по форме (собственно языковую). Первую он строит в таких категориях, как "признак — предмет", "изменяющийся — не изменяющийся во времени" и т.д. Вторая производится на основании форм словозменения и в основном совпадает с классификацией, предложенной в свое время самим Фортунатовым (см. 22, 71-73).

---

¹ (22, 80). Последнее, вообще говоря, представляется сомнительным, так как количественный оборот два окна является нераздельным и в формальном смысле (слово окна несвертываемо в составе этого оборота и, следовательно, не может рассматриваться как синтаксически зависимое от два). Но здесь важно в принципе стремление автора последовательно разграничить формальный, логический и психологический критерии.

Нет сомнения, что обращение к структурному описанию языка было очень значительным шагом вперед. Этот шаг, конечно, был подготовлен всем предшествующим развитием европейского языкознания. К концу XIX века наука о языке была уже вполне готова к тому, чтобы воспринять идею имманентно-структурного подхода к объекту своего исследования. Выдающуюся роль в этом отношении сыграло сравнительно-историческое языкознание. Сравнительный метод предполагал фактически строго формальный подход к языку, поскольку объектом сравнения оказывались именно материально выраженные элементы языка, между которыми и устанавливались закономерные соответствия. Этим он резко противопоставлялся старой "философии языка", с характерным для последней отвлечением от конкретных языковых фактов. Показательна в этом отношении метаморфоза, которая произошла в XIX веке с этимологией: она превратилась фактически в совершенно новую науку, фундаментом которой стало не произвольное сопоставление смыслов, а закономерные соответствия материальных оболочек слов.

Итак, с самого начала сравнительно-исторический метод был методом формальным и в этом смысле явился питательной средой, в которой выросли идеи формальной школы. Однако сказанное относится только к конкретным сравнительно-историческим исследованиям. Общая же теория языка в это время продолжала апеллировать к внешним критериям. Если сама история языка представляла в виде системы чисто формальных соответствий ("законов"), то все попытки ее каузальной интерпретации носили экстралингвистический характер: сначала они совершались под знаком традиционной теории "разрушения языков" (или двух периодов в истории языка), а затем — у младограмматиков — оказались связаны с психологией.

Надо сказать, что синтез сравнительно-исторического метода и идей психологического направления, завершившийся в теоретических трудах младограмматиков, был отнюдь не случаен. Оба этих самых влиятельных в науке прошлого века течения объединяло многое, и прежде всего — полемический ха-

рактен по отношению к логической грамматике, с ее универсализмом и пренебрежением структурной стороной, и установка на исследование частного, отдельного, особенного. Вот почему для психологического направления в его борьбе с логическим универсализмом оказалась чрезвычайно полезной идея подвижности, исторической изменчивости языка (вспомним, что А.А.Потебня обращается к факту изменчивости синтаксических структур как к одному из главных аргументов против логического синтаксиса - (18, 82-83)). В свою очередь сравнительно-историческое языкознание, с его установкой на окрупленное изучение конкретных фактов во всем их многообразии (в противовес старой философии языка), нашло поддержку в призыве психологистов изучать живую речь в ее неповторимых индивидуальных особенностях - отсюда призыв младограмматиков изучать "говорящего человека" ¹

Вот почему языкознание этого периода, формальное по существу, опиралось на психологическую общую теорию. Подобно тому как факты исторической изменчивости языков были известны и даже отчасти описаны задолго до того, как историзм был осознан в качестве общего принципа исследования, - понадобилось немало времени, прежде чем был сделан шаг от фактического обращения к языковой форме к осознанию последней как единственного критерия собственно лингвистического описания. Этот шаг и был сделан Фортунатовым ².

---

¹ Именно в этом, как нам кажется, заключается причина не раз отмечавшегося противоречия между данной декларацией младограмматиков и их реальной исследовательской практикой, направленной на решение чисто исторических задач. Корни данного противоречия лежат в необязательном, чисто внешнем характере "союза" сравнительного метода и психологической теории, союза, в котором первый, однако, нуждался, так как не пришел еще к идее имманентного, чисто формального теоретического обоснования.

²

В качестве далеких (по времени) предшественников Фортунатова в этом направлении в европейском языкознании могут быть названы грамматики Александрийской школы, и прежде всего Аполлоний Дискол, в "Синтаксисе" которого мы находим ряд чисто формальных определений, иногда поразительно совпадающих с соответствующими определениями Московской шко-

Таковы, по нашему мнению, смысл и значение требования не смешивать явления, относящиеся к языковой форме, с тем, что выражается при помощи языка. Следствием этого требования явилось впервые произведенное выделение собственно лингвистического аспекта исследования в том многоликом и многообразном явлении, которое мы теперь называем речевой деятельностью. Именно в этом понятие формы у Фортунатова близко подходит к де Соссюру и его концепции *langue* (ср. 20, первый раздел). Характеризуя деятельность Фортунатова, А.А. Шахматов писал в свое время: "В трудах Фортунатова нас поражает глубокий, проникновенный анализ: изучаемым им явлениям давалось столь яркое освещение, что оно своею силой озаряло и все смежные области, вызывая стройные научные представления о целых группах соседних явлений. В этом удивительном умении отвлечься и сосредоточить все внимание на исследуемом явлении выступала ... сила научного мышления Фортунатова" (28, 968) ^I. Здесь оказалась очень метко охарактеризована основная черта лингвистической деятельности Фортунатова, сумевшего в речевой деятельности выделить предмет (в современном значении этого термина - (29, 84) лингвистического исследования.

Другим важным следствием обращения к понятию формы явился чисто синхронный характер подхода к языку. Действительно, поскольку предметом исследования является механизм устройства языка, то оказывается необходимым фиксирование языка как некоторого неподвижного состояния, применительно к которому и дается описание структуры. В своем докладе "О преподавании грамматики русского языка в средней школе", где вместе с критикой "школьной грамматики" фактически дается глубокий критический анализ современного ему теоретиче-

---

лы (о соотношении этих двух концепций мы будем подробнее говорить ниже). Однако история языкознания сложилась так, что наука нового времени восприняла из античной традиции главным образом логическую концепцию языка. См. об этом (10, 57 и сл.).

I

Подчеркнуто нами. - Б.Г.

ского языкознания, Фортунатов в качестве одного из основных недостатков последнего называет "смешение фактов, существующих в данное время в языке, с теми, которые существовали в нем прежде" (24, 443). Аналогичную мысль неоднократно высказывал В.К. Поржезинский: "Я должен категорически подчеркнуть принципиальное требование не смешивать при анализе формального состава слов различных эпох в существовании самого языка" (17, 140). Излишне говорить, насколько и это положение Фортунатова, отталкиваясь от господствовавших в то время взглядов, имело значение для науки о языке.

Правда, и здесь (как и в своем положении об автономности языковой структуры) Фортунатов не всегда последователен. Мы можем встретить на страницах его работ высказывания, повторяющие общепринятые в то время положения. Так, свои лекции по языковедению Фортунатов начинает словами о том, что "предметом, изучаемым в языковедении, является .... человеческий язык в его истории" (26, 23), почти буквально совпадающая здесь со сходной мыслью книги Г.Пауля¹. Но и здесь эти единичные высказывания, отдающие дань традиционным представлениям, противоречат как духу теории в целом, так и всем ее конкретным приложениям. В самом деле, не только все понятия, вводимые Фортунатовым и его учениками (такие, например, как слово, формы словоизменения и словообразования, грамматические разряды слов, словосочетание и т.д.), определяются чисто синхронно, но и грамматические исследования Фортунатова (например, его анализ залогов русского языка) являют собой пример чисто синхронного подхода.

Итак, подведем некоторые итоги. Мы видим, что обращение к языковой форме как предмету исследования противопоставляет концепцию Фортунатова основным течениям, господствовавшим до этого в общей лингвистической теории, для которых характерна апелляция к экстралингвистическим (логическим и психологическим) категориям. В этом плане формальная теория

---

¹ "Как и всякий продукт человеческой культуры, язык - предмет исторического рассмотрения" (13, 25).

вместе с современной структурной теорией противостоит всему предшествовавшему ей языкознанию. В рамках этого общего противопоставления намечаются, однако, и некоторые другие оппозиции, имеющие более специфический характер. Особого рассмотрения заслуживает, в частности, отношение концепции Фортунатова к лингвистической теории XIX столетия (в противопоставлении последней универсальной грамматике). Фортунатова сближает с современной ему наукой внимание к фактам, конкретность и подробность анализа — качества, которые неоднократно отмечались при разборе его научной деятельности (ср. 14; 28). Но, с другой стороны, обращение к внутреннему устройству языка придавало его концепции ярко выраженный рационалистический характер, поскольку язык с самого начала выступал как конструкт, результат отвлечения от различных "гуманитарных" аспектов (и прежде всего психологизма). Система Фортунатова по своему существу антипсихологична — прежде всего в силу своего принципиально статического характера. Последний проявляется не только в строго синхронном подходе (что само по себе возможно и в рамках психологической теории), но главным образом в ориентации на постоянный, закрепившийся, устойчивый характер, каковым является материальная форма, в противовес обращению к индивидуальному, неповторимо включенному в контекст сообщения, что так характерно для психологического языкознания, воспринявшего у Гумбольдта динамический подход к языку как к *Événement*. Интересно отметить, что если в XIX столетии исторический подход к языку использовался как фундамент динамической концепции, как свидетельство постоянной изменчивости языковых явлений, то с начала нашего столетия намечается тенденция саму историю языка трактовать сугубо статически. В этой связи обращает на себя внимание распространяющийся в данную эпоху скептицизм по отношению к понятиям праязыка, реконструкции, звукового закона, то есть ко всем понятиям, связанным с рассмотрением собственно исторического процесса, и стремление трактовать результаты сравнительных исследований в чисто синхронном плане — как систему соответствий меж-

ду родственными языками (ср., например, (II, 73-81). Это также, безусловно, свидетельствует о складывающейся новой направленности лингвистической науки — направленности, которая до Соссюра наиболее яркое выражение получила в формальной теории. Этими своими сторонами, проявившимися в рассмотренной здесь оппозиции, формальная теория обнаруживает связь с античной традицией, с ее установкой на неподвижную, универсальную структуру (хотя и осуществляемую в категориях не собственно лингвистических, а логических). Данная связь особенно ярко проявилась в совпадении ряда положений формальной грамматики с идеями, по-видимому, в наибольшей степени формализованного лингвистического сочинения античности — "Синтаксиса" Аполлония Дискола.

Следовательно, теория Фортунатова может рассматриваться как один из наиболее ранних по времени примеров отталкивания от "романтизма" психологической теории языка^I и установления связи с рациональной грамматикой. Вспомним аналогичное — но уже эксплицированное — обращение де Соссюра к идеям универсальной грамматики, третировавшейся лингвистами XIX в. как "донаучная"; и здесь мы можем констатировать, что имплицитно формальная теория содержит в себе подход к языку, легший в основу учения Соссюра.

Мы рассмотрели те связи и противопоставления, которые существуют между концепцией Московской школы и различными предшествовавшими и современными ей направлениями лингвистической мысли. Мы видели, что в этих связях и противопоставлениях система Фортунатова обнаруживает большое сходство со взглядами де Соссюра (отвлекаясь здесь от того, что последние в гораздо большей степени эксплицированы в общих положениях теории и свободны от традиционной терминологии) и через посредство последних — с современным струк-

---

I

Глубокую и оригинальную трактовку статического и динамического подхода к языку как проявления классицизма и романтизма (в широком смысле этих понятий) содержит(8).

турным подходом к языку ^I. Но было бы совершенно неверно на этом основании отождествлять концепции Фортунатова и де Соссюра, видеть в первой только более ранний по времени и поэтому менее ясно сформулированный вариант второй. Напротив, для окончательного определения общего характера формальной теории необходимо включение ее еще в одну оппозицию — со структурной концепцией языка (то есть с последующим развитием науки о языке).

Каковы же признаки, конституирующие данную оппозицию? По нашему мнению, основанием этого противопоставления является понятие системы. Данное понятие, являющееся одним из основных в постсоссюровском языкознании, в учении Фортунатова еще не находит достаточно ясного выражения.

Последнее положение, правда, нуждается в существенной оговорке. Известно, что в этом отношении Фортунатов в своих конкретных исследованиях, в интерпретации отдельных фактов пошел гораздо дальше, чем в определениях общетеоретического характера. Данное обстоятельство хорошо подметил М.Н. Петерсон, писавший по этому поводу следующее: "Фортунатов, как это для него обычно, шел от исследования конкретных фактов языка. Каждый год он давал определение формы слова, и каждый раз вносил в него изменения. Эти определения его самого явно не удовлетворяли. Было бы неправильно, излагая учение Фортунатова о форме, отправляться от этих определений. Правильнее исходить из его исследований отдельных грамматических категорий".

И далее: "Первое, что необходимо для установления формы, это — соотношения... На основании... соотношений в слове

I

Мы отдаем себе отчет в том, что современный структурный подход далеко не равнозначен теории де Соссюра, и, в частности, нередко складывался в связи с критикой этой теории. Здесь нас интересуют, однако, лишь самые общие идеи, лежащие в основе данного подхода (конструирование предмета лингвистического исследования, последовательное отграничение экстралингвистического и внутрилингвистического, понятие системы), — идеи, которым современное языкознание несомненно обязано де Соссюру.

выделяется основа и формальная принадлежность. Формальная принадлежность может быть не только положительной, но и отрицательной. Так, формальная принадлежность невозвратного (переходного) залога - отрицательная - отсутствие -ся.

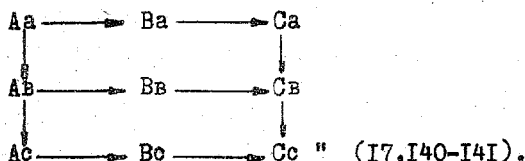
Где нет соотношений, там нет формы" (14, 81) ^I.

Действительно, исследование Фортунатовым категории залога в русском языке является блестящим образцом системного анализа. В этом исследовании прямо указывается, в частности, что форма невозвратного глагола "определяется исключительно соотношением с другой формой (на -ся)" (23, 84). Вообще понятие "нулевой формы", использованное, как видим, в этой работе, могло возникнуть только при системном анализе. Можно привести и другие примеры, не менее убедительно освещающие эту черту аналитического метода Фортунатова. Так, он высказывает критическое отношение к теории происхождения формы именительного-винительного падежа среднего рода на -ш из аналогичной формы винительного падежа мужского рода -ш прежде всего потому, что не мыслит существование обеих этих форм в их современных функциях вне соотношения их друг с другом. "Более понятным представляется думать, - добавляет Фортунатов, - что именительная-винительная форма средн. р. на -ш и винительный муж. р. на -ш восходят к той форме на -ш, которая еще не имела падежного значения" (25, 117).

Столь же ярко данная черта проявилась и в трудах учеников Фортунатова. Например, В.К.Поржезинский подчеркивает, что выделение формальной принадлежности слов совершается путем их соотнесения друг с другом... "Если мы основные принадлежности обозначим буквами А, В, С и т.д., а формальные принадлежности обозначим буквами а, в, с и т.д., то получим следующее схематическое изображение процесса, о котором идет речь:

---

^I Подчеркнуто нами. - Б.Г.

Приведенные факты (которые без труда могут быть умножены) как будто свидетельствуют о том, что наш предыдущий тезис не соответствует действительному положению вещей. Напрашивается вывод о том, что если Фортунатов и допускал в своей общей теории отдельные несистемные, "атомистические" определения, то они могут не приниматься во внимание как не соответствующие его действительному подходу к фактам языка, — подобно тому, как использование им в отдельных случаях фразеологии и терминов психологического диахронического языкознания не может заслонить чисто формального и синхронического характера его теории. Однако здесь, на наш взгляд, дело обстоит сложнее. "Атомизм" Фортунатова не является только поверхностным, чисто терминологическим. Он определяет самую сущность данной теории, а в конечном счете — и подход исследователя к анализируемым фактам. В этом отношении конкретные исследования Фортунатова до известной степени опережают его теоретические воззрения (мы видели выше, что подобное положение имело место в языкознании и прежде). Но сама теория строится на чисто атомистической, несистемной основе, противопоставляясь по этому признаку современному структурному языкознанию.

Какие основания имеются для подобного утверждения? Нам представляется, что "морфологизм" Московской школы, о котором неоднократно писалось в литературе, как раз является необходимым следствием формального, но не структурного подхода к языку.

Действительно, выше мы говорили о том, что Фортунатов сумел стать на точку зрения языка как такового, освободив языковые факты от экстралингвистической интерпретации. Но

вместе с этим освобождением, как его необходимое следствие, исчезла та основа, которая позволяла прежде (хотя и с экстралингвистических позиций) рассматривать язык как единое целое. Роль такой основы могли играть самые различные понятия (логическая система, понятие организма, движение абсолютной идеи по Гегелю, "дух народа", индивидуальная психика), но неизменно именно эти понятия служили той исходной позицией, с которой рассматривалась общая связь языковых фактов, сведение их в целостную картину. Фортунатов устраняет апелляцию к подобного рода понятиям — и языковые факты оказываются "предоставлены самим себе", в своей разрозненности и отдельности.

Сказанное ни в коем случае не означает, что у Фортунатова мы встречаем лишь беспорядочное нагромождение отдельных фактов. В этом случае нельзя было бы говорить вообще о какой бы то ни было концепции. Между тем у Фортунатова атомизм проявляется, так сказать, на концептуальном уровне — не как отсутствие теории, а как самый принцип построения теории. Этим принципом и является знаменитый фортунатовский "морфологизм". Сущность его состоит в том, что Фортунатов отправляется, как от исходного, не от логики, психологии, философии и т.п., но и не от структуры (в ее современном понимании), а от отдельных материальных элементов языка. Перед нами, повторяем, формальный, но не структурный подход. Именно данный тезис может служить принципом, из которого вытекают все без исключения определения и аппликации фортунатовской теории.

Рассмотрим это положение подробнее. Итак, исходной посылкой теории для Фортунатова служат отдельные материальные элементы языка. В этом он, как мы видели, отталкивается от психологического подхода, для которого в центре стояла психическая деятельность говорящего — соединение или, напротив, расщепление представлений. Но вместе с психологизмом Фортунатов отказывается от присущего последнему динамического, деятельностного подхода к языку. Отбросив

динамику психических ассоциаций, возникающих в процессе речевого творчества, Фортунатов не заменяет ее динамикой системных связей, зависимостей, и в результате все построение принимает сугубо статический, застывший характер. Там, где для психологиста кончается — вместе с сиюминутным актом речевой деятельности — язык, для формальной теории только начинается собственно языковая сторона этой деятельности, предстающая как готовый, отложившийся, застывший результат. Не случайно поэтому, что если для психологической теории центральным понятием, центральной единицей языка является предложение, высказывание (то есть то, что строится, каждый раз вновь и вновь создается говорящим), то для Фортунатова такой центральной единицей, первоэлементом оказывается слово (то есть элемент "пассивный", который уже готовым отлагается в сознании говорящего и лишь воспроизводится в речи, а не создается заново). Творческий аспект языка (язык как *étre-juré*), процесс создания высказываний мало занимает Фортунатова: по этому поводу он высказывал малооригинальные суждения, повторяя в основном общераспространенные психологические определения (ср., напр., 26, 321 ; 24, 81). Это происходит именно потому, что данные процессы фактически лежат за пределами создаваемой им теории, в которой язык предстает как уже готовое, застывшее в материальной форме образование, складывающееся из отдельных элементов — слов. Так статически-формальный (игнорирующий динамику системы) подход оказывается источником морфологизма концепции с характерной для последнего опорой на понятие слова: "Язык состоит из слов, которые, за исключением лишь некоторых, вступают между собой в сочетания в суждениях, в предложениях" (26, 131).

В этой связи особого внимания заслуживает известное определение слова, данное Фортунатовым: "Всякий звук речи, имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющихся словами, есть слово" (26, 132). Недостаток этого определения — его тавтологичность — бросается в глаза

(на что не раз обращалось внимание в литературе), он настолько очевиден, что кажется даже странным, как вообще такое определение могло возникнуть. А между тем, как нам представляется, это определение имеет глубокий смысл именно с точки зрения общих идей его автора. Ведь Фортунатов определяет исходное понятие своей теории, из которого затем будут выведены все остальные понятия, то есть пытается определить то, что для данной теории, в рамках последней принципиально неопределяемо. Вот почему вместо определения получилась тавтология: ведь Фортунатов, говоря о слове, не может апеллировать ни к чему другому, кроме самого слова. Он не обращается в своем определении к таким, например, категориям, как понятие или представление, с помощью которых можно было бы избежать тавтологии, пожертвовав при этом, однако, формальным характером теории.

Все дальнейшее, как было уже сказано, выводится из данного исходного понятия.

Прежде всего, само определение формы оказывается "морфологизованным", исходящим из идеи слова. Формой в языке признается то, что является формой слова, и притом именно отдельного слова, взятого самого по себе, вне связи с другими словами (слова-лексемы, слова-парадигмы в совокупности всех его вариантов, имеющих тождественное значение "отдельно от других слов"). "Формой отдельных слов в собственном значении этого термина называется... способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова" (26, 136), то есть, иными словами, наличие флексии. При этом даже такой "нематериальный" случай, как нулевой аффикс, трактуется как разновидность флексии: "Формальные принадлежности слов в их формах могут быть не только положительными, состоящими из известной принадлежности слов, но и отрицательными, причем самое отсутствие в слове какой бы то ни было положительной формальной принадлежности может само осознаваться говорящим как формальная принадлежность этого слова" (26, 137-138). Введен-

ная первоначально как показатель формы отдельного слова, флексия оказывается впоследствии, как увидим, единственным критерием, определяющим описание и формальных классов слов и форм словосочетаний, то есть приобретает роль универсального показателя языковой формы вообще.

Конечно, даже такое узко морфологизованное понимание формы не может полностью ликвидировать фактор связи языковых элементов. Ведь и понятие флексии, само ее выделение в слове основывается на идее связи слов — как в синтагматическом плане ("видоизменение в части звуков одного и того же слова может существовать потому, что отдельные слова, вступающая в сочетание между собой, подвергаются при этом по отношению к звуковой стороне влиянию одного слова на другое слово" (26, 132), — так и в парадигматике "формальная принадлежность слова образует данное слово, как видоизменение другого слова, имеющего ту же основную принадлежность с другой формальной принадлежностью. Формами полных слов являются, следовательно, различия полных слов, образуемые различиями в их формальных принадлежностях" (26, 137). Но эта связь мыслится как соединение первичных элементов — ведь учитываются только те показатели связи, которые проявляются в самих этих элементах в отдельности. Те же "формальные принадлежности", которые не принадлежат самим элементам-словам как таковым, а проявляются исключительно при соединении слов и потому "не видны" при изолированном рассмотрении последних, данной теорией никак не учитываются. К числу не замеченных Фортунатовым формальных показателей не случайно относятся такие супraseгментные явления, как интонация, порядок слов, а также столь важное для современного языкознания понятие окружения (дистрибуции) элемента в речи.

Итак, понятие языковой формы суживается до формы отдельного слова. Вследствие этого и грамматическая классификация слов оказывается в действительности чисто морфологической: поскольку позиционное распределение элементов, их функциональные особенности не вошли в понятие формы, единственным критерием формальной классификации оказываются все

те же флексии — "формы словосизменения".

Классификация слов, данная Фортунатовым, хорошо известна, и здесь нет необходимости ее пересказывать (см. об этом, например, (26, 157-158), а также (22, 73)). Хорошо известны как достоинства этой классификации (последовательное проведение единого и притом строго формального принципа, что позволило устранить такие аморфные понятия традиционной грамматики, как местоимение, числительное, и, напротив, соединить обычно далеко разобщаемые, хотя и весьма близкие функционально, классы слов, как, например, причастие, прилагательное, порядковое числительное, некоторые разряды местоимений и т.д.), так и ее недостатки (пестрота некоторых получившихся классов, объединенных механически на основе внешнего признака^I, и прежде всего класса так называемых "бесформенных слов"). Необходимо лишь подчеркнуть, что как первые, так и вторые органически вытекают из принятого исследовательского принципа и, следовательно, реализуют те сильные и слабые стороны этого принципа, о которых говорилось выше.

Наконец, из сказанного вытекает и синтаксическая концепция Фортунатова. Здесь отказ от экстралингвистических апелляций был особенно важен; и в то же время здесь наиболее отчетливо проявилась ограниченность морфологизованного неструктурного подхода.

Впервые в науке XIX столетия синтаксическая единица оказалась определена не как облеченное в форму слов суждение (или высказывание, "мысль", соединение представлений и т.п.), а с точки зрения своей собственной формы. Это был огромный шаг вперед, но в то же время он с самого начала

I

Так, у М.Н.Петерсона в результате последовательного проведения исходного принципа совершенно распались глагольные формы русского языка. Помимо отрыва причастий, деепричастий и инфинитива, имеющего место уже в классификации Фортунатова, в разряд "родовых слов" (вместе с прилагательным) попали формы прошедшего времени в противоположность "личным" формам настоящего-будущего времени.

нес на себе печать ограниченности самого понимания формы.

В самом деле, что представляет собой всякая синтаксическая единица с точки зрения своей формы, если понимать под последней только то, что материально выражено в отдельных словах? Ответ, по-видимому, может быть только один: при таком подходе любая синтаксическая единица должна рассматриваться как сочетание отдельных слов, словосочетание — и ничего более.

"Предложение не есть суждение, даже не есть суждение, выраженное в слове, но есть просто известного рода словосочетание (или даже одно слово), которое не находится в каком-либо определенном отношении к суждению" (4, 17).

Синтаксис Московской школы нередко упрекают за одностороннее преувеличение понятия словосочетания, за то, что проблема специфики предложения как особой языковой единицы осталась нерешенной. Признавая правомерность подобных упреков, следует вместе с тем подчеркнуть, что синтаксическая теория составляет органическую, неотъемлемую часть лингвистического метода данной школы в целом, и говорить о ее недостатках (равно как и о достоинствах, на которые обычно меньше обращается внимания) можно лишь в связи с общей характеристикой концепции. В частности, упрек в неумении решить проблему предложения сам по себе едва ли справедлив: ведь Фортунатов и не мог решить данную проблему хотя бы потому, что для него этой проблемы попросту не существовало. Как мог он решить вопрос о языковой специфике предложения, когда из самого духа его теории вытекает, что предложения как особой языковой единицы не существует? Предложение, в его отличии от словосочетания, определяется Фортунатовым в чисто семантическом и психологическом (но не формальном, а следовательно, не языковом) плане, как такое сочетание слов, которое выступает в речи в виде законченного высказывания: "Словосочетания могут быть законченными и незаконченными. Незаконченным словосочетанием является такое словосочетание, самостоятельная часть которого образует собой также и часть другого словосочетания, т.е. незаконченное словосочетание вхо-

дит в состав другого словосочетания, становящегося поэтому не простым, но сложным... В законченном словосочетании одно слово сочетается с другим, как одна часть суждения с другой частью суждения, т.е. законченное словосочетание представляет собой полное предложение" (26, 188).

"Словосочетание может быть законченным, если оно выражает целое суждение и не составляет, следовательно, части другого словосочетания, и незаконченным, когда оно является выражением только лишь части суждения... Незаконченное по значению словосочетание может быть дано в языке и в такой форме, которая сама по себе принадлежит законченному словосочетанию. Возможно это по той причине, что раз образовавшееся законченное словосочетание может воспроизводиться в мысли и в качестве нового предложения" (17, 152-153).

Мы сочли необходимым привести эти обширные выписки для того, чтобы показать полную неграмматичность понятия предложения для Фортунатова и его школы. Фортунатов и его ученики довольно беззаботно повторяют здесь общераспространенные в их эпоху психологические определения - именно потому, что данное понятие лежит вне пределов их теории и упоминается лишь как дань традиции. Следовательно, в рамках данной теории было бы неразумно ожидать каких-либо попыток решения рассматриваемой проблемы.

Более того, в свете всего сказанного выше о месте и значении теории Фортунатова представляется ошибочным вообще рассматривать элиминирование понятия предложения только как недостаток (как это обычно делается) ^I. Необходимо помнить, что такое положение сложилось вследствие отказа (в

I

Именно с этих позиций, в частности, критикует данную теорию В.В.Виноградов. См., например, (5, 40-43; 7, 101-102); ср. также (3, 104). Фактически аналогичный смысл имеет позиция, занимаемая в этом вопросе и Д.В.Стариковым, который пытается, с целью "оправдания" Фортунатова, доказать первичность для него понятия предложения "как выражения цельной мысли, как законченной единицы связной речи" (21, 150).

рамках грамматического учения) от апелляции к понятию психологического суждения, что само по себе было явлением глубоко положительным. Теория предложения перестала апеллировать к таким туманным понятиям, как "законченная мысль", "соединение представлений" и т.п., - но при этом обнаружилось, что тем самым исчезает и сама теория предложения, поскольку предшественниками Фортунатова данная теория разрабатывалась на неформальной основе, вопрос же о формальных признаках предложения как специфической (уже с точки зрения языка) единицы в рамках морфологизованной фортуновской концепции не мог быть решен. Таким образом, повторяем, отказ от традиционной теории предложения на фоне психологического синтаксиса ¹ (для которого понятие предложения является центральным, что и служит поводом для некоторых исследователей противопоставлять его учению Фортунатова - в качестве "положительного примера"), был свидетельством не слабости, а силы фортуновской концепции. Именно такой подход послужил толчком к созданию новой теории предложения, построенной уже на структурной основе. Не случайно выдвижение на первый план одного из важнейших формальных признаков предложения - интонации - связывается с именами учеников Фортунатова (хотя и не прямых его последователей) - А.М.Пешковского и А.А.Шахматова ² (16; 27).

I

Заметим, кстати, что даже такой типичный "синтаксист", как А.А.Потебня (противопоставляемый обычно в этом плане Фортунатову), пришел к чисто морфологическому критерию (*verbum finitum*), как только попытался определить предложение формально.

2

При этом необходимо сказать, что и в настоящее время проблему предложения как особой единицы языка нельзя считать решенной. Грамматика предложений, которая изучала бы синтагматические и парадигматические связи этих единиц (подобно тому как это делает грамматика слов - морфология и синтаксис), еще не построена. Вот почему в определении предложения лингвисты и сегодня колеблются между апелляцией к таким туманным понятиям, как "относительная законченность мысли", "отнесенность к действительности" и т.п., с одной стороны, и чисто "морфологическими" (в духе Форту-

Все сказанное об исторической ценности позиции Фортунатова не снимает вопроса о том, что в конечном счете эта позиция была ограниченной. Несомненно также, что именно в синтаксисе эта ограниченность проявилась наиболее ярко, так как здесь сам материал вступал в очевидное противоречие с морфологизмом концепции. Именно в сфере синтаксиса с особой очевидностью дают о себе знать те стороны языковой формы, которые не проявляются (или не обязательно проявляются) в отдельных словах: позиционное распределение элементов, механизм их свертывания, "супрасегментные морфемы", наконец, возможности трансформации структур. Лингвист, игнорирующий данные — чисто структурные — факторы, рискует в области синтаксиса не заметить слишком многого. Это и случилось с формальной школой. Если в области морфологии ряд ее положений сохранил значение и для наших дней (например, исследование отдельных категорий, определение форм словоизменения по соотношению слов между собой, чисто синхронная трактовка понятия производности-непроизводности основы слова, наконец, некоторые положения классификации слов), то описание "грамматических" и "неграмматических" словосочетаний¹, являющееся, в сущности, простой каталогизацией форм сочетающихся между собой слов, замена понятия синтаксической связи простым перечислением образующих его морфологических элементов², то есть фактическое представление синтаксической связи как соположения отдельных форм, представляет уже, безусловно, лишь чисто исторический интерес.

натова) попытками описать предложение через некоторые элементы его структуры (глагол или некоторые глагольные категории, "формы сказуемости", "ядерная структура") — с другой.

¹

То есть словосочетаний, в которых связь слов соответственно выражена или не выражена формами этих слов.

²

Крайним проявлением такого подхода является оценка однословных предложений как чисто морфологических явлений, встречаемая у М.Н. Петерсона (15, 123).

Таким образом, мы можем теперь сделать вывод о том, что "морфологизм" Московской школы и связанные с этим уязвимые места ее теории отнюдь не случайны и не являются просто некоторыми недостатками: они вытекают из самой сущности данной теории, в такой же степени из ее сильных сторон, как и из ее слабостей, поскольку первые и последние неразрывно и necessarily предполагают друг друга. Перед нами теория, уже освободившаяся от экстралингвистических (в данном случае - психологических) наслоений, но не пришедшая к идее системных отношений как главного принципа, на котором должно строиться лингвистическое описание. Этим и оказался обусловлен (более того - предопределен) морфологизм Фортунатова и его учеников. Вот почему системный подход, действительно вполне отчетливо обнаруживаемый в конкретных исследованиях данного направления, не может изменить нашего последнего вывода: ведь сам этот подход проявляется в рамках общей теории, неструктурной (морфологичной) по своему существу.

Интересно, что в этом своем качестве теория Фортунатова во многом совпала с концепцией грамматик эллинистического периода. Имеется в виду Дионисий Фракийский и в особенности "Синтаксис" Аполлония Дискола. Данная концепция во многом ориентируется на языковую форму, освобождаясь от логико-семантических определений, столь характерных для античной теории языка в целом. Так, например, Аполлоний уже четко различает грамматическую и смысловую правильность, называя нарушения первой солексизмом, второй - варваризмом: "Итак, выражение этот меня ударил, сказанное о женщине, не заключает в себе погрешности речи: ведь оно обладает должной согласованностью. Если же кто-нибудь, когда дело идет о женщине, оказал бы эта меня ударила, он без сомнения скажет солексизм вследствие несогласованности слов, хотя он и правильно указывает род. Ведь согласованность и несогласованность заключается не в предметах, но в соединении слов, которые могут изменяться в должном направлении, между тем как предметы все время остаются теми же" (I, 138)¹.

I Подчеркнуто нами. - Б.Г.

Здесь уже ясно видно различие языковой формы и того, что выражается с помощью языка, и стремление описывать факты языка как таковые. Это стремление реализуется и в определении частей речи, в которое неизменно входит формальный признак — словоизменение. Так, Дионисий Фракийец следующим образом определяет имя и глагол: "Имя есть склоняемая часть речи, обозначающая тело или вещь (тело — например, камень; вещь — например, воспитание) и высказываемая как общее и как частное: общее — например, человек; частное — например, Соократ"^I.

"Глагол есть беспадная часть речи, принимающая времена, лица и числа и представляющая действие или страдание" (I, II8-II24; ср. также 30, 55I и сл.).

И эта попытка дать формальное описание закономерно приводит античных грамматистов к чисто морфологическому построению. В центре в данной теории оказывается слово в совокупности своих форм. Классы слов (части речи), как мы уже видели, выделяются на основании чисто морфологического принципа — форм словоизменения. Наконец, речь в целом предстает как соединение отдельных слов. Разъясняя задачи своего "Синтаксиса", Аполлоний пишет: "Предлагаемое издание имеет разъяснить сочетание отдельных слов в целую речь" (IO, I7). Благодаря этому, синтаксические структуры предстают как соединение частей речи, и не случайно интерпретируются в терминах именно частей речи. А.Добиах замечает по этому поводу: "Везде, где наши синтаксисты находят сказуемое да подлежащее, Аполлоний, с своей стороны, толкует о личных глаголах, об именительном падеже при личных глаголах" (IO, 57). Неудивительно, что при этом предложение как особая единица языка не находит определения. В определении предложения неиз-

---

I

Еще более показательным является соответствующее определение в грамматике Доната: "Что есть имя — имя есть часть речи, имеющая падеж" (I, II9).

бежной оказывается апелляция к экстралингвистическим категориям, в данном случае — к традиционным для античной лингвистики логическим критериям (законченность мысли).

Это еще раз подтверждает мысль о том, что грамматическая теория, опирающаяся на языковую форму, но не усвоившая еще понятие структуры, оказывается неизбежно, в силу атомистического подхода, морфологизованной теорией. Чисто синтаксические явления языка остаются в такой теории неопределенными — или определяются традиционно, как экстралингвистические.

Мы рассмотрели лингвистическую теорию Московской школы в ее противопоставлениях и связях с важнейшими направлениями лингвистической мысли — античной лингвистикой, психологическим и историческим языкознанием XIX века, наконец, современной структурной теорией. В этих противопоставлениях выявляются основные черты рассматриваемой лингвистической концепции: имманентный подход к языку, установка на форму, что противопоставляет Московскую школу как логическому, так и психологическому языкознанию, сближая его с современным подходом; антипсихологизм, статический характер построений; обнаруживающий связи с позднеантичной грамматикой; наконец, атомистический подход к языку, отсутствие в теории понятия системы (в качестве исходного положения), что противопоставляет формальную школу (вместе со всей атомистической лингвистической теорией XIX века) современной структурной лингвистике.

Данная общая характеристика исследуемого направления определяет, на наш взгляд, всю структуру теории в целом: из нее могут быть выведены все важнейшие положения этой теории. Языковая форма, не объединяемая более какой бы то ни было идеей, почерпнутой извне, но и не соединившаяся еще с принципом имманентной организации — принципом структуры — предстала здесь как набор элементов, каждый из которых сам по себе, отдельно от других уже несет все формальные признаки, так что при связывании элементов не возникает никакого

принципиально нового качества: ведь в языке не замечается ничего, что лежало бы вне отдельных его единиц. Эта позиция, при всей ее ограниченности, открывала, однако, путь к дальнейшему углублению лингвистики во внутреннее устройство языка, к расширению понятия формы на основе принципа системности, к признанию языковой формой всего, что выявляется в противопоставлениях в системе. Теория, разработанная Фортунатовым и его последователями, сделала в этом направлении первый, и притом чрезвычайно важный, шаг. Этим прежде всего и определяется ее место и значение в истории лингвистики.

СПИСОК
ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Античные теории языка и стиля, М.-Л., 1936.
2. Ф.М. Б е р е з и н , Очерки по истории языкознания в России (конец XIX - начало XX в.), М., 1968.
3. С.И. Б е р н ш т е й н , Грамматическая система А.М. Пешковского. "Русский язык в школе", 1939, № 2.
4. Е.Ф. Б у д д е , Основы синтаксиса русского языка. "Русский филологический вестник", 1910, т. XIV, № 3.
5. В.В. В и н о г р а д о в , Идеалистические основы синтаксической системы проф. А.М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия. Сб. "Вопросы синтаксиса современного русского языка", Учпедгиз, М., 1950.
6. В.В. В и н о г р а д о в , Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова), изд. МГУ, 1958.
7. В.В. В и н о г р а д о в , Синтаксическая система проф. М.Н. Петерсона в ее развитии. "Русский язык в школе", 1964, № 5.
8. В.Н. В о л о ш и н о в , Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке, Л., 1929.
9. Б.М. Г а с п а р о в , О генеративном принципе описания синтаксических структур. Ученые записки Тартуского гос. университета, вып. 219, Труды по русской и славянской филологии, XII, 1968.

10. А. Д о б и а ш , Синтаксис Аполлония Дискола, Киев, 1882.
11. А. М е й е , Введение в сравнительное изучение индо-европейских языков, М.-Л., 1938.
12. А.М. М у х и н , Структура предложений и их модели, Л., 1968.
13. Г. П а у л ь , Принципы истории языка, М., 1960.
14. М.Н. П е т е р с о н , Акад. Ф.Ф.Фортунатов. "Русский язык в школе", 1939, № 3.
15. М.Н. П е т е р с о н , Очерк синтаксиса русского языка, М.- Пг., 1923.
16. А.М. П е ш к о в с к и й , Русский синтаксис в научном освещении, М., 1956.
17. В.К. П о р ж е з и н с к и й , Введение в языковедение, М., 1916.
18. А.А. П о т е б н я , Из записок по русской грамматике, т. I-II, М., 1958.
19. А.А. П о т е б н я , Мысль и язык, Харьков, 1892.
20. Ф. де С о с с у р , Курс общей лингвистики, М., 1933.
21. Д.В. С т а р и к о в , Синтаксические воззрения Ф.Ф. Фортунатова и его школы. "НДВШ. Филологические науки", 1960, № 3.
22. Д.Н. У ш а к о в , Краткое введение в науку о языке, М., 1913.
23. Ф.Ф. Ф о р т у н а т о в , О залогах русского глагола, "Известия ОРЯС", т. IV, 1903.
24. Ф.Ф. Ф о р т у н а т о в , О преподавании грамматики русского языка в средней школе. В кн.: Ф.Ф. Фортунатов, Избранные труды, т. II, М., 1957.
25. Ф.Ф. Ф о р т у н а т о в , Разбор сочинения А.В. Попова "Синтаксические исследования". "Записки ИАН", т. XIX, 1884.

26. Ф.Ф. Ф о р т у н а т о в , Сравнительное языковедение.
В кн.: Ф.Ф.Фортунатов, Избранные труды, т. I,
М., 1956.
27. А.А. Ш а х м а т о в , Синтаксис русского языка, Л., 1941.
28. А.А. Ш а х м а т о в , Ф.Ф.Фортунатов (Некролог). "Извес-
тия ИАН", 1914, серия У I.
29. Г.П. Ш е д р о в и ц к и й , Проблемы методологии систем-
ного исследования, М., 1964.
30. G. S t e i n t h a l, Geschichte der Sprachwissenschaft
bei den Griechen und Römern, B. 1, Berlin,
1862.
31. K. T o g e b y, Structure immanente de la langue Fran-
çaise, "Travaux du cercle linguistique de
Copenhagen", vol. VI, 1951.

С о д е р ж а н и е

С.В. Смирнов. Профессор Тартуского (Крьевского) университета Д.Н. Кудрявский	3
Глава первая. Общественно-политическая и научная деятельность проф. Д.Н.Кудрявского....	9
Глава вторая. Проблема сущности и про- исхождения языка в трудах Д.Н.Кудрявского	87
Глава третья. Грамматическая система Д.Н.Кудрявского	124
Б.М. Гаспаров. Лингвистическая концепция Москов- ской школы и проблема структурного описания язы- ка	173

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ, XVI

На историю русского языкознания

I

На русском языке

Тартуский государственный университет
ЭССР, г.Тарту, ул. Эликооли, 18

Ответственный редактор С.В. Смирнов

Сдано в печать 24 ноября 1969 г. Печ. листов 13 + I
вклейка. Учетн.-издат. листов 10,3. Тираж 500 экз.
Типографская Сумма № 2 бумажной фабрики "Кохила",
30х45. I/4. МВ 09745. Заказ № 913.
Ротанпринт ТИУ 1969. ЭССР, г. Тарту, ул. Эликооли, 18.
Цена 80 коп.